

**Actual problems
of Turkic studies**

Volume II

ACTUAL PROBLEMS OF TURKIC STUDIES

Volume II

**DEPARTMENT
OF TURKIC PHILOLOGY
OF SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY**

Saint Petersburg
2023

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск II

**КАФЕДРА
ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Санкт-Петербург
2023

**ББК 81.2Тюрк
А43**

*Публикуется при поддержке
Международного казахско-турецкого университета
имени Ходжи Ахмеда Ясави*

А43 Актуальные вопросы тюркологических исследований. Выпуск II /
под ред. Н. Н. Телицина. — СПб.: Санкт-Петербургский центр развития
и поддержки востоковедных исследований, 2023. — 228 с.

ISBN 978-5-4391-0879-4

В сборнике представлены статьи тюркологов, принявших участие в между-
народных научных конференциях 2022 и 2023 гг. в Санкт-Петербурге. Мате-
риалы посвящены различным проблемам изучения письменных памятников,
истории, культуры, тюркских языков и литератур.

ББК 81.2Тюрк

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-4391-0879-4

© Коллектив авторов, 2023
© Санкт-Петербургский
центр развития и
поддержки востоковедных
исследований, 2023

Содержание

<i>Takdim (Dr. Muhittin Şimşek)</i>	8
<i>Ашкенази Р. С.</i> «Латинисты» против «ислахистов» на Первом всесоюзном тюркологическом съезде в Баку и влияние их дискуссии на латинизацию тюркских языков в СССР	10
<i>Бекджаев Т. Б.</i> Общетюркские фразеологизмы в стихотворениях Махтумкули	15
<i>Васильева О. В.</i> Профессор Василий Дмитриевич Смирнов: 49 лет в Императорской Публичной библиотеке	20
<i>Виноградова Д. Ю.</i> Керамическое искусство Чанаккале	30
<i>Гимазиева Л. М.</i> Культурный код Турецкой республики: ретроспектива, современное состояние, роль российско- турецких отношений на международной арене	40
<i>Голубев П. П.</i> Основание суфийского ордена Мавлавия	45
<i>Давыдов С. А.</i> Становление тюркского этноса на территории полуострова Малая Азия	55
<i>Деркачёва М. О.</i> Жизнь и творчество османского поэта Ахмеда Недима (1681–1730)	62

<i>Жуков К. А.</i> Михаил Серафимович Мейер (1936–2022) и его вклад в российскую османистику	68
<i>Каррыева Ж. Б., Бегланова А. Г.</i> Символика цвета в туркменском фольклоре и вопросы перевода	71
<i>Козуб Е. А.</i> К вопросу о становлении источниковедения Османской империи (XV–XVI вв.)	77
<i>Колосова Д. И.</i> Опыт анализа категории адмиративности в турецком языке	87
<i>Копанева Д. Д., Красуцкий С. А.</i> Следственное дело об оскорблении чести государя, или Обсценная тюркская лексика в российских документах XVII в.	93
<i>Кураксина Т. О.</i> Образ турецкого интеллигента на примере героя романа «Покой» Ахмеда Хамди Танпынара	100
<i>Кушхов Б. Х.</i> Советская позиция по тувинскому вопросу в 1920-е годы: переход от неопределенности к признанию	104
<i>Лебедев Э. Е.</i> Об образовании и семантике некоторых составных аффиксальных форм глагола в чувашском языке	110
<i>Лученков И. Р.</i> Проблематика водной безопасности в рамках суверенного курса Турецкой Республики (1923–2021)	118
<i>Лямина Э. П.</i> Категория определённости / неопределённости в современном турецком и английском языках с точки зрения когнитивного подхода У. Чейфа	127
<i>Митряшкин А. С.</i> Татары-липки во Второй Польской Республике (по материалам арабской печати)	133
<i>Образцов А. В., Сулейманова А. С.</i> Некоторые особенности структуры романа «Шик» А. Х. Гюрпынара	142
<i>Первушин А. М.</i> Образ турок и турецкая угроза глазами Мартина Лютера	148

<i>Псянчин Ю. В.</i> Дж. Г. Кiekбаев и вопросы классификации говоров башкирского языка.	156
<i>Репенкова М. М.</i> Современная турецкая фантастика как часть массовой культуры.	158
<i>Репенкова М. М.</i> Турецкая «темная» фэнтези на примере романа Гюндюза Огюта «Два берега реки» (2003)	166
<i>Сагдеева Р. И.</i> Типологические особенности английского языка как препятствие для успешного его освоения носителями турецкого языка	176
<i>Серкина Г. А.</i> К вопросу о происхождении кухонной чаши-пиалы и современных ритуальных сосудов тюрков.	181
<i>Слипчик К. А.</i> Отношения Турции и Центральной Азии на современном этапе	187
<i>Telitsin N. N.</i> Intikul'dan bir runik yazıtı üzerine (на турец. яз.)	193
<i>Терещенко С. М.</i> Система штрафов и наказаний в Османской империи в XVI в. на основании канун-наме Сулеймана I	199
<i>Токарева М. М.</i> Ушедшая Россия продолжает жить в Стамбуле	205
<i>Фомкин М. С.</i> К вопросу об авторских решениях переводчика (на материале поэтических переводов С. Н. Иванова)	213
<i>Шакирова А. Р.</i> Мифоним «бичура» и его описание в современной татарской лексикографии	217
<i>Эминли Б. И.</i> Формы обращения к женщинам в этнокультурологии азербайджанцев	220
Сведения об авторах	225

TAKDİM

Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi adına, St. Petersburg Devlet Üniversitesi Türk Filolojisi Bölümü tarafından düzenlenen XXXVII. Kononov Okumaları Uluslararası Bilimsel Konferansı'nın paydaşı olmaktan ve Rusyalı Türkologlarla işbirliği yapmaktan büyük mutluluk duymaktayım. Ana yerleşkesi Kazakistan'ın Türkistan şehrinde bulunan Hoca Ahmet Yesevi Üniversitesi'nin güçlü olduğu ve öncelik verdiği alanlardan biri de Türkolojidir. Üniversitemiz bünyesinde Türkoloji Enstitüsü faaliyet göstermekte 2002 yılından itibaren geleneksel olarak iki yılda bir Türkoloji Kongresi düzenlemektedir. Sovyetler Birliği sonrasında bölgede en önde gelen Türkoloji araştırma ve inceleme merkezi haline gelen Enstitümüz aynı zamanda Turkologia Dergisini çıkarmaktadır.

Türkistan'ı doğal bir Türkoloji laboratuvarı olarak tüm dünyadan Türkologların buluşma noktası haline getirme hedefi doğrultusunda Türkolojiyi üniversitemizin gelişim programında öncelikli alan olarak ilan etmiş bulunmaktayız. Ahmet Yesevi Üniversitesi Türkoloji Enstitüsü'nü müstakil binası, zengin kütüphanesi, arşiv kaynakları ile marka haline getirmek için çalışmaktayız. Bu çerçevede tüm dünyadan olduğu gibi Rusya Federasyonu'ndan da Türkoloji alanında tecrübeli hocaları, doktora yapan ya da saha araştırması yürüten akademisyenleri Ahmet Yesevi Üniversitesi Türkoloji Enstitüsü'ne davet etmek istiyorum.

Türkoloji alanında yürütülecek çalışmalar Türk halklarının tarihi zenginliğinin ortaya çıkarılması açısından önemli olduğu kadar geniş Avrasya coğrafyasında yaşayan komşu milletler arasındaki kültürel etkileşim ve bir arada yaşama pratiğinin anlaşılmasına katkı sağlamaktadır. Türklerle yüzyıllarca komşuluk yapmış ve bir arada yaşamış çok millî ve çok kültürlü bir devlet olan Rusya'da Türk tarihine dair çok zengin bir miras bulun-

maktadır. Rus Türkologlar bu mirasın insanlığa kazandırılmasında ve Türkolojinin ayrı bir disiplin olarak gelişiminde önemli rol oynamışlardır. Leningrad'da doğmuş ve Sovyetler Birliğidöneminde Doğu Araştırmaları Enstitüsü uzmanı olarak Türk dili alanında eserler vermiş bir bilim adamı olan Andrey Nikolayeviç Kononov ise Türkolojinin öncü isimlerinden biridir.

Kononov adına düzenlenen ve Rusya'nın farklı üniversitelerinden, Türkiye'den, Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti'nden, Özbekistan'dan Türkologların bildirimlerinin yer aldığı bu çalışmanın hazırlanmasına emek veren başta Prof. Dr. Nikolay Telitsin olmak üzere tüm katkı sunan kişi ve kurumlara teşekkür eder, hayırlara vesile olmasını dilerim.

Prof. Dr. Muhittin ŞİMŞEK
Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Kazak-Türk Üniversitesi
Mütevelli Heyeti Başkanı

Р. С. Ашкенази

**«Латинисты» против «ислахистов» на Первом
всесоюзном тюркологическом съезде в Баку и влияние
их дискуссии на латинизацию тюркских языков
в СССР**

Аннотация: Рассмотрены причины дискуссии о замене арабграфичного алфавита фонетическим (латинским или кириллическим) для тюркских языков, а также мнения представителей различных тюркских сообществ и российских востоковедов относительно этого вопроса, которые они высказали в ходе Первого всесоюзного тюркологического съезда в Баку в 1926 г. Проанализированы результаты этого съезда для дальнейшего развития тюркских языков и республик, в которых на этих языках говорили.

Ключевые слова: латинизация в СССР, тюркские языки, языковая политика, языковая реформа, Первый всесоюзный тюркологический съезд в Баку.

R. S. Ashkenazi

**“Latinists” against “Islachists” at the First All-Union Turkological
Congress in Baku and the Influence of Their Discussion
on the Latinization of Turkic Languages in the USSR**

Abstract: This article consider the reasons that led to the discussion about replacing the Arabic alphabet with phonetic (Latin or Cyrillic) for the Turkic languages, as what opinions existed among representatives of various Turkic communities and Russian Orientalists regarding this issue, which they expressed during the First All-Union Turkological Congress in Baku, which took place in 1926. In addition, the results of this congress will be analyzed for the further development of the Turkic languages and the republics in which these languages were spoken.

Key words: Latinization in the USSR, Turkic languages, language policy, language reform, First All-Union Turkological Congress in Baku.

Дискуссия о переходе тюркских языков на фонетическое письмо зародилась еще во второй половине XIX века, когда Исмаил Гаспринский, крымско-татарский общественный деятель, основал школы, в которых использовался «новый метод» («усул-и джадид», араб. «новые принципы»). Действительно, методика обучения иностранным языкам И. Гаспринского кардинально отличалась от той, что использовались в медресе и мектебах его времени. По «старому» методу ученики при изучении арабского языка, который был обязательным для всех учащихся, должны были заучивать слова без знания букв, т. е. они не понимали логику написания того или иного слова, которое они могли прочесть только потому, что его заучили, а не потому, что могли его прочитать по буквам. «Новый» метод же основывался на противоположных принципах. Сначала ученики изучали алфавит, и только потом слова и грамматику, поэтому эту методику также называют «звуковым методом». Данная методика показала свою эффективность и в Российской империи появились школы «нового» метода [2: 15–17].

С появлением нового типа школ началась дискуссия о смене графики для тюркских языков, поскольку арабское письмо не подходило для «звукового» метода, так как не отражало фонетический строй тюркских языков. Дискуссия велась вокруг перехода на фонетический алфавит, в первую очередь, на латинский, поскольку кириллица, которая бы тоже отражала фонетический строй языка, не подходила из-за культурной памяти тюркских народов о политике Российской империи в отношении мусульман [4: 292–293].

Впервые говорить о смене арабграфичного алфавита стали в Азербайджане во второй половине XIX в. [5: 278]. После некоторых реформ латинский алфавит начали официально использовать в 1924 г. Руководство Азербайджана выступило за созыв Первого всесоюзного тюркологического съезда. На нем тюркские республики должны были решить, использовать ли им опыт Азербайджана в области языковой политики. Создание съезда поддержала также Академия наук СССР [1: 274].

Всесоюзный тюркологический съезд проходил с 26 февраля по 5 марта 1926 г. и состоял из семнадцати заседаний, в ходе которых участниками были затронуты различные вопросы тюркологии, например, изучение тюркских языков в России, искусство тюркских народов и т. д. Главным вопросом, которому были посвящены с девятого по тринадцатое заседания, была реформа тюркской арабграфичной письмен-

ности и создание более удобного алфавита, который бы отражал их фонетический строй [4: 3, 545–548].

Основная дискуссия на съезде разворачивалась между сторонниками латинизации и ислахистами (от араб. «реформа»), сторонниками реформирования арабского алфавита, который бы отражал фонетический строй тюркских языков. Сторонниками латинизации являлись как представители востоковедения, так и делегаты тюркских республик. Среди них были: Н. Яковлев, Л. Жирков, Н. Тюрякулов, Б. Бердиев, Д. Мамед-заде. Среди ислахистов были Г. Шараф, Г. Ибрагимов, А. Байтурсун. В дискуссии также принимали участие сторонники перехода на кириллицу, например, К. Тынстанов и Х. Косыев. Однако, несмотря на разницу во мнениях, все делегаты отрицали тот вариант арабографического письма, которым пользовались тюрки в то время.

Дискуссия основывалась на двух сторонах алфавита: культурной (какую роль определенный алфавит играет в культуре народа, как он связан с его историей и что смена алфавита может принести положительного или отрицательного конкретному сообществу) и практической (типографский набор, ликвидация безграмотности, легкость обучения детей и взрослых и использования для носителей языка). Абсолютное большинство делегатов выступало за создание латинского алфавита для тюркских языков. Все они приводили общие аргументы в защиту своей позиции, а именно:

- 1) удобство латинского алфавита для выпуска книг
 - а) удобный типографский набор (нужно меньше литер);
 - б) единое направление письма вместе с химическими и математическими формулами;
 - в) стоимость типографского листа (по подсчетам некоторых делегатов за одно и то же время наборщик печатал больше знаков латинского алфавита по сравнению с арабографическим);
- 2) легкость усвоения латинского алфавита при обучении
 - а) высокий уровень различимости букв;
 - б) буквы не соединяются, т. е. имеют один вариант написания, что упрощает их усвоение;
 - в) латинский алфавит отражает фонетический строй тюркских языков (каждая фонема выражена на письме);
- 3) приобщение к европейской культуре через латинский алфавит и преодоления торможения развитие культуры, фактором чего служил арабский алфавит.

С этими доводами спорили ислахисты в лице двух татарских делегатов Г. Шарафа и Г. Ибрагимова¹. Шараф полагал, что от арабского алфавита не нужно отказываться, его нужно реформировать, поскольку эта письменность распространена среди большинства тюркских народов. Также достоинствами данного алфавита он считал отсутствие заглавных букв и знаков препинания, а также высокую скорость чтения по сравнению с латинским алфавитом. Относительно типографского набора делегат считал, что он также удобен и не требует замены [4: 337–340]. Ибрагимов привел в обоснование сохранения арабского алфавита культурологические аргументы: по его мнению, этот алфавит был одним из элементов культуры. Кроме того, он считал, что у татар есть богатая литературная традиция, не такой низкой, как в других республиках, уровень грамотности, поэтому в Татарстане нет необходимости идти на такую решительную меру, как смена письменности [4:363–368]. Таким образом, сторонники сохранения арабского языка выразили несогласие с латинистами по всем аспектам, которые учитывались на съезде при выборе будущей письменности для тюркских языков.

Анализируя выступления участников съезда, можно заключить, что ученые-востоковеды и латинисты-представители тюркских сообществ, независимо от того, являлся ли для них один из тюркских языков родным или нет, выступали за рассмотрение реформы письменности с двух сторон: культурной и технической. Более того, большинство делегатов заявляли о том, что реформа алфавита в любом ключе (его полная замена, реформация уже используемого) дело каждой республики, поскольку каждая из них имеет различные особенности (наличие давней литературной традиции, уровень грамотности и т. д.). Конечно, полного единодушия по обсуждаемому вопросу по всем пунктам не было. Л. Жирков в своем выступлении на съезде затрагивал только техническую сторону алфавитной реформы [4: 300–311], а некоторые делегаты, как Барахов и Карачайли-Ислам, выступали за латинизацию для всех тюркских языков без исключения [4: 381, 388].

В ходе тринадцатого заседания было проведено голосование по двум резолюциям. Первая резолюция, предложенная Д. Коркмасовым, выступала за создание комиссии по разработке единого тюркского алфавита на основе латиницы и рекомендовала всем тюркским народам (в том

¹ В их поддержку также выступал А. Байтурсун (представитель казахов), однако теоретиками ислахизма выступили именно поволжские татары [4: 378–379]. .

числе немусульманским, например, якутам) перейти на этот алфавит; вторая, предложенная Г. Шарафом, предполагала создание двух комиссий: для реформирования единого арабского алфавита и для создания единой латиницы для тюркских языков. Большинство делегатов проголосовало за переход на латиницу. Таким образом, была утверждена первая резолюция, абсолютное большинство (101 голос) поддержало латинизацию тюркских языков, которая была осуществлена в 1920-е годы [4: 417–419].

Данная дискуссия показала, что большинство тюркских народов было готово к латинизации, о чем свидетельствует голосование по резолюциям. Кроме того, для этого уже была острая необходимость: уровень грамотности почти во всех тюркских республиках был очень низким (от 1,5% в Азербайджане до 25% в Татарстане среди городского населения [4: 289–290]). Как показало время, переход на латинский алфавит стал благоприятным фактором для образования в тюркских республиках, так как уровень безграмотности после завершения перехода на латинский алфавит значительно сократился [3: 78].

Литература:

1. Nurkaev A. Sh., Baranova T. V. The elimination of the Arabic script of the Turkic languages in the USSR in 1920–1940 // Смысловые абберации в иноязычной коммуникации: Сборник статей по материалам студенческих научных семинаров, Москва, 16 октября 2019 года. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. — Р. 271–278.
2. Абызова Р. Р. Реформа школьного образования в труде Исмаила Гаспринского “Рәһбәр мөгаллимин” («Спутник учителей») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 6 (149). — С. 13–17.
3. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М., 1997. — 233 с.
4. Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд: Стенографический отчет. — Баку: Нагыл Еви, 2011. — 550 с.
5. Шарип А. Ж. Назир Торекулов и новый Тюркский алфавит // Актуальные проблемы исследования и преподавания тюркских языков и литературы. — Сумгаит: Сумгаитский государственный университет, 2021. — С. 277–281.

Т. Б. Бекджаев

Общeturкские фразеологизмы в стихотворениях Махтумкули

Аннотация: В статье исследуются случаи употребления в различных тюркских языках фразеологических единиц (ФЕ), которые встречаются в языке произведений туркменского поэта XVIII в. Махтумкули. ФЕ языка Махтумкули в большинстве своем являются общeturкскими. Их структура состоит из общeturкских слов, арабских и персидских заимствований, что является доказательством появления этих единиц в различные исторические периоды.

Ключевые слова: Махтумкули, туркменский язык, фразеологизмы, общeturкские фразеологические единицы.

T. B. Bekjajev

Phraseological Units common to Turkic Languages in the Poems of Magtymguly

Abstract: This article is about the correspondences of phraseological units in Turkic languages used in the works of Magtymguly, famous representative of the Turkmen literature of XVIII century. Most of the phraseological units in Magtymguly's works are of common to Turkic character. Their structure can be made of words belonging only Turkic languages, as well as the loan words taken from Persian, Arabic languages. This shows that the history of phraseological units belong to different periods, some too early, some later periods.

Key words: Magtymguly, the Turkmen language, phraseological units, phraseological units common to Turkic languages.

Менталитет народа отражается в его языке. Способность языка любого народа передавать грядущим поколениям духовное богатство, сформированное в течение веков, называется кумулятивной функцией языка. С этой точки зрения, необходимо отметить особую заслугу фразеологизмов современных языков. Возникшие в определенный исторический момент, первоначально фразеологизмы функционировали как

свободные словосочетания, но впоследствии приобрели переносное значение и закрепились в лексико-фразеологической системе языка. До современной классификации языков, т. е. до формирования литературных языков, они имели общий лексический и фразеологический запас. Это утверждение корректно и для тюркских языков.

Часть фразеологизмов тюркских языков являются общими для их большинства. Чем раньше появились фразеологизмы, тем больше общего в них. Это связано как с одинаковым жизненным укладом, так и условиями возникновения фразеологизмов. Общетюркские ФЕ составляют самый древний пласт фразеологизмов.

Важнейшие источники для исследования истории языка — письменные памятники — дают возможность установить время возникновения и ареал распространения фразеологизмов. При этом важнейшую роль играет классическая литература. При знакомстве с творчеством Махтумкули — основателя туркменского литературного языка, знаменитого поэта-философа XVIII в. — можно встретить общетюркские фразеологизмы, используемые в большинстве тюркских языков. Однако необходимо отметить, что в некоторых из них произошли фонетические и грамматические изменения, связанные с особенностью конкретного языка.

Обратимся к некоторым примерам:

Baş egmek (букв. **склонить голову**) — 1. Tagzy metmek, salam bermek (букв. склонить голову, приветствовать). 2. Tabyn bolmak, boýun egmek (букв. подчиниться, сдаться на милость) [1: 39].

Ýene Selman Parsy işikden girdi,

Gelip rygambere **baş egip** durdy [2: 234]. (вошел в дверь Сельман Фарси, и склонив голову периветствовал пророка) к этому ФЕ соответствуют фразеологизм азербайджанского языка **baş aymak** [3: 87], узбекского языка **бош эзмок** [4:51] которые имеют аналогичное с туркменским значения.

Dile gelmek (приходить на язык) — aýtmak diýmek, beýan etmek (сказать, изложить).

Magtymguly, waspy gelmez dillere,

Dile gelse, beýan etsem illere [2: 133]. (Махтумкули не приходят слова о величии на язык, если бы приходили, я хвалу о нем распространил бы народам).

ФЕ “Dile gelmek” как видно из приведенного примера, свойственное только языкам огузской группе тюркских языков, но и языкам карлук-

ско-уйгурской группы, например, узбекского *тилга келмок* [4: 228], кипчакской группы тюркских языков — ногайского *тилге келувь* [5: 226] языков, которые идентичны и по структуре, и по значению. Эта фразеологическая единица употребляется на азербайджанском языке — *dilə gəlmək* [3:182], а в турецком языке даже звучит как в туркменском языке *dile gelmek* [6: 138].

Необходимо отметить, что ряд ФЕ языка произведений Махтумкули, которые встречаются и на других языках, являются полисемантическими. Например:

göz dikmek (пристально смотреть):

1. Bir nokada, zada gözüni aýurman seredip durmak (смотреть не отнимая глаз на кого- или что-либо). 2. Kimdir biriniň gelerini esabyrsyzlyk bilen garaşmak (ждать кого-то с нетерпением). 3. Naýsydyr bir zady almagyň kastynda gezmek (иметь цель что-либо приобрести). 4. Bir zatdan tamakin, hantama bolmak (хотеть чего-то).

Azyrpdyr gökleň hanlary,
Kän görer bize hallary,
Goýman sürdi bar mallary,
Göz dikip durmaly boldy [2:32].

(обнаглели ханы гёклена, завидуют нашей жизни, ничего не оставив увели весь скот, приходится следить внимательно).

Этот фразеологизм на узбекском языке так же имеет четыре значения [2:149].

Известно, что под влиянием различных обстоятельств в лексический состав тюркских языков вошли арабские и персидские слова. Эти слова проникли и в состав фразеологизмов. В произведениях Махтумкули часто встречаются фразеологизмы, в составе которых встречаются заимствования:

Абрауўу dökmek (уронить авторитет) — masgaralamak, masgara etmek (опозорить).

Her kişi bolsa nä sapa,

Абрауўу döker gider [2:224] (каждый, кто неуважителен, опозорит тебя).

Слово “abraў” в составе ФЕ производное от персидских слов “ab” (вода) и “goў” (лицо) (красота лица, здоровый вид лица — переносное значение).

Этот фразеологизм встречается в узбекском языке в виде *обрунни тукмок* [4:188], в азербайджанском — *abri tökülmək* [3:17]. Языку Махтумкули свойственно использование фразеологизма в том виде, который встречается в современном туркменском языке.

В составе ФЕ встречающихся в произведениях Махтумкули часто встречаются арабские заимствования. Приведем несколько примеров:

Dünýä gelmek (букв. Прийти в мир) — dogulmak (родиться).

Adam ogly, *dünýä geldiň* gitmäge,

Görüp dur sen bargu ýerini ýatmaga... [2:269]. (Букв. Сын человека, ты пришел в мир, чтоб уйти, ты видишь, что тебе уготована земля для лежания).

Akylý ýetmek (дойти умом) — düşünmek, bilmek (понять, знать).

Zeminden azm urar ol aftytaba,

Aklyň ýetse sora şunu, Gurhandan [2:97]. (из земли угрожает на небо, если знаешь обратись к Корану).

Эти ФЕ свойственны и целой группе тюркских языков. Слова *dünýä* (мир, вселенная), *akyl* (ум) входящие в их состав являются арабскими лексическими единицами. Эти словосочетания звучат в узбекском языке как *дунёга келмок* [4:75] *акл(и) етмок* [4:29], в азербайджанском *agly yatmak* [3:33], в ногайском *дуньяга энувь* [5:98], *акыл етувь* [5:25].

Кроме общетюркских фразеологизмов в произведениях Махтумкули встречаются единицы, созданные самим поэтом и превратившиеся в фразеологизмы, ФЕ, связанные с суфизмом и единицы, свойственные только туркменскому языку. Их анализ даст возможность выяснить особенности жизненных условий, морально-духовные особенности туркменского народа в различные исторические времена.

Изучение языка произведений классической литературы XVIII в. — золотого века туркменской литературы — на примере стихотворений великого Махтумкули, даст возможность определить степень функционирования большинства фразеологизмов общетюркского характера. Сравнив полученные результаты с положением в современном туркменском языке, можно определить активность общетюркских фразеологизмов.

Литература:

1. Bekjähew T. Magtymgulynyň eserleriniň frazeologik sözlügi. — Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. — 240 s.
2. Magtymguly. Eserler ýygyndysy, — Aşgabat: Türkmenistan, 2013. — 400 s.

3. Azərbaycan Türkçesi Deyimler Sözlüğü. — Ankara: Prestij Matbaası, 2005.—301 s.
4. Рахматуллаев Ш. Узбек тилининг изохли фразеологиклугати. — Тошкент: Уктувчи, 1978. — 407s.
5. Шихмурзаев Д. М. Ногайско-русский фразеологический словарь. — Махачкала: ООО «Издательство НИИ педагогики», 2006. — 296 с.
6. Benekçi Ş. Damla deyimlersözlüğü. — Istanbul: Damla Yayınevi, 2001. — 384 s.

О. В. Васильева

**Профессор Василий Дмитриевич Смирнов:
49 лет в Императорской Публичной библиотеке**

O. V. Vasilyeva

**Professor Vasilii Dmitrievich Smirnov:
49 Years in the Imperial Public Library**

Василий Дмитриевич Смирнов (1846–1922), доцент, а затем профессор Петербургского университета, автор нескольких значимых по сей день трудов по тюркологии [18; 19; 21; 22; 24]. Наиболее известна многим поколениям студентов-тюркологов его хрестоматия османской литературы [20], в которой были использованы не только печатные источники, но и рукописные документы из фондов Императорской Публичной (ныне Российской национальной) библиотеки.

С 1874 г. и до 1922 г. Смирнов заведовал Восточным отделением Библиотеки, в котором хранилась печатная продукция на восточных языках (кроме изданий на древнееврейском и идиш, включенных в Еврейское отделение), а также раздел *Orientalia*, состоявший из книг и журналов по ориенталистике на европейских языках. Смирнов выполнял текущую работу по комплектованию фондов, каталогизации печатных изданий арабской графики, обслуживанию читателей [27]. Между тем, наиболее заметный след его деятельности остался в отделе рукописей. Так, из 90 его печатных работ половина — публикации описаний арабских, персидских и тюркских манускриптов в ежегодных Отчетах Библиотеки [11]. В них нашли отражение военные трофеи — собрания Хивинского хана Сеид-Мухаммад-Рахима (1874) и Кокандского хана Худояра (1876), — коллекция Ф. И. Эрдмана (1875), арабо-христианские рукописи из собраний начальников Русской духовной миссии в Иерусалиме епископа Порфирия (Успенского) (1883) и архимандрита Антонина (Капустина) (1899), турецкие документы из собраний А. С. Фирковича

(1862) и П. И. Кеппена (1883 г.), дары бухарских эмиров Музафар ад-Дина (1876 г.) и Алим-хана (1913 г.), а также многочисленные отдельные поступления.

В Отчетах Библиотеки публиковались отредактированные, часто сокращенные варианты описаний вновь поступавших книг, расширенные оригиналы-автографы которых можно видеть на подклеенных к переплетам листах. Смирнов не только использовал принципы каталогизации, апробированные в каталоге акад. Б. А. Дорна [30: 1–540], но и применял методы палеографического исследования: обращал внимание на особенности почерка и бумаги: для датировки рукописей проверял филигранные по справочникам Н. П. Лихачева и Чарльза Брике. Например, к крышке переплета сборника анекдотов «Латаиф-нама» Лами (шифр: ТНС 142) подклеен листочек бумаги, на котором Смирнов нарисовал филигрань «якорь в круге» XVI в. Таким образом, он был в курсе новых тенденций в археографии и методов палеографического исследования, которые применялись работавшими в Публичной библиотеке специалистами по древнерусским рукописям А. Ф. Бычковым и его сыном И. А. Бычковым.

В то же время в некоторых описаниях сквозит неформальный, личный взгляд, дающий яркое визуальное представление о манускрипте. Так, о «Бахаристане» Джами, исполненном в Казвине в 1580-х гг. (ПНС 116), он пишет на вкладном листе: «Рукопись эта когда-то представляла собой роскошный экземпляр с рисунком на первой странице, с чудесными обрамками на 2 и 3 страницах и с разрисованными золотом по розоватому фону широкими полями. Теперь же она уже поношена и отчасти разбита, но все-таки не совсем утратила признаки своего роскошества...». Об иллюстрированной среднеазиатской «Пятернице» Низами середины XVII в. (ПНС 66): «экземпляр очень затейливый, хотя нельзя сказать, чтобы изящный».

В. Д. Смирнов занимался не только описанием вновь поступавших материалов. Отчет за 1887 г. сообщает о том, что в Библиотеке «устроена... очень интересная и характерная выставка, именно выставка средне-азиатских рукописей, украшенных миниатюрами, заставками и разными орнаментальными рисунками в красках» [16: 35]. Экспонировались «джагатайские рукописи», т. е. произведения, написанные на чагатайском языке (среднеазиатском тюрки), оформленные как на территории Мавераннахра, так и Ирана, а также сочинения на арабском и пер-

сидском языках, переписанные в Средней Азии. Смирнову принадлежат каталог выставки и материалы к предисловию, которое определено было отредактировано и дополнено куратором выставок Владимиром Васильевичем Стасовым, служившим в Библиотеке с 1872 по 1906 г.

Очевидно, что Смирнов сам не испытывал особого интереса к орнаментальному декору или миниатюрам, при этом он охотно помогал коллегам. Так, например, Стасов в своем альбоме «Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских», исследуя иллюстрации исторического сочинения о Чингиз-хане и его потомках «Таварих-и гузида-йи нусрат-нама» («Избранные истории из Книги побед») по копии Британского музея, упоминает, что перевод фрагментов из него выполнен Смирновым [25: 99].

В. Д. Смирнов и В. В. Стасов поддержали и помогли арабисту Алексею Федоровичу Шебунину в его исследовании знаменитого Самаркандского Корана, хранившегося в Библиотеке с 1869 по 1917 г. [26: 54, 57]. (Нелишним будет добавить, что Шебунин в качестве дипломата работал в Османской империи и в Каире, где исследовал куфический Коран Хедивской библиотеки. Он был женат на дочери Смирнова Нине Васильевне (в 1906 г. семья распалась). Их дочь, Татьяна Алексеевна, вышла замуж за Владимира Федоровича Минорского, русского дипломата в Иране и Турции, ставшего впоследствии известным иранистом.)

В. Д. Смирнов внес значительный вклад в пополнение фондов Библиотеки: всего благодаря ему поступили более 250 единиц хранения. Специально для нее он приобрел около ста арабских и турецких рукописных книг во время поездок в Османскую империю, которые можно расценивать как археографические экспедиции. В 1875 г. он привез 14 турецких литературных и исторических сочинений, включая «Кунх ал-ахбар» («Сущность известий») Мустафы Али-эфенди в списке XVIII в. (ТНС 35) и трактат Кочубея Гомюрджинского, посвященный султану Мураду IV (ТНС 171). Ранее Смирнов исследовал этот трактат, но по другой копии, снятой в 1816 г. с хранящегося в Стамбуле оригинала.

В 1879 г. Смирнов привез восемь исторических книг, среди них, например, «Кунх ал-ахбар» с владельческой пометой 1149 (1736/1737) г. (ТНС 51). Наиболее результативной была поездка 1892 г., когда он смог приобрести в Стамбуле и Брусе 75 мусульманских рукописей, из которых 70 написаны на турецком языке, включая арабо-турецкий словарь и сборник трактатов [23]. Основную часть этого комплекса составляют

исторические сочинения. Что касается литературных произведений, то по большей части здесь представлена проза [10].

Нередко Смирнов делал карандашные пометы о том, где и когда была куплена та или иная рукопись. Так поэма Ахмади «Искандар-нама» в копии XV в. (ТНС 137) была приобретена им в Стамбуле, в Байазидийе у Саида. Список «Аджаиб ал-махлюкат...» («Чудеса сотворенного...») Ахмада Биджана (ТНС 48) куплен 29 июня 1892 г. на стамбульском рынке у Хаджи Ахмада, от которого также была получена анонимная «Повесть о Сефер-бей-заде» («Сефер-бей-заденин хикайати»; ТНС 140), уникальный образец турецкой художественной прозы [2; 3; 6; 7; 33; 34].

Особого внимания заслуживает сборник исторических анекдотов Ахмада Сухейли (ТНС 64). Он составлен для султана Мурада IV (прав. 1623–1640), а переписан определенно во второй половине XVII в. Между тем, в колофоне указана странная дата — 950 (1543/1544) г., — противоречащая времени составления сборника. Рукопись иллюстрирована (вероятно, в Стамбуле) сорока миниатюрами, демонстрирующими сильное европейское (итальянское) влияние. Все лица испорчены так, что их невозможно разглядеть. Кодекс заключен в картонный среднеазиатский переплет с именем мастера — Мир Масум ходжа ибн Мир Абд ар-Рахим ходжа, — вытесненным на малых медальонах.

В. Д. Смирнов содействовал передаче в Библиотеку тюркских письменных памятников из разных учреждений. Так, в 1878 г. из Военного ведомства поступили восемь каменных плит, которые Смирнов получил для Библиотеки в «вознаграждение за свой труд» по описанию и переводу надписей на нескольких десятках таких камней. (По окончании Русско-турецкой войны, в соответствии с Берлинским трактатом 1878 г., турецкие крепости на территории Болгарии должны были быть скрыты. Тогда же плиты с надписями-тарихами были вывезены в Петербург, а впоследствии распределены между армейскими частями и военными учреждениями, принимавшими участие в боевых действиях.) В 1882 г. памятники турецкой эпиграфики размещены на стенах вестибюля главного здания Библиотеки [8; 9; 15, прил. 3: 1–9]. Некоторые из них происходят из Видина, придунайского города на северо-западе Болгарии. Например, две каменные надписи украшали Стамбульские ворота. Одна информирует, что ворота были реставрированы Ахмадом-пашою во времена Махмуда I, в 1147 (1734/1735) г., а вторая свидетельствует о реконструкции ворот Хафизом Али-пашой в 1229 (1814) г., в правление Махмуда II.

По инициативе В. Д. Смирнова в 1905 г. из Симферопольского губернского архива в Библиотеку были переданы Казы-аскерские книги (дефтеры, сиджили) Крымского ханства (общим числом 121), в которых записаны судебные решения за 1608–1786 и 1810 гг. [1: 44–45]. (Перед отправкой дефтеры были сфотографированы, негативные копии 61 тома хранятся теперь в Республиканской крымско-татарской библиотеке им. Исмаила Гаспринского в Симферополе.) Впервые Смирнов ознакомился с реестрами в 1886 г. и годом позже упомянул о них в предисловии к своей книге [19: XXXIII], после чего отдельные документы активно публиковали крымские исследователи Мурат-бей Биярсланов (в «Известиях Таврической ученой комиссии») и Ф. Ф. Лашков. В последние десятилетия читатели отдела рукописей неоднократно заказывали копии ранних томов, однако результаты их работы нам неизвестны. Исключение составляют труды турецких исследователей Ахмета Джихана и Фехми Йылмаза [29], который в соавторстве с А. Джиханом и Озлем Дениз Йылмаз издал каталог Казы-аскерских дефтеров [35].

Смирнов активно использовал рукописные источники в нескольких своих трудах. Например, в хрестоматии в факсимильных копиях И. А. Бораганского изданы несколько документов, включая ярлык крымского хана Мухаммад-Гирея (прав. 1654–1656), дающий право иудею Мордехаю продать трех рабов (ТД 9) [20: 474; 32: 201–220]. Ярлыки поступили в 1862 г. составе собрания Авраама Смуиловича Фирковича, известного караимского общественного и религиозного деятеля. Его коллекция по большей части еврейских рукописей включает и другие материалы, связанные с жизнью крымских караимов, тюркоязычного народа, принадлежащего особой ветви иудаизма. Еще восемь ханских ярлыков были переведены и опубликованы Смирновым в книге, изданной на средства сына А. С. Фирковича Зары Абрамовича Фирковича [17: 57–105].

Большинство хранящихся в Библиотеке и описанных Смирновым документов имеют отношение к Крыму. Однако есть здесь и султанские фирманы и бераты, касающиеся путешествующих паломников и жизни в Оманской империи немусульманского населения. Особо надо отметить исследование и факсимильное издание «Грамоты султана Османа II семейству иудейки Киры» (ТД 2) [17: 478–481].

Этот великолепно декорированный юридический документ имеет историческую основу. Из его текста следует, что во время правления Сулеймана Великолепного сыновья некой «иудейки Киры» просили при-

вилегий за ее службу валиде-султан, и в месяце рамадан 955 (октябрь 1549) г. султанским фирманом они и их потомки были освобождены от налогов. Эти привилегии были подтверждены султаном Османом II в начале месяца джумада I 1027 (апрель 1618) г. Основываясь на трудах Катиба-челеби, Наимы и других османских историков, Смирнов предположил, что речь идет о той самой Кире, которая впоследствии служила Сафийе валиде-султан и была убита воинами-сипахи. Однако современные исследователи не без основания считают, что кира (от греческого «госпожа») — лишь термин для обозначения женщины-немусульманки, осуществляющей связь султанш и других жительниц гарема с внешним миром [12]. Более того, были опубликованы и изучены другие фирманы той же семьи, начиная с первого — 1521 г., — адресованного Сулейманом I самой *кире* — караимке по имени Стронгила, дочери Элии Гоббора, и кончая фирманом Абдул-Азиза I, выданным в 1860-е гг. в подтверждение прав и льгот потомков Курта, внука «иудейки кiry» [13].

Публикация 1895 г. была подготовлена, когда фирман находился в Одесском обществе истории и древностей, однако в дальнейшем, в связи с пожаром в музее Общества, вместе с еще 10 турецкими документами он был передан в Императорскую Публичную библиотеку. Отметим, что находившийся в этом музее и хорошо известный Смирнову второй том турецкого перевода «Шах-наме» Фирдоуси [28] из собрания Вацлава Ржевусского [4: 147–148], видимо, тогда же поступил в библиотеку Восточного факультета Петербургского университета. Вполне допустимо предположить, что В. Д. Смирнов имел некоторое отношение к обеим передачам.

Безусловно, В. Д. Смирнов был хорошо знаком и с другими рукописными собраниями Санкт-Петербурга. Так, им был издан каталог тюркских рукописей из собрания Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД [31], собрания, хранящегося теперь в Институте восточных рукописей РАН. Здесь же находится и архив учебного (фонд 50, опись 1). Материалы архива освещают многогранную деятельность Смирнова, в первую очередь, связанную с изучением турецких письменных памятников, и свидетельствуют о его знакомстве с турецкими манускриптами Парижа, Лондона, Берлина, Будапешта и, конечно, Стамбула.

Во время заграничных поездок Смирнов приобрел несколько рукописей для себя. Среди них и считавшийся тогда уникалом «Диван»

Михри-хатун, творчеству которой Смирнов уделил внимание в своих книгах [20: 432–442; 21: 54–57]. Эта и еще восемь рукописей, принадлежавших Смирнову, в 1930-х гг. поступили в Азиатский музей, ныне Институт восточных рукописей.

Очевидно, что работа Смирнова с постоянно пополняющимися фондами Публичной библиотеки, в отличие от преподавания русской словесности в Николаевском сиротском институте или исполнения им обязанностей цензора мусульманских изданий, расширяла источниковую базу исследований по турецкой литературе, истории Османской империи и Крыма и приносила пользу не только при создании научных публикаций, но и для чтения курсов лекций в Петербургском университете. При этом Василий Дмитриевич Смирнов был единственным в Петербурге специалистом в области тюркской археографии, превзойти которого так никому и не удалось.

Литература:

1. Васильева О. В. Крымско-татарские материалы в Отделе рукописей // Восточный сборник. — СПб.: Изд-во РНБ, 1993. — Вып. 5. — С. 37–45.
2. Васильева О. В. Неизвестная турецкая повесть 17 века // Тюркские и монгольские письменные памятники. — М.: Вост. лит., 1992. — С. 5–15.
3. Васильева О. В. О художественном пространстве и времени турецкой повести 17 века // Восточный сборник. — СПб.: Изд-во РНБ, 1993. — Вып. 5. — С. 143–155.
4. Васильева О. В. Письменные памятники Востока в Российской национальной библиотеке: история формирования фонда: 1795–1850. — СПб.: Изд-во РНБ, 2020. — 310 с.
5. Васильева О. В. «По внешнему виду рукопись не из новых»: В. Д. Смирнов и тюркские письменные памятники // XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива»: Тезисы докладов. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. — С. 73–74.
6. Васильева О. В. «Повесть о Сефер-бей-заде» и «Рассказ о Яхья-челеби и шейхе Абу-л-Хиййаре в Ускюдаре»: К вопросу о жанре стамбульского хикайата // Османская империя: События и люди. — М.: Гуманитарий, 2000. — С. 64–83.

7. Васильева О. В. «Повесть о Сефер-бей-заде» (XVII в.) и роман Намыка Кемаля «Приключения Али-бея» (XIX в.) // Советская тюркология. — Баку, 1988. — № 4. — С. 32–35.
8. Васильева О. В. Турецкие надписи из Болгарии и Василий Дмитриевич Смирнов // Письмена на камне / Авт.-сост. Е. А. Стрельникова, О. В. Васильева. — СПб.: Изд-во РНБ, 2014. — С. 74–87.
9. Васильева О. В. Турецкие надписи из Видина в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге // Герой Плевны Гази Осман паша и его время: Сборник материалов Второго международного симпозиума (5–7 апреля 2017, г. Токат, Турция). — Токат, 2017. — С. 494–500.
10. Васильева О. В. Турецкие рукописи в фондах Государственной Публичной библиотеки: Художественная литература // Turcologica. 1986: К 80-летию академика А. Н. Кононова. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. — С. 57–65.
11. Григорьев А. П. Хронологический перечень трудов В. Д. Смирнова и литературы о нем // Тюркологический сборник: 1973. — М.: Наука, ГРВЛ, 1975. — С. 268–275.
12. Ковалева Д. А. Истоки и источники статуса еврейских женщин в Османском гареме в XVI веке // Отечественная османистика и тюркология: итоги и перспективы: Доклады и сообщения Международного научно-практического семинара, 2 июля 2009 г., проведенного в рамках II Евразийского научного форума. — Казань: Intelpress+, 2009. — С. 55–71.
13. Ковалева Д. А. Султанский фирман 1521 г. в истории, источниках, истории, историографии // Тирош — труды по иудаике. — М., 2010. — Вып. 10. — С. 37–47.
14. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1876 год. — СПб.: Тип. Второго отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1877. — 214 с.
15. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1885. — 120, 74, 42, 10, 6, 10 с.
16. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1887 год. — СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. — 224, 78, 110 с.
17. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов / Изд. З. А. Фирковича, с предисл. В. Д. Смирнова. — СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. — XXXVI, 223 с.

18. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Поры в XVIII столетии. — Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. — [2], 252 с.
19. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — СПб., Тип. Казанского университета, 1887. — [2], VI, XXXVI, 774 с.
20. Смирнов В. Д. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. — СПб.: Типо-литогр. Р. Голике, 1891. — XIV, 512 с. (Второе изд.: 1903).
21. Смирнов В. Д. Очерк истории турецкой литературы. — СПб.: Тип. Стасюлевича, 1891. — 130 с.
22. Смирнов В. Д. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. — СПб.: Тип. Казанского университета, 1881. — LXXXV, 264 с.
23. Смирнов В. Д. Собрание восточных рукописей, приобретенных для Императорской Публичной библиотеки профессором В. Д. Смирновым летом 1892 года на книжных рынках Константинополя и Бруссы. — СПб., 1893. — 44 с. (отд. отд. из : Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. — СПб.: Синодальная тип., 1895. — С. 14–55).
24. Смирнов В. Д. Фирман султана Османа II семейству иудейки Киры // Восточные заметки. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. — С. 35–78.
25. Стасов В. В. Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагагайских и персидских. — СПб.: Тип. Н. Н. Скороходова, 1902. — [6], 116 с., 7 табл.
26. Шебунин А. Ф. Куфический коран С.-Петербургской публичной библиотеки. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. — 66 с., 10 табл.
27. Шилов Л. А. Смирнов, Василий Дмитриевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. — СПб.: Изд-во РНБ, 1995. — Т. 1: Императорская Публичная библиотека: 1795–1917. — С. 462–467.
28. Abdullaeva F. A. Turkish prose version of Firdawsī's Shah-nama in the manuscript collection of the St. Petersburg State University library // Manuscripta Orientalia. — SPb.; Helsinki, 1997. — Vol. 3. — № 2. — P. 49–57.
29. Cihan A., Yılmaz F. Kırım kadı sicilleri // Islâm araştırmaları dergisi. — İstanbul, 2004. — Sayı 11. — S.131–176.

30. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St.Pétersbourg / [ed. par B. A. Dorn]. — SPb.: Impr. de l'Acad. Imp. des sci., 1852. — XLIV, 720 p.
31. Smirnow W. D. Manuscrits turke de l'Institut des langues orientales. — SPb. : impr. de l'Acad. Imp. des sci., 1897. — [4], II, 218 p. (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères; 8).
32. Vasilyeva O. V. Documents in the Firkovich collection: Valuable sources on the history of the Jewish communities in Europe and the Middle East from the 12th to the 19th century // Karaite archives. — Poznań, 2014. — Vol. 2. — P. 201–220.
33. Vasilyeva O. V. Namik Kemal's novel «Ali-bey's adventures» (19th cent.) and the Turkish «Tale of Sefer-bey-zade» (17th cent.) // Studia orientalia. — Helsinki, 1999. — № 85. — P. 221–225.
34. Vasilyeva O. V. The “Tale of Sefer-bey-zade” and the “Story of Yahya-Chelebi and Shaikh Abu-l-Khiyar in Uskudar”: On the question of the genre “Istanbul hikayet” // Studia Orientalia. — Helsinki, 2003. — № 95. — P. 233–250.
35. Yılmaz F., Cihan A., Deniz Yılmaz Ö. Kırım hanlığı kadı sicilleri kataloğu. — Ankara: Türkiye bilimler akademisi yayınları, 2021. — 382 s.

Д. Ю. Виноградова

Керамическое искусство Чанаккале

Аннотация: В статье рассматривается искусство османской керамики Чанаккале. Исследуются художественные особенности керамических изделий, а также влияние социально-экономической ситуации в государстве на развитие искусства империи.

Ключевые слова: Османская империя, Турция, керамика, искусство, мусульманское искусство, декоративно-прикладное искусство, Чанаккале.

D. Y. Vinogradova

The Art of Ceramics in Çanakkale

Abstract: The article examines the art of Ottoman ceramics in Çanakkale. It explores the artistic characteristics of ceramic products as well as the influence of the socio-economic situation in the Ottoman Empire on the development of its art.

Key words: Ottoman Empire, Turkey, ceramics, art, Islamic art, decorative art, Çanakkale.

Чанаккале — город-порт у пролива Дарданеллы на западном побережье современной Турции. Предполагается, что именно здесь находился древний город Троя. В 1463 г. султан Мехмет Фатих (1444–1446, 1451–1481 гг.) основал здесь крепость Kale-i-Sultaniye («Султанская крепость») [4: 27]. В дальнейшем в городе получило развитие керамическое производство, и в XVIII в. он стал называться Чанаккале.

Само название говорит о признании города как керамического центра (çanak означает «изделие из глины», kale — «крепость»). Важным фактором в развитии керамического производства в городе являлось его географическое положение. Еще со времен античности эта местность имела важное геополитическое значение. Чанаккале находится на торговом пути, связанном со Стамбулом. Это обеспечивало поставки керамических изделий не только в столицу империи, но и за пределы госу-

дарства. Благодаря мореплавателям изделия из Чанаккале разошлись по миру [1: 14].

Керамическое производство на территории Чанаккале зародилось еще в античные времена и продолжалось в римскую и византийскую эпохи. Его возрождение произошло в начале XVII в. В это время в город переселились мастера из местечка Аккёй, ильче (района) Эзине, который находится немного к югу от Чанаккале. Здесь было развито керамическое производство, а техника изготовления во многом копировала искусство прошлых культур, существовавших на этой территории. Можно заметить сходство с сельджукской и византийской керамикой и даже изделиями эллинистического периода и времен Римской империи [4: 24–25].

Керамика Чанаккале существенно отличается от изящных изделий, созданных в других ремесленных центрах Османской империи — Изнике и Дамаске, продукция которых знаменита сочетанием синего и белого цветов и узнаваемым растительным орнаментом. В Чанаккале производились лишь предметы утвари, а не керамические изразцы. По характеру росписи и формам изделия больше схожи с керамикой из Кютахьи.

Зачастую керамика Чанаккале считается низкопробной и примитивной продукцией, созданной для массового потребления [2: 148], однако ее художественно-историческая ценность представляет немалый интерес, а некоторые изделия очень любопытны и совершенно уникальны.

Для изделий Чанаккале раннего периода характерны следующие формы: довольно глубокие тарелки и миски, кувшины, сахарницы, чашки, фляги, подсвечники, а также сосуды в форме животных и людей. Можно выделить основные мотивы росписи, наиболее характерные для изделий.

Во-первых, цветочные мотивы зачастую представлены простыми стилизованными изображениями тех или иных растительных элементов. Часто они изображались одним темным тоном и не дополнялись оживками и другими деталями, способными придать композиции реалистичность. Встречались как простые цветы, так и цветочные розетки, букеты цветов. В керамике позднего периода они часто выполнялись в технике аппликации. Порой декор изделий дополнял геометрический орнамент. Симметричные композиции особенно часто используются на краях блюд и мисок.

Можно встретить посуду и с более сложным и подробным растительным декором. Так, блюдо XVIII в., представленное в Немецком му-

зее керамики (Deutsches Keramikmuseum), украшено крупной цветочной розеткой (рис. 1). Розетка выполнена достаточно изящно, и у зрителя не создается ощущения небрежности росписи. Край блюда декорирован решетчатым узором, расположенным через промежутки. При росписи был использован синий цвет с редкими вкраплениями коричневого.

Рис. 1. Блюдо. XVIII в. Немецкий керамический музей, Дюссельдорф

Данное блюдо имеет относительное сходство с изделиями из Изника и Дамаска — речь идет не только о росписи синим цветом на белом фоне, но и о принципах симметрии, математического расчета и заполнения пространства — т. е., чертах, характерных в целом для искусства ислама. Пожалуй, это блюдо является одним из немногих керамических изделий Чанакале, в которых явно прослеживается влияние классических мусульманских художественных традиций.

Во-вторых, примечательны животные мотивы. Один из примеров — блюдо с изображением жирафа из собрания Изразцового павильона [5: 153] (Çinili Köşk), который является частью Археологического музея Стамбула (рис. 2). Изделие выполнено из красной глины и украшено изображением в технике подглазурной росписи. Простая, довольно схематичная фигура жирафа в окружении стилизованных цветов и кипарисов представлена на кремовом фоне. Край блюда вновь декорирован решетчатым узором, расположенным через промежутки. При росписи был использован коричневый цвет в нескольких оттенках.

Рис. 2. Блюдо. XVIII в. Изразцовый павильон, Стамбул

Другое изображаемое животное — крупная рыба. Пример блюда с таким изображением также представлен в Изразцовом павильоне (рис. 3) [5: 155]. Изделие выполнено из красной глины. Внутренняя часть окрашена в кремовый цвет. В центре блюда коричневой краской с оттенком фиолетового изображена большая рыба. Ее украшает клетчатый узор и подобие чешуи, выполненное грязновато-желтым цветом. Под фигурой рыбы есть крупные мазки, которые, возможно, изображают волны.

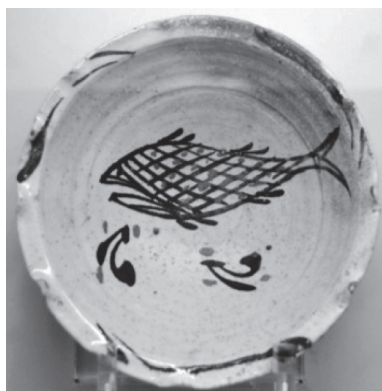

Рис 3. Блюдо. XVIII в. Изразцовый павильон, Стамбул

Рис. 4. Блюдо. XVIII в. Изразцовый павильон, Стамбул

Уникальным для турецкой керамики мотивом являются архитектурные сооружения. Один из видов таких сооружений — мечеть. На представленном блюде (рис. 4) из красной глины, покрытом белой глазурью, изображены две мечети [5: 159]. В композиции нет перспективы, но, вероятно, по задумке художника верхняя мечеть находится вдали, а нижняя — вблизи. Купола и минареты окрашены в желтый, все остальные элементы изображены в синем цвете. Композиция дополнена кипарисами и волной перед мечетью, что создает некую динамичность. Иногда изображение моря на подобных изделиях дополнялось лодкой с веслами в нем [4: 31]. В целом, композиция очень напоминает типичный пейзаж турецкого прибрежного города. Край блюда декорирован характерным решетчатым узором.

Для керамики Чанаккале XIX и начала XX вв. характерно изменение стиля и заметное ухудшение качества продукции. Она стала приобретать массовый характер. Если раньше мастера использовали технику подглазурной росписи, то в XIX в. процесс изменился. После первого обжига следовал повторный обжиг при низкой температуре. Затем поверх одноцветной глазури наносили позолоту, черную, белую, синюю, красную или желтую краски [4: 30]. Это говорит об упрощении техники производства, ведь роспись поверх глазури является менее сложным способом декорирования изделия, который дает более предсказуемый результат.

Среди форм, возникших в это время под влиянием Запада, были кувшины, фигурки в виде животных или людей, а также довольно грубые миски, кувшины, сахарницы, подсвечники и чайники, которые изготавливались для повседневного использования [4: 29]. Однако тогда же в производстве появились интересные новшества, сильно изменившие внешний вид производимых изделий. Появились необычные покрывающие утварь глазури разных цветов: оливково-зеленого, кофейного, желтого, бутылочно-зеленого. Также в это время изделия Чанаккале стали приобретать причудливые зооморфные формы, такие как лев, верблюд и кенгуру. Наиболее часто они изображались на шкатулках, кувшинах, конфетницах и пепельницах [2: 147]. По цветовым решениям и формам такие изделия напоминают керамику Кютахьи.

Особенно стоит отметить мотив фигуры лошади. Он может быть связан с представлением, что гомеровский Троянский конь был сооружен именно здесь, на территории Чанаккале [4: 31]. В современном городе ему даже установлен деревянный памятник.

Среди новых видов изделий появились разные причудливые керамические игрушки и фигурки, громоздкие сосуды, цветочные горшки и даже крайне необычные светильники в виде бочек на колесах или парочков [1: 14].

Среди керамики Чанаккале, датируемой второй половиной XIX и началом XX в., часто встречаются изделия, выполненные в технике барботин, т. е. аппликации. Причем зачастую такие изделия были функциональны и использовались не только в декоративных, но и в прикладных целях. Особенно примечательны кувшины, орнаментированные рельефами в виде цветов и розеток, а их носики выполнены в форме животных [2: 150–151].

Образец кувшинов, выполненных с использованием техники аппликации, представлен в Государственном Эрмитаже (рис. 5). Это довольно большое изделие имеет грушевидную форму и высокое горло. Оно, как почти вся продукция Чанаккале, выполнено из красной глины. Изделие покрыто слоем светлого ангоба и зеленой блестящей глазурью. Сам кувшин был сформирован на гончарном круге, но некоторые его элементы выполнены в технике барботин: ручка, горлышко, верхняя часть с отогнутым сливом, декоративные рельефные элементы в виде цветов и розеток. Также кувшин украшает расписной растительный узор, выполненный переливающейся краской золотого цвета. Носик сложной

формы имеет три круглых отверстия для слива жидкости. Идентичный кувшин представлен в коллекции Государственного музея Востока в Москве. В Турции кувшины такого типа традиционно использовались при рождении девочки. В них держали шербет и розовую воду, которые предлагались гостям, пришедшим поздравить роженицу. [1: 59]

Рис 5. Кувшин. XIX в. Государственный Эрмитаж, С.-Петербург

Упоминания о гончарных мастерских, особенно иностранцами, приехавшими по разным причинам в Чанаккале, являются интересным источником, важным для изучения истории производства в городе. Так, английский путешественник и антрополог Ричард Покок (1704–1765) побывал в Чанаккале и в 1745 г. писал следующее: «Здесь... производится керамика, подобная делфтской, с годовым экспортом в пятнадцать тысяч долларов» [4: 28]. Сложно сказать, что имел в виду путешественник под этим сравнением: классический делфтский фаянс, производимый в Голландии и ставший столь популярным в Европе, по внешним художественным характеристикам сильно отличается от изделий Чанаккале. Вероятно, сравнение Р. Покока позволяет сделать вывод о крайне высоком качестве керамики турецкого города в середине XVIII в.

В 1797 г. город посетил английский путешественник и коллекционер антиквариата Джеймс Даллауэй (1763–1834). Продукцию Чанаккале он называл «безвкусно раскрашенной и позолоченной грубой керамикой» [4: 28]. Подобного мнения придерживался и посетивший город в 1850 г. путешественник Альберт Смит. Об изготовленных в Чанаккале кувшинах он отзывался как о «грубых и безвкусных», а про один из них добавил, что он «в жизни не видел ничего уродливее» [1: 17]. Эти заявления говорят о заметном ухудшении качества местной продукции уже в конце XVIII в.

Американский писатель Чарльз Дадли Уорнер (1829–1900) в 1876 г. описал изделия Чанаккале следующим образом: «Вы можете увидеть образцы этой керамики по всему Востоку; они даже могут быть представлены вам как редкие артефакты на базарах Каира, Иерусалима и Дамаска. Сосуды, о которых идет речь, будь то кувшин, чашка, ваза, горшок, или молочник, могут быть в форме несуществующего животного — грифона или дракона, или же в форме собаки из подземного мира, а верхняя часть кувшина, используемая для слива — в виде головы и шеи какого-нибудь воображаемого существа» [4: 29].

Парадоксально, но керамика Чанаккале XIX в. вызвала удивительный интерес в Европе. На фоне зарождающегося в это время интереса к народным художественным промыслам и ремеслам европейцы стали предпочитать изысканной керамике простые, но необычные изделия. Так, в 1830–1844 гг. продукцию Чанаккале приобретал Керамический музей королевской фарфоровой фабрики (нынешний Национальный музей керамики Севра, который находится в пригороде Парижа), а в 1884–1897 гг. — Музей Виктории и Альберта в Лондоне. Также изделия поступили в музей Бенаки в Афинах и частные коллекции. На некоторых европейских фабриках стали изготавливать сосуды по образцу Чанаккале. Особо популярной эта керамика стала в Провансе, куда изделия завозились морским путем через Марсель [1: 17].

Производство керамики в Чанаккале продолжалось до середины XX в. К этому времени местные мастерские не могли выдержать конкуренцию с европейской продукцией и были закрыты [4: 26]. Новый республиканский режим не способствовал дальнейшему развитию ремесел. Мустафа Кемаль Ататюрк характеризовал турецкий народ как любителей искусства. Однако политика секуляризации привела к тому, что турецкое искусство, будучи частью мусульманской культуры, при-

шло в упадок. Продолжали сохраняться лишь ремесленные традиции внутри семей, благодаря чему секреты производства керамики не были забыты окончательно [3: 140].

Возрождение производства традиционной керамики в Чанаккале связано с основанием в городе в 1992 г. Университета 18 марта Чанаккале (Çanakkale Onsekiz Mart Üniversitesi). На базе факультета изящных искусств Университета в 2000 г. был основан Центр исследований и развития керамики Чанаккале (Çanakkale Seramikleri Araştırmave Geliştirme Merkezi). После этого по инициативе Центра в городе были открыты две новые мастерские: Эсен (Esen Seramik) и Кепенек (Kepenek Keramik).

Новые центры производства стремятся к продолжению художественных традиций Чанаккале в современных условиях. Мастерская Эсен разрабатывает новые формы, подходящие для утилитарного использования. Мастерская Кепенек производит блюда, подходящие для ежедневного пользования, и декоративные сувениры. Работа мастерских ориентирована в первую очередь на внутренний и въездной туризм [4: 31–33].

Таким образом, современное керамическое производство в Чанаккале представлено двумя небольшими мастерскими в историческом центре города. Создавая изделия, местные мастера стремятся к сохранению вековых традиций, но в то же время находятся в творческом поиске новых, актуальных для нашего времени форм.

Также стоит отметить усилия Университета 18 марта в продвижении керамических традиций города. Центр исследований и развития керамики Чанаккале организует различные мероприятия, посвященные данному ремеслу, проводит исследования междисциплинарного характера и способствует публикации материалов по теме [4: 33].

Керамическое искусство Чанаккале остается относительно малоизвестным, но интересным и перспективным предметом исследования для специалистов в области османской культуры, особенно на фоне новых археологических находок и богатых коллекций музеев мира.

Литература:

1. Кулланда М. В. Турецкая керамика XVI–XX веков в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции. — М.: Государственный Музей Востока, 2020. — 156 с.
2. Arlı B. D., Kaya Ş. Primitive forms and figures in Çanakkale ceramics // ART-SANAT 2, 2014. — P. 147–163.

3. Glassie H. Traditional Turkish Art Today. — Ankara: Publications of the Ministry of Culture of the Turkish Republic, 2002. — 947 p.
4. Tekkök Karaöz B. ÇanakkaleSeramikleri; 17. YüzyılSonundan 21. Yüzyıla // Çanakkale Araştırmaları Türk Yılığ, 2018. — P. 23–38.
5. Uğuz L. Çinili Köşk Müzesi ve Teşhirdeki Eserlerin Kataloğu. — Van Yüzüncü Yıl Üniversitesi, 2019. — 205 p.

А. М. Гимазиева

Культурный код Турецкой республики: ретроспектива, современное состояние, роль российско-турецких отношений на международной арене

Аннотация: Данная статья посвящена анализу социокультурных, социально-политических, экономических, а также международных аспектов в развитии Османской империи прошлого и их влияние на Турецкое государство современного типа. В рамках данной статьи используется термин «внешняя культурная идентичность», который наиболее полно отражает государственную политику Турции в области международного культурного сотрудничества. Целью данной статьи является изучение опыта Турецкой Республики в реализации внешней культурной политики и определение модели регулирования культурного сотрудничества государства на международной арене. Стоит также отметить, что предметом исследования в данной работе являются обычаи и традиции турецкой культуры, передающиеся из поколения в поколение, а также наследие Османской империи.

L. M. Gimazieva

Cultural code of the Republic of Turkey: Retrospective, Current State, Role of Russian-Turkish Relations in the International Arena

Abstract: This article is devoted to the analysis of socio-cultural, socio-political, economic, as well as international aspects in the development of the Ottoman Empire of the past and their impact on the modern Turkish state. Within the framework of this article, the term “external cultural identity” is used, which most fully reflects the state policy of Turkey in the field of international cultural cooperation. The purpose of this article is to study the experience of the Republic of Turkey in the implementation of foreign cultural policy and to determine the model of regulation of cultural cooperation of the state in the international arena. It is also worth noting that the subject of research in this work are the customs and traditions of Turkish culture, passed down from generation to generation, as well as the legacy of the Ottoman Empire.

Турецкая Республика как одно из динамично развивающихся государств, имеющих богатое культурное наследие, уделяет серьезное внимание использованию потенциала культуры в продвижении национальных интересов на международной арене. Как указывается в докладе комиссии Ахтисаари, «если Турция хочет полностью стать в один ряд с европейскими демократиями, она должна вновь вернуться к процессу преобразований и отказаться от авторитарного наследия и устаревшей враждебности к внешним влияниям» [9: 115].

Турция в первую очередь стремится расширить коммуникации со своими соседями и зарубежными партнерами. Во внешней культурной политике Турции огромную роль играет государственная идеология и религиозный фактор.

Если в древности культурный обмен осуществлялся нерегулярно, спонтанно и разрозненно, то с появлением машинного производства и расширением сфер коммуникации он стал увязываться с потребностями развития экономики. На фоне экономической ситуации, сложившейся во многих афро-азиатских государствах, современная Турция представляется страной сравнительно благополучной. Достаточно сказать, что за последние четверть века экономика Турции превратилась из аграрной в индустриально-аграрную. В стране освоены средние технологические уровни современного промышленного производства, в ней успешно функционируют все виды транспорта, радио- и телекоммуникации, информационные сети насыщаются компьютерной техникой.

В новое время пришло понимание того, что культурный обмен является важной частью внешней политики. Следствием этого стало утверждение в теории и на практике понятия внешней культурной политики, которую осуществляют международные, государственные и общественные организации.

Турецкая Республика как южный сосед Российской Федерации занимает особо важное место во внешней культурной политике нашей страны. Культурный обмен способствует расширению экономических, политических, гуманитарных связей между двумя странами. Вместе с тем, несмотря на достаточно подробное изучение достижений Турции в сфере внешней культурной политики, турецкими исследователями практически не отмечается, что апробация «мягкой силы» состоялась именно на постсоветском пространстве. Достижения и неудачи Турции в данном направлении наиболее ярко проявились именно в этих стра-

нах. В турецкой историографии не сложилась четкая терминология, которая бы отражала специфику национальных подходов.

В послевоенный период советско-турецкие культурные и научные связи восстанавливались и развивались также при активном участии советских ученых, писателей, деятелей искусств, работников здравоохранения, спортсменов и т. д. Расширение торгово-экономических связей между СССР и Турцией в 1960–1970-х гг. поставило на солидную основу их научно-техническое сотрудничество и стимулировало развитие культурных отношений. Выступая на торжественном заседании в Баку, посвященном 50-летию Советского Азербайджана, Л. И. Брежнев отмечал, что СССР придает «большое значение... развитию культурных и иных связей с нашими иранскими и турецкими соседями» [7: 284].

Национальную идентичность Турции часто приписывают руководству Мустафы Кемаля Ататюрка («отца турок»), который был основателем Турецкой Республики и ее первым президентом. Руководствуясь идеалами светскости и демократического национализма, Ататюрк провел ряд реформ в ходе своего президентства (1923–1938). Они были направлены на модернизацию страны и изменение общественной жизни, чтобы она больше напоминала европейскую культуру. Например, некоторые элементы западной одежды были сделаны обязательными для ношения гражданами, а турецкий язык был реформирован, чтобы заменить арабскую письменность модифицированным латинским алфавитом. Он также отменил ислам как государственную религию после столетий исламской традиции и ограничил видимость веры в общественной сфере. Хотя реализация его идеологии была осложнена различными факторами, сдвиг был драматичным.

Непоколебимые идеалы Ататюрка и их новообретенное место в турецком обществе получили название «кемализм». Многие турки продолжают уважать Ататюрка за шаги, которые он предпринял, чтобы модернизировать их страну и сделать ее более культурно совместимой с Европой. Оскорбление его имени или памяти по-прежнему считается преступлением. Военные традиционно считались «защитниками» кемализма, применяя силу для свержения лидеров, которые воспринимались как угроза секуляризму и национализму.

Достижения, которые турки за свою тысячелетнюю историю представили в таких областях, как армия, государственная организация, язык, искусство, литература, свидетельствуют о том, что они достигли

уровня богатой и глубоко укоренившейся культуры и цивилизованности. Однако, изучая культурные и цивилизационные особенности турок прошлого, в настоящее время кажется, что они особенно подвержены влиянию трех разных видов пепла.

Турецкая культура и цивилизация, развивавшиеся на оси степной культуры, с принятием ислама претерпели значительные изменения. За столетие ислам набрал обороты вместе с Танзиматом. Именно благодаря ментальной трансформации и усилиям по обновлению в эпоху Танзимата западная культура и цивилизация почувствовали свое влияние от хорошего к лучшему [8: 395].

Влияние глобализации и вестернизации продолжалось и после создания Турецкой Республики. Государство попало в глубокую международную изоляцию и блокаду из-за своей внешней политики. Россия была в том же положении, но благодаря интеграции стран-членов НАТО и ЕС турецкая позиция оказалась более выгодной. Это дает Турции возможность проводить достаточно позитивную региональную и многогранную международную политику. Из раза в раз турецкое правительство пытается выбраться из данной изоляции и улучшить отношения с США и ведущими европейскими государствами. Но одновременно оно также старается укрепить отношения с Россией и Китаем, другими азиатскими державами. Турецкая Республика постоянно выдвигает претензии и недовольства к США и Западу в целом, пытаясь нивелировать факторы международной изоляции. В настоящее время перед Турецкой Республикой стоят первостепенные геополитические задачи на Ближнем Востоке, а также менее значимые задачи на Балканах и в Черноморско-Кавказском регионе.

Влияние западной культуры, продолжающееся до сих пор, невероятно возросло, особенно после 1980-х и 2000-х гг., когда телевидение и средства массовой информации стали широко распространять ценности современной цивилизации не только в Турции, но и по всему миру. Эти события во многом усиливают процесс глобализации, о котором было упомянуто ранее, но и оказывают негативное влияние на традиции и язык, в частности на формирование турецкой национальной культуры. Другими словами, с глобализацией западная культура оказывает серьезное влияние на другие национальные культуры мира, включая турецкую культуру, от питания до привычек одежды и слов, используемых на родном языке.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Турецкой Республике сложилась модель внешней культурной политики с ведущей ролью государства на этапах ее планирования и реализации. Данный подход является для Турции традиционным и, следовательно, органичным. Проблемы, которые были выявлены при проведении проекта «Стамбул 2010 — европейская культурная столица», а именно необходимость расширения участия неправительственного сектора, показали, что государственная политика является достаточно гибкой и готова увеличить количество участников в данной области сотрудничества. Вместе с тем очевидно, что ключевые позиции в продвижении национальной культуры Турции за рубежом останутся в сфере влияния государства.

Литература:

1. Feroz Ah. The making of modern Turkey. — London, 1993.
2. Kösebalaban H. Globalization and the Crisis of Authoritarian Modernization in Turkey // *Insight Turkey*. — 2009.
3. Дулина Н. А. «Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.)». — М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1980.
4. Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
5. Наумов Е. П. Балканские народы под властью Османской империи в XVI – первой половине XVII в. — М.: Высшая школа, 1991.
6. Орешкова С. Ф. Ислам и европеизация: турецкий опыт синтеза двух путей цивилизационного развития. — М., 2010.
7. Петросян Ю. А. Идеи “европеизации” в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени // *Туркологический сборник*. — 1976. — М., 1978.
8. Сейтиева У. Б. Культура и просвещение в Турции в эпоху Танзимата: 1839–1876 гг. — М., 2003.
9. Ульченко Н. Ю. Турция на пути к региональному лидерству (к 90-летию Турецкой Республики). — М., 2015.

П. П. Голубев

Основание суфийского ордена Мавлавия

Аннотация: Статья посвящена истории образования суфийского ордена Мавлавия. В рамках статьи были рассмотрены основные понятия такого явления, как суфизм, биографии руководителей и основателей Мавлавия Джалал ад-дина Руми и Султан-Валада, а также выделена роль, которую они сыграли в формировании ордена.

Ключевые слова: суфизм, Мавлавия, Джалал ад-дин Руми, Султан-Валад, орден, суфий, мурид, муршид.

P. P. Golubev

The Foundation of the Mawlawiya Sufi Order

Abstract: The article is devoted to the history of the formation of the Mawlawiya Sufi Order. Within the framework of the article the main concepts of Sufism and the biographies of Jalal-al-Din Rumi and Soltan Walad, who were the leaders and founders of Mawlawiya were examined. The role two personalities mentioned above played in the foundation of the Order was defined.

Key words: sufism, Mawlawiya, Jalal-al-Din Rumi, Soltan Walad, order, Sufi, murid, murshid.

Суфизм сыграл большую роль в развитии этики, эстетики, поэзии, литературы, архитектуры, изобразительного искусства, музыки и в целом культуры в мусульманском мире, кроме того, он имел большое влияние на общественную жизнь [2: 693]. Каждая из мусульманских стран в большей или меньшей степени, но обязательно оказалась подвергнута его воздействию, и Турция не является исключением. На территориях Сельджукского султаната, Османской империи и уже современной Турецкой Республики существовало множество суфийских орденов. В этой статье речь пойдет об истории основания и истоках одного из самых известных суфийских братств — ордена Мавлавия, известного также как орден кружащихся дервишей.

1. Суфизм

Перед тем как перейти непосредственно к рассматриваемому ордену для более точного понимания сути работы необходимо ввести ряд терминов и дать им объяснение, а также пояснить, что такое суфизм.

Противоречие веры и разума, наличие проблем, которые разум не способен решать в рамках рационализма, а также сложные экзистенциальные вопросы были основными причинами возникновения мистицизма [5].

Тасаввуф (суфизм) — духовное учение и практика в Исламе, ориентированные на ослабление влияния материального мира на личность и призванные направить человека на путь духовного совершенствования, бескорыстного и преданного служения Богу. Это учение совершенствует духовный мир человека, способствует выработке в нем возвышенных этических, эстетических и моральных качеств. В отличие от науки фикх (право), которая регулирует только внешние, видимые аспекты проблем, тасаввуф воздействует на духовный мир человека. Тасаввуф считается одной из исламских наук, но всегда подчеркивается, что он является наукой иррациональной. Тасаввуф невозможно постигнуть путем только эмпирических опытов или логических доказательств. В связи с этим положения тасаввуфа должны быть приняты на веру, постигаться душой и сердцем человека. Источниками тасаввуфа являются Коран и Сунна. Приоритеты тасаввуфа относительно духовного совершенства личности определяют особенности его методологии относительно исламских первоисточников. Эти же особенности часто вступают в противоречие с положениями ортодоксального Ислама. Целью тасаввуфа является воспитание «совершенного человека» (ал-инсан ал-камил), свободного от мирской суеты, сумевшего возвыситься над негативными качествами своей природы [2: 693–694].

Между сторонниками движения нет единства, поскольку суфизм декларирует «полное освобождение» мысли для постижения Бога и ориентируется, в первую очередь, на индивидуальность верующего. Однако все направления суфизма объединяет одно — принципиальная стихийная вера в возможность непосредственного интуитивного познания Бога. Все время существования тасаввуфа не прекращались попытки объединить его с официальной религией [6: 221–223].

Отсутствие единства в суфизме явилось причиной образования различных школ, именуемых тарикатами. Тарикат — путь тасаввуфа, духовного возвышения, аскетизма. Первоначально сторонники мусуль-

манского аскетизма шли путем духовного возвышения и борьбы со своими страстями во имя будущей жизни после всеобщего воскресения. Затем мусульманские аскеты объединились в тарикаты, центрами которых стали многочисленные обители — рибаты, текке и завии. Тарикаты проповедуют путь духовного очищения и преданного служения Аллаху, практикуют отшельничество и аскетизм.

Следует отличать тарикаты от мазхабов: отличие состоит в том, что мазхабы занимаются проблемами вероучения и права, а тарикаты — духовной практикой. Как и мазхабы, существуют суннитские и шиитские тарикаты.

Тарикату следуют многочисленные суфийские ордена, которые заявили о себе как о системном учении приблизительно начиная с V в. хиджры. Суфийский орден — общество (братство), объединяющее мусульман, приверженных одному определенному тарикату, обладающее определенной иерархией и системой религиозно-мистических обрядов. Каждый из суфийских орденов имеет свой путь постижения Истины — тарика. Суфийские ордена сыграли большую роль в деле пропаганды Ислама и его распространении среди различных народов [2: 691–692].

Руководителем суфийской обители и духовным наставником является муршид (шейх, пир [4: 40]) — ученый или праведный человек, достигший большого результата в служении Аллаху и имеющий учеников — муридов [2: 496]. Мурид — обладатель воли. В суфизме это ученик, который покорил свою волю воле Аллаха, а также воле своего учителя. Некоторые мутасаввифы даже считают, что у мурида отсутствует воля, и существует только цель — стремление к служению Аллаху.

После подчинения шейху мурид проходит духовный путь и становится саликом (путником). Путь салика не может быть рационально познан и является исключительно внеопытной категорией. В суфизме прохождение духовного пути саликом без руководства муршида невозможно. По этой причине путь (тарика) духовного совершенства человека лежит только через полное подчинение учителю (муршиду) и выполнение всех его указаний [2: 544].

2. Джалал ад-дин Руми

Основоположник ордена Мавлавия Джалал ад-дин Мухаммад Руми родился 30 сентября 1207 г. в городе Балх. Отец будущего поэта Мухаммад ибн Хусайн ал-Хатиби ал-Балхи (1148–1231), носивший почетное

прозвание Султан ал-улама («Глава религиозных авторитетов») и более известный как Баха ад-дин Валад, принадлежал к элитарному кругу признанных знатоков мусульманского богословия, Корана и преданий о пророке Мухаммаде.

Между Баха ад-дином Валадом и богословом-схоластом Фахр ад-дином Рази (1149–1210) возникли разногласия, приведшие ко взаимной нетерпимости и вражде. Шах и его двор поддержали Рази, поскольку ряд проповедей Баха ад-дина порицали определенные действия Хорезмшаха и его сторонников. Враждебность Фахрад-дина Рази была весьма опасна, поэтому вполне возможно, что мысль покинуть родину появилась и окрепла у Баха ад-дина Валада задолго до того, как он уехал с семьей [1: 330–331].

Точная дата отъезда Баха ад-дина Валада из Балха неизвестна. По различным сведениям, он с семьей в сопровождении 40 учеников и последователей выехал оттуда под предлогом паломничества [1: 331–332] в 1208 или 1211 г. [3: 193], между 1214 и 1216 гг. [1: 331–332] или в 1219–1220 годах. В 1221–1222 гг. Баха ад-дин с семьей уже был в Конье [6: 234].

Достоверно известно о встрече Джалал ад-дина Руми и Фарид ад-дина 'Атгара в Нишапуре. О. Ф. Акимушкин и Е. С. Бертельс приводят указание на народную легенду об этой встрече, согласно которой 'Атгар подарил мальчику свою поэму «Асрар-наме» («Книга тайн»), с которой поэт не расставался всю жизнь и которую постоянно перечитывал [1: 330]. По этой же легенде 'Атгар сделал Руми своим преемником [3: 193].

Семья Баха ад-дина остановилась в Багдаде, затем отправилась в Мекку, а после в Дамаск [3: 193]. В 1217 г. Баха ад-дин обосновался в г. Малатья в Руме (что, однако, противоречит данным Я. Рипки). Вскоре семья переселилась из Малатьи в Сивас (1219 г.), затем в Акшехир, где они провели чуть больше трех лет, после чего, видимо, в 1222 г. переехали в г. Ларенда (ныне Караман) [1: 332]. Там в течение семи лет Баха ад-дин находился во главе местного медресе [3: 193]. В этом городе умерла мать Джалал ад-дина Мумине-Хатун, здесь же Джалал ад-дин в 1225 г. женился на Джаухар-Хатун — дочери Шараф ад-дина Лала Самарканди, здесь же год спустя родился его первенец Султан-Валад, о котором пойдет речь ниже. Когда в 1228 г. Баха ад-дину поступило предложение занять пост председателя медресе в столице Румского султаната Конье, семья переехала на новое место.

Баха ад-дин скончался 23 февраля 1231 г. Джалал ад-дину Руми было тогда 24 года. Он занял пост отца в медресе и сразу же вошел в круг религиозных авторитетов. Однако по представлениям того времени он был слишком молод, чтобы читать проповеди в кафедральной мечети по пятницам, обучать детей представителей богатого сословия и толковать Коран. О. Ф. Акимушкин предполагает, что воспитанием и образованием Джалал ад-дина в связи с частыми переездами семьи занимался именно его отец.

В 1232 г. соратник Баха ад-дина, член мистического братства Кубравийа Сайид Бурхан ад-дин Мухаккик переезжает в Конью из Термеза и целиком посвящает себя духовному воспитанию Джалал ад-дина Руми. Джалал ад-дин Руми был его муридом около девяти лет. Бурхан ад-дин раскрыл перед Джалал ад-дином Руми основные концепции, доктрины и положения суфизма, однако Джалал ад-дин Руми скорее всего воспринял откровения Бурхан ад-дина холодно. Для получения дальнейшего образования Джалал ад-дин отправился в Сирию, где около семи лет обучался в Алеппо и Дамаске [1: 333–334]. После этого он вернулся в Конью, где султан Гийяс ад-дин Кайхусрау II подтвердил право Джалал ад-дина Руми быть преподавателем в медресе и руководить им.

Следующие пять лет (1240–1244) жизнь Джалал ад-дина Руми текла ровно. Его часто можно было увидеть разъезжающим по городу на муле в пышных одеждах в окружении своих учеников. Судя по творчеству Джалал ад-дина Руми, все социальные волнения и политические события того времени прошли мимо него, так как невозможно найти их отражение в его произведениях.

Существенные изменения в жизни Джалал ад-дина наступили после его встречи с известным суфийским дервишем Шамс ад-дином Табризи. По версии Е. С. Бертельса Руми встретился с ним во время своего пребывания в Дамаске [3: 193], Я. Рипка выдвигает предположение, что встреча могла состояться еще раньше, во время путешествия семьи Баха ад-дина к святым местам [6: 234], у О. Ф. Акимушкина есть описание легенды о встрече в Конье [1: 334–337].

Джалал ад-дин Руми пригласил Шамс ад-дина Табризи к себе в медресе, отгородился от мира и 16 месяцев, как прилежный послушник, жил вместе с ним, беседовал и слушал его поучения и откровения. Семья и ученики Руми враждебно восприняли любовно-возвышенные отношения их родственника и учителя с Шамсом. Вскоре начались угрозы

в отношении Шамс ад-дина, которые впоследствии вылились в покушение. 11 марта 1246 г. Шамс ад-дин тайно покинул город Конья и бежал в Дамаск. Джалал ад-дин Руми отправил на поиски друга своего сына Султан-Валада со стихотворной мольбой вернуться. Шамс ад-дин и Султан-Валад вернулись пешком в Конью. Ученики Джалал ад-дина Руми встретили Шамс ад-дина враждебно, угрозы возобновились с удвоенной силой. Джалал ад-дин был невероятно рад возвращению Шамса, но в середине 1247 г. тот навсегда исчез по неизвестной причине. По легенде он был убит по наущению или при личном участии младшего сына Руми Ала ад-дина [1: 334–337, 340–341].

Джалал ад-дин тяжело переживал потерю своего друга. Он дважды ездил искать Шамс ад-дина в Дамаск, впал в полное отчаяние, о чем известно из «Валад-наме».

Хотя еще до встречи с Шамсом Джалал ад-дин Руми предположительно писал стихи, но после исчезновения Шамс ад-дина он, по словам О. Ф. Акимушкина, стал настоящим поэтом. Свои стихотворения Руми подписывал именем Шамс ад-дина, как бы утверждая, что тот не исчез, но сокрыт в нем самом [1: 341].

Через определенное время Джалал ад-дин вышел из своей кельи и постепенно развернул активную деятельность, организовал особый мистический орден «мевлеви» с траурной формой одежды [3: 193].

В 1249 г. Джалал ад-дин Руми объявил, что Шамс ад-дин вернулся в облике ученика, золотых дел мастера Салах ад-дина Фаридуна Заркуба. Молодой человек был назначен старшим среди учеников, чем были недовольны остальные. Возник заговор против него, но Джалал ад-дин пригрозил, что навсегда покинет Конью, если с Салах ад-дином что-то случится. Конфликт был улажен, зачинщики покаялись. 29 декабря 1258 г. Салах ад-дин умер.

Младшим другом и искренним помощником поэта стал Хусам ад-дин Хасан, всегда следовавший за своим учителем и постоянно записывавший все, что декламировал Джалал ад-дин.

После 1258 г. была начата поэма «Маснави», работа над которой была закончена в 1270 г. Помимо этой поэмы до нас дошли: «Диван-и Шамс» («Собрание стихотворений Шамса») и три прозаических сочинения: бережно записанные высказывания «Фихимафихи» («В нем то, что в нем»), «Мава‘из-и маджлис-и саба‘» («Наставления, произнесенные во время семи маджлисов») и «Мактубат» («Письма»).

Джалал ад-дин Руми скончался в Конье 17 декабря 1273 г. и был похоронен рядом с отцом в мавзолее, возведенном еще при Ала ад-дине Кайкубаде I [1: 341–343]. В похоронной процессии шло все население Коньи, и не только мусульмане [6: 234].

3. Султан-Валад

Руми является лишь идейным основоположником Мавлавии, действительным основателем ее как суфийского ордена со всеми необходимыми атрибутами, был его сын Султан-Валад [5].

Баха ад-дин Мохаммад Султан-Валад (24.04.1226–13.11.1312) — суфийский шейх и поэт, последователь своего отца Мевляны Джалал ад-дина Руми. В возрасте трех лет с отцом переехал в Конью, где и провел большую часть своей жизни. Рос среди ученых и суфиев [7: 435–436]. Был последовательным продолжателем дела своего отца [5], подвергся сильному влиянию наставника Руми Борхан ад-дина Мухаккика Термези, о чем говорится в «Валад-наме». К 12 годам он уже был полноценным членом братства и получил почетное имя Султан-Валад. Верно служил трем приближенным к Руми людям, Шамс ад-дину Табризи, Салах ад-дину Заркубу и Хасам ад-дину Чалаби, пока они не умерли. Вернул Шамс ад-дина в Конью в 1246 г.

После исчезновения Шамс ад-дина Султан-Валад по настоянию отца избрал своим муршидом Салах ад-дина Заркуба, которого он слушался беспрекословно до самой смерти последнего в 1258 г. Султан-Валад женился на дочери Заркуба — Фатиме. Всего у него было три жены, которые дали ему четырех сыновей и двух дочерей.

После смерти Руми его ближайший сподвижник Хасам ад-дин Чалаби уговаривал Султан-Валада занять место отца, но тот сам упросил его стать руководителем ордена. Султан-Валад был признан законным главой ордена после смерти Хасам ад-дина в 1284 г., но по своей скромности считал своим наставником Карим ад-дина Бактамура.

Под руководством Султан-Валада орден был сформирован как организованная группа, подобно другим суфийским братствам. Одна из частей ритуала сама⁴ стала в последствии именоваться в его честь, однако точная роль Султан-Валада в формализации обрядов и институтов ордена неизвестна. Не обладая провидческим талантом отца, Султан-Валад, однако, был не только свят, но и имел практические способности, энергию и отчетливое чувство цели. Он считал нужным развивать отношения с сельджуками и монгольскими правителями, а также с другими важ-

ными людьми. Он посылал представителей ордена в разные уголки Малой Азии, а также за ее пределы, чтобы освещать деятельность братства и расширять его. За время своей жизни он заложил прочную основу ордена Мавлавия, который стал одним из крупнейших суфийских орденов.

Султан-Валад, следуя за своим отцом, писал газели и другие произведения, давал лекции. Зная, что многим муридам не понятны стихи Руми, он переписал их более простым и понятным языком. Его стихам не хватает яркости, плавности, новых идей и выразительных средств, однако это все в некоторой степени компенсируется ясностью дидактического посыла [7: 435–436]. Руми в своих произведениях объясняет, Султан-Валад — учит [5]. Но, с другой стороны, Баха ад-дин Мохаммад был новатором: именно он стал первым поэтом в Малой Азии, написавшим существенное количество бейтов на турецком языке (в сумме около 370 бейтов) [7: 435–436].

4. Орден Мавлавия

Учение мавлавийцев является продуктом социальных, исторических и культурных событий своего времени. Идею формирования ордена Мавлавия начинается с периода деятельности отца Руми — Баха ад-дина Валада, ученики которого были объединены в одном обществе. После его смерти главой этого круга стали ученики Баха ад-дина и его сын Джалал ад-дин. Однако в этот период не следует вести речь о формировании суфийского ордена в полном смысле этого понятия. Здесь можно говорить лишь об идейном формировании Мавлавии. Орден при Руми только зарождался и, хотя мыслитель основал обители мавлавийцев, ритуалы и обряды, необходимые для полноценного ордена, еще не существовали [5].

О. Ф. Акимускин указывает на то, что мыслитель основал обители мавлавийцев, начал устраивать встречи братства, где читались молитвы и под музыку распевались его стихи-газели, ввел в ритуал сама́ музыку [1: 341–342] и танец, показывающий движение светил [3: 193]. Особую известность орден мавлавитов получил благодаря своей особой духовной практике и поэтическому сочинению Руми «Маснави» [2: 422].

Благоустроенная гробница Руми стала местом сбора последователей мыслителя. Впоследствии именно из их числа Султан-Валад основал суфийский орден. Это дает основание считать Руми идейным основоположником Мавлавии, а Султан-Валада — основателем полноценного суфийского ордена.

Онтологическое учение ордена Мавлавия опирается на пантеизм. Миропознание и самопознание в учении Мавлави подчинены иррациональному Богопознанию. Этическое учение мавлавийцев является теорией морали, направленной на воспитание совершенного человека для познания Бога. Представители ордена проповедают общественный характер человека, отрицают аскетический образ жизни. Их идеи об индивидуализме имеют лишь духовную направленность.

Несмотря на то, что многие представители ордена были шиитами, идеология Мавлавии является, по существу, суннитской. Мавлавийцы, питаясь идеями ислама, были знакомы также с доисламскими религиями. Руми и его последователи до начала XX в. придерживались своеобразного учения о равноправии религий и теории веротерпимости. Уважение мыслителя ко всем религиям, в особенности к христианству, даже стало причиной того, что некоторые считали его последователем христианства. Кроме того, на территории Малой Азии существовало большое количество святых мест, которые были предметом совместного почитания как представителями ордена Мавлавия, так и местным христианским населением. Некоторые христианские организации Турции материально поддерживали орден.

Орден Мавлавия пользовался большой популярностью и поддержкой аристократических кругов Османской империи и государственных чиновников. Это был элитный орден, и поэтому он распространился в Анатолии, Сирии, Египте, на Балканах и в Крыму. Мавлавиты внесли большой вклад в культуру Турции [5].

Литература:

1. Акимушкин О. Ф. Вдохновенный из Рума // Средневековый Иран: Культура, история, филология. — СПб.: Наука, 2004. — С. 330–343.
2. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь / Серия: Золотой фонд исламской мысли. — Ансар, 2007. — 400 с.
3. Бертельс Е. Э. Курс истории персидской литературы. Конспект лекций, записанный студентом Г. Птицыным. Отдел III. Суфийская поэзия. — Л.: ЛИФЛИ, 1937. — С. 193.
4. Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература // Избранные труды. Т. 3. — М.: Наука, 1965. — С. 40.
5. Зиёев Х. М. Суфийский орден Мавлавия и эволюция его теоретической и практической философии: XIII – начало XX вв.: Автореферат дисс. ... д-ра филос. наук. — Душанбе, 2006 [Электронный

- документ]. — URL: <https://www.dissercat.com/content/sufiiskii-orden-mavlaviya-i-evolyutsiya-ego-teoreticheskoi-i-prakticheskoi-filosofii-xiii-na> (Дата обращения 23.04.2022).
6. Рипка Я. История персидской и таджикской литературы / Пер. с чешского; реда. и авт. предисл. И. С. Брагинский. — М.: Прогресс, 1970. — С. 221–234.
 7. Waley M. I. BAHĀ-AL-DĪN SOLĀN WALAD // *Encyclopaedia Iranica*. — III/4. — 1988. — С. 435–436.

С. А. Давыдов

Становление тюркского этноса на территории полуострова Малая Азия

Аннотация: Данное исследование затрагивает вопросы проникновения и закрепления тюркского этноса на территории полуострова Малая Азия в III–XI вв. н. э. В работе данные процессы рассматриваются в рамках двух этапов: с III по IX в. и с IX по XI вв., где водоразделом, по мнению автора, становится укрепление позиций представителей тюркских племён в византийском обществе во времена правления Константина Багрянородного и его преемников. Автор приходит к выводу, что укрепление позиций тюркского этноса на территории Анатолии было связано со множеством различных причин, среди которых политические причины занимали далеко не последнее место. При написании статьи были использованы историографические труды и прочие работы, написанные как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Ключевые слова: тюрки, Малая Азия, Анатолия, Византийская империя, переселение, племена.

S. A. Davydov

The Consolidation of the Turkic Ethnos on the Territory of Asia Minor

Abstract: The following research touches upon the issue of the Turkic ethnos' migration and further consolidation on the territory of the Asia Minor Peninsula from 3rd to 11th century CE. The study examines the given events as a whole consisting of two main periods – from 3rd to 9th and from 9th to 11th century respectively. The author believes that the division between the given frameworks can be thought of as the further consolidation of the Turkic tribes' representatives in the Byzantine society during the rule of Constantine VII Porphyrogenitus and his successors. The author concludes that the consolidation of the Turkic tribes in Anatolia is likely to be the results of numerous reasons, and the political ones may be considered as of utmost importance. The research is based on different historiographical works and other pieces of study written by both Russian and foreign authors.

Key words: Türks, Asia Minor, Anatolia, the Byzantine Empire, migration, tribes.

Полуостров Малая Азия, по сей день сохраняющий свою историческую и культурную значимость для человечества, успел побывать под контролем многих империй прошлого — от Ахеменидской державы, павшей от руки Александра Македонского, до Византийской и Османской империй, последняя из которых всё-таки сумела сломить сопротивление потомков Римской империи, ещё одной державы, которой также некогда принадлежала территория Малой Азии (Анатолии). И, несмотря на видные невооружённым глазом различия между этими империями, с уверенностью можно сказать, что каждая из них включала в себя бессчётное число народов и отдельных племен; некоторые из них сгинули в неумолимом течении времени или ассимилировались с прочими этносами (как, например, лазы или чвенебури), а другие, наоборот, стали доминирующими, как это стало с представителями тюркского этноса.

Несомненно, тюркские племена не появились в Малой Азии одновременно — к III в. н. э. они уже были хорошо известны в прикаспийских территориях и на Кавказе, постепенно просачиваясь через них в Анатолию. Например, армянский историк Бузанд Фавстос писал, что гунны являлись частью войска маскутского царя Санесана, который в начале IV в. напал на земли, принадлежавшие армянскому царю Хосрову [6: 14–15]. Логично предположить, что Дербентская стена и крепость Нарын-кала, находящиеся на территории современного Дагестана, были созданы с целью противостоять набегам кочевых тюркских племён, подобных гуннам; к аналогичному выводу приходит и советский исследователь Д. Е. Еремеев [4: 53]. Однако основной импульс к продвижению тюркских народов на территорию Малой Азии был придан начавшимся в конце IV в. Великим переселением народов.

По сообщениям византийских историков уже к началу V в. гунны оказались на территории современной Фракии и Сирии, находящихся к западу и югу от Анатолии соответственно; примерно в это же время гунны терпят поражение от рук последнего римского императора Феодосия I Великого [4: 53–54], на чём их продвижение на территорию Европы остановилось, но на небольшой срок, поскольку спустя несколько лет к власти пришёл Атиллы, Бич Божий.

Однако нас будет интересовать не фигура Атиллы и его продвижение вглубь угасающей Римской империи, а небольшое гуннское племя суваров (субаров), также именуемое «белыми гуннами», которые, согласно записям Иешу Стилита, пришли на территорию Малой Азии

из Сирии, полностью подконтрольной им [7: 95–97]; тем не менее уже к середине VI в. субары были разбиты аварами [4: 55]. И всё же, несмотря на значительный разрыв в уровне культурного и технологического развития между племенами аваров и Византией, Константинополь нанимал аварских воинов для охраны своих границ в Восточной Анатолии от нападений со стороны персидской империи Сасанидов. Сообщается, что к помощи варваров прибегали такие византийские императоры, как Юстиниан II Ринотмет и Ираклий I [4: 56].

Во второй половине VI в. на территории Византии уже проживало достаточно много представителей тюркских племён (авары, болгары, хазары и др.), а уже ближе концу века болгары при поддержке Византии смогли нанести поражение Тюркскому каганату (который распался вскоре после войн с Византией и булгарами в начале VII в.), благодаря чему стало возможным основание собственного болгарского государства — Великой Булгарии. К середине же VII в. на территорию Византии начинают проникать хазары, с которыми Константинополь заключает военный союз против Арабского халифата [4: 57], вышедшего к границам Византийской империи после победы над иранской династией Сасанидов. Хазарские племена были привлечены не просто так: противостояние между халифатом и «вторым Римом» происходило не только в рамках религиозной парадигмы «христианство – ислам», но и экономической, где арабы совершали рейды вглубь восточных областей Византии с целью подорвать экономику своего противника. Учитывая этот факт, логика византийского императора становится понятна: стремительным набегам арабов могли противостоять хазары, которые полагались в военном деле на конницу так же, как и любой другой кочевой народ.

Таким образом, авары, болгары и хазары весьма прочно укрепились в рядах военного сословия Византийской империи, и даже некоторые императоры (например, вышеупомянутый Юстиниан II, а также Тиберий II и Константин V Копроним женились на дочерях хазарских каганов, а сын и преемник последнего Лев IV получил прозвище «Хазар» из-за хазарских корней его матери); а уже к IX в. (если мы обратимся к сочинению «О фемах» Константина Багрянородного [4: 57]) у византийских императоров появилась хазарская гвардия.

Логично заключить, что укрепление позиций тюркского этноса на территории Малой Азии было связано не только с Великим переселением народов и завоеваниями первых тюркских племён. На смену не-

когда павшей под набегами варваров Римской империи пришла её преемница Византия, которая смогла остановить этнические перемещения с востока. Однако и «второй Рим» всеильным не был и, столкнувшись со временем с новыми угрозами в лице относительно молодой персидской династии Сасанидов, Тюркского каганата и Арабского халифата, Константинополь использовал помощь различных выходцев из множества граничащих с Византией тюркских народностей, которые доказали свою эффективность в противостоянии существовавшей тогда для Византии «угрозы с Востока». Благодаря успехам хазар начали принимать в византийском обществе, а процесс их ассимиляции с более эллинизированным населением Византии происходил достаточно быстро. Тем не менее подобное проникновение тюркских народностей на территорию Малой Азии носило эпизодический характер и, соответственно, не оказало существенного влияния на этнический состав полуострова.

Однако вскоре ситуация начала меняться, и уже к середине VII в. Арабский халифат полностью контролировал Персию (Иран) и прилегающие к югу Каспийского моря центральноазиатские степи и, соответственно, участок Великого шелкового пути, через который Византия вела торговлю со своим далёким восточным соседом Китаем под управлением династии Тан. По мнению Фарда Асадова, нейтралитет, который заняли хазары в отношении конфликта между Византией и халифатом Омейядов во второй половине VII в., был связан с допуском хазар к торговле между Европой и Китаем со стороны арабов [1: 171].

Параллельно с этим хазары укрепляют свои позиции в степях современного Юга России, а также на территории Северного Кавказа, через который они постепенно проникают на армянские территории и, двигаясь на юг и запад, выходят в восточные области современной Анатолии, что было зафиксировано армянскими историками VII в. [4: 61]. Таким образом, к началу VIII в. Кавказские горы и области, прилегающие к западу Каспийского моря, были достаточно плотно заселены представителями тюркского этноса.

В дальнейшем данные территории, включая южные регионы центральноазиатских степей, будут захвачены преемником Омейядов — Аббасидским халифатом, который начнёт привлекать принявшие ислам местные тюркоязычные племена в свои вооружённые силы. К концу VIII – началу IX вв. эти племена станут основной военной силой, с помощью которой халифат будет вести боевые действия с Константино-

полям [5: 42]. А уже к середине IX в. некоторые восточные провинции Анатолии (территории современных турецких илов¹ Хаккари, Агри, Ван и Сирнак) были заселены и управлялись на местном уровне тюркскими племенными вождями, причем данные территории были переданы им не только за заслуги на поле боя, но и за участие в политической борьбе внутри самого халифата. Халиф Мутаваккиль, полагавшийся на поддержку отрядов тюркских наёмников, превратил их в значимую по своему влиянию военизированную силу внутри государства Аббасидов [4: 62] и позволил им самим выбирать своих вождей. Халифу же оставалось только одобрить или отклонить кандидатуру. Таким образом, к концу X в. роль тюрков в халифате значительно укрепилась, ровно так же, как и их позиции на востоке Малой Азии.

Однако восточная граница Византийской империи была лишь одним из двух мест, откуда тюркские племена начали проникать в Малую Азию. Во второй половине IX в. племена печенегов, потерпевшие поражение от молодого русского государства и теснимые своими тюркскими соседями в лице узов и половцев (или куманов), переселились на территорию Балканского полуострова, откуда через Фракию попали на запад Малой Азии, куда в течение следующих двух столетий перекочевали как узы, так и половцы. При этом Константинополь не препятствовал их расселению на своих западных границах. Со временем эти племена, подобно близким им по крови аварам, булгарам и хазарам, начали процесс ассимиляции с византийским населением, чему способствовал Константинополь, переселяя тюркские племена ближе к восточным границам с целью защитить их от набирающих силу Сельджукидов — тюркской династии, власть которой к середине XI в. признал утративший почти всё своё политическое влияние аббасидский халиф.

Однако надежды Византии на данные тюркские племена не оправдались. В 1071 г. во время битвы при Манцикерте против тюрков-сельджуков под предводительством Алп-Арслана ранее признавшие над собой власть Византии печенеги и узы осознали, что противник близок им по языку, и перешли на сторону сельджуков, что предопределило поражение сил Романа IV Диогена. После этой битвы войска Алп-Арслана (которого после смерти сменил его сын Маликшах) победным маршем прошли по Анатолии, окончательно утвердив главенствующее положение некогда разрозненных тюркских племен на большей части полуострова.

¹ Административно-территориальная единица Турецкой Республики.

В заключение хочется привести слова немецкого историка Генриха Гельцера, представленные в его работе «Очерки по истории Византийской империи»:

«Восток Малой Азии, Армения и Каппадокия — провинции, которые были домом стольких знаменитых императоров и воинов, и составляли основу силы империи, — были потеряны навсегда, и турок поставил шатры кочевника на руинах древней римской славы».

Действительно, процесс проникновения тюркских племён и дальнейшего их закрепления на территории полуострова Малая Азия был долгим и неравномерным; его причины варьируются от естественных, связанных с Великим переселением народов, до политических, когда византийские императоры прибегали к помощи тюрков для охраны границ своих владений. Тем не менее основание Сельджукской империи во второй половине XI в. окончательно закрепило доминирующее положение тюркского этноса на территории Анатолии и придало импульс дальнейшему развитию тюркской государственности на полуострове.

Литература:

1. Асадов Ф. Хазария, Византия и Арабский халифат в борьбе за контроль над торговыми путями Евразии в IX–X веках // Кавказ и глобализация. — 2012. — Т. 6. — № 4. — С. 159–172.
2. Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. — М.: Л., 1941.
3. Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в Средние века и Новое время. — М.: Изд-во Московского университета, 1992.
4. Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории) — М.: Наука, 1971.
5. Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государств. — Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1952.
6. Памятники древнеармянской литературы. История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. М. А. Геворгяна под ред. С. Т. Еремяна. — Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1953.
7. Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторической источник. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940.
8. Findley C. V. The Turks in World History. — London: Oxford University Press, 2004.

9. Findley C. V. *Turkey, Islam, Nationalism, and Modernity: A History*. — London: Yale University Press, 2011.
10. Golden P. B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. — Weisbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
11. Golden P. B. The Ethnogenic Tales of the Türks // *The Medieval History Journal*. — 2018. — 21 (2). — P. 291–327.

М. О. Деркачёва

Жизнь и творчество османского поэта Ахмеда Недима (1681–1730)

Аннотация: Начало XVIII в. («Эпоха тюльпанов» (1718–1730)) в Османской империи характеризуется культурным расцветом, обусловленным наметившейся тягой к Западу. Ахмед Недим — один из самых знаменитых поэтов этого периода. Его выдающиеся достижения в использовании разговорного турецкого языка и мастерство в поддержании гармонии стихотворных произведений отличают его от современников. В статье рассматривается биография поэта, характеристика основных поэтических жанров и форм его произведений, а также темы и сюжеты, которые там раскрываются.

Ключевые слова: Ахмед Недим, поэзия, османский поэт, поэтические жанры и формы, Эпоха тюльпанов, темы и сюжетные линии стихотворений.

М. О. Derkacheva

The Life and Work of the Ottoman Poet Ahmed Nedim (1681–1730)

Abstract: The beginning of the XVIII century (“the Age of Tulips” (1718–1730)) in the Ottoman Empire is characterized by a cultural flourishing due to the emerging craving for the West. Ahmed Nedim was one of the most famous poets of this period. His outstanding achievements in the use of spoken Turkish and careful mastery in maintaining the harmony of poetic works distinguish him from his contemporaries. The article examines the biography of the poet, the characteristics of the main poetic genres and forms of his works, as well as the themes and plots that are revealed there.

Key words: Ahmed Nedim, poetry, ottoman poet, poetic genres and forms, the Age of tulips, storylines and themes of poems.

Биография Ахмеда Недима

Предполагается, что Ахмед Недим родился в 1681 г. в столице Османской империи Константинополе и происходил из богатой и знатной семьи. Сам поэт в стихах пишет, что дом его находится Бешикташе [1: 9], культурном районе Стамбула на европейском побережье пролива Босфор. Ахмед получил блестящее образование в местном медресе, где успешно сдал экзамены, кроме этого с ним с детства занимались и в кругу семьи. Естественно, что кроме классических наук, Недим изучал арабский и персидский языки, так как даже к концу XVII в. их роль в литературной и научной деятельности в Османской империи была больше, чем роль османско-турецкого языка.

Истинным призванием Ахмеда Недима стала именно поэзия, а его творчество стало образцом виртуозной поэтической техники. В попытке получить признание как поэт Недим написал несколько касыд, посвященных Силахдару Али-паше, османскому великому везиру (1713–1716), но на тот момент ещё не получил признания при султанском дворе. После того как Али-паша умер, новым везиром Османской империи был назначен Невшехирли Дамад Ибрагим-паша, который пробыл на этом посту с 1718 по 1730 год. Благодаря своим касыдам Ахмеду Недиму удалось произвести впечатление на Ибрагима-пашу и закрепиться в качестве поэта при дворе султана Ахмеда III, позже поэт старался во всём поддерживать своего покровителя. Он писал строфы и оды, как и многие другие поэты того периода, почти для каждой новой реформы Невшехирли Дамада Ибрагима-паши, которых проведено было немало. Именно тогда, в начале 1720-х гг., он утвердился как поэт. Ибрагим-паша, «основав при дворце огромную для того времени библиотеку, назначил Ахмеда Недима ее главным управителем» [3: 181]. Вместе с еще 26-ю образованными людьми (переводчиками, учеными и поэтами) Ахмед Недим входил в переводческую комиссию, созданную как раз в период между 1718 и 1730-м годами. Благодаря работе этой комиссии как уже отмечалось, на турецкий язык были переведены некоторые исторические труды.

Поэт трагически погиб в 1730 г. во время восстания городских низов Стамбула под предводительством Патрона Халиля.

Характеристика основных поэтических жанров и форм стихотворений Ахмеда Недима

Диван Ахмеда Недима отличается большим разнообразием поэтических форм и жанров. Однако наибольшее внимание заслуживают его

газели, касыды, рубаи, а также шаркы и кыт'а, которые не вошли в опубликованный диван его поэзии [2]. Многовековое существование этих форм выработало строгие каноны, которыми регламентировались как их структурные признаки, так и их содержание.

Газель — небольшое лирическое стихотворение, в котором число бейтов (двустушие с необязательной рифмовкой стихотворных строк (мисра') чаще всего составляет от пяти до двадцати. Газель одновременно считается и формой, и жанром, поскольку обладает чёткими формальными особенностями и в то же время отражает определённую тематику. «Газель характеризуется монорифмой, проходящей через всё стихотворение — от первого бейта, в котором рифмуются оба полустишия — мисра (aa), через все последующие бейты, в каждом из которых первое полустишие остается без рифмы, а второе полустишие-мисра содержит рифму, связывающую его с предыдущими и последующими бейтами (ба, ва, га и т. д.)» [10: 8]. Зарифмованные бейты называют мусарра'.

Касыда — «торжественное, хвалебное стихотворение, напоминающее оду» [6: 121]. Стихотворения, принадлежащие к этому жанру, изначально были призваны поднимать дух своего народа или племени, морально поддерживать в трудные минуты. В касыдах восхвалялись предводители племени или отдельные важные лица.

Канонический план касыды состоит из нескольких частей:

1. Начало носит название «насиб», оно является вступлением к касыде. «Обычно в нем говорится о прелести возлюбленной, великолепии природы, пиршестве и т. д.» [7: 155].

2. Вторая часть — «гуризгах», переход к восхвалению, состоит обычно из одного или двух бейтов и служит переходом между первой (насибом) и третьей (мадх) композиционными частями.

3. «Мадх» — основная часть всей касыды, где поэт восхваляет определённое лицо или красоту природы.

4. «Касыда заканчивается структурной частью, которая называется шарита (букв.: «условие»), когда поэт молится за восхваляемое лицо, и эта молитва обычно называется «молитва о вечной жизни» (ду'а-йи та'бид), причем она написана в условной манере, потому и получила такое название» [7: 156].

В некоторых касыдах также присутствует «фахр», т. е. самовосхваление самого поэта.

Рубаи — стихотворная форма, которая представляет собой «четверо-стишие, как правило, философского содержания, в котором рифмуются первая, вторая и четвертая строки, а третья остается без рифмы. Иногда после рифмы следует редиф» [6: 338].

Шаркы — поэтическая форма и жанр, представляющая собой звучные и музыкальные стихотворения, построенные в подражание народным песням. Из поэтов «литературы дивана» именно Ахмед Недим наиболее активно развивал жанр шаркы. Кроме того, многие исследователи приписывают ему также и само создание этого жанра, однако на самом деле он был изобретен раньше османским поэтом Наили (1610–1666). Недим получил огромную известность именно благодаря произведению, написанным в этой поэтической форме.

Тюркю — жанр турецких лирических народных песен. В целом этот музыкально-поэтический жанр не имеет конкретной характерной формы исполнения и границ: каждый исполнитель — самобытный лирик, а каждое его исполнение представляет собой отдельное произведение. Тюркю обычно систематизируют в зависимости от их территориального центра (например, Стамбульские тюркю, Измирские тюркю и т. д.).

Основные сюжеты и темы в поэзии Ахмеда Недима

Содержание поэтических произведений Ахмеда Недима различных жанров и форм представляет собой сложное переплетение разнообразных тем и вытекающих из них сюжетов. В его стихотворениях отражена как повседневная жизнь простых людей, городские красоты, так и роскошная жизнь султана и его приближённых со всеми праздниками, наиболее часто отмечавшимися в этот исторический период. Кроме того, уделено внимание важным человеческим чувствам любви, привязанности, грусти, тоске.

Недим, как и многие поэты того времени, хотел быть замечен султаном Османской империи или как минимум его окружением. Как уже отмечалось, его деятельность пришлась на правление знаменитого султана Ахмеда III, и большая часть касыд посвящены именно ему, а также великому везиру Невшехирли Дамаду Ибрагиму-паше.

Значимой тематической линией в поэзии Недима становится изображение самой Османской империи и её столицы. Есть как отдельные поэмы, посвящённые Стамбулу, так и зарисовки города в произведениях, связанных с иной тематикой.

Общественная жизнь, со всеми ее примечательными особенностями, оригинально изображена в строках стихотворений поэта. Специфика «Эпохи тюльпанов», реконструкция важных событий, постройка дворцов и особняков того периода — все это детально и очень правдиво характеризует Недим. В своей поэзии он не обходит стороной и тему, связанную с гуляниями и различными празднествами.

Любовная тематика произведений у Ахмеда Недима не отличается богатством вариативной разработки основной темы. Почти во всех газелях и произведениях других форм и жанров любовная линия представлена сама по себе, в них происходит непосредственное изображение чувств и печальных эмоций влюбленного. В большинстве своем в стихах прослеживается тема несчастной, неразделенной любви. Чаще всего образы в стихотворениях Недима условны и не связаны с реальными переживаниями самого поэта. Ахмед, как и многие ближневосточные поэты, взаимоотношения юноши и девушки ассоциирует с образами соловья и розы. В подобной аналогии соловей выступает в качестве символа влюбленного. Он выводит свои трели ради встречи с девушкой. Любовь для влюбленного — одновременно и болезнь, и лекарство. Чтобы влюбленный исцелился от своей болезни, он нуждается в возлюбленной, однако, к несчастью, его любовь безнадежна, девушка никогда не ответит ему взаимностью. Она в поэзии обычно предстаёт как капризная, ветреная и жестокая возлюбленная.

В поэзии Ахмеда Недима представлено огромное разнообразие сюжетов и литературных образов. В его стихах изображаются многие человеческие чувства, события и места, где они происходили, детально показан Стамбул и его окрестности, а также сам султан Ахмед III и его окружение. Всё это позволяет постичь особенности «Эпохи тюльпанов» и Османской империи начала XVIII в.

Литература:

1. Macit Muhsin. Giriş: Nedim'in hayatı, eserleri ve şairliği // Nedim Divânı. — Ankara: T. C. Kültürve Turizm Bakanlığı, 2012. — S. 7–17.
2. Nedim Divânı / Hazırlayan Dr. Muhsin Macit. — Ankara: T. C. Kültürve Turizm Bakanlığı, 2012. — 347 s.
3. Гарбузова В. С. Поэты Турции. Очерки жизни и деятельности. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. — 199 с.

4. Иванов С. Н. В красе нетленной предстает. Узбекская классическая лирика XV–XX веков / Пер. со староузбекск. и узбекск. — М.: Наука, 1977. — 310 с.
5. Из старой турецкой поэзии / Сост., подстроч. пер. и коммент. И. Боролиной. — М.: Худож. лит-ра, 1978. — 286 с.
6. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С.В. Тураев. — М.: Просвещение, 1974. — 509 с.
7. Тамимдари А. История персидской литературы. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 240 с.

К. А. Жуков

**Михаил Серафимович Мейер (1936–2022)
и его вклад в российскую османистику**

К. А. Zhukov

**Mikhail S. Meyer (1936–2022)
and His Contribution to the Ottoman Studies in Russia**

19 апреля 2022 г. ушел из жизни Михаил Серафимович Мейер — известный ученый, талантливый педагог и организатор науки. Прекрасная профессиональная память, развитое системное мышление, блестящие аналитические способности — вот те качества, которые позволили ему создать десятки первоклассных научных трудов по истории Османской империи, особенно в таких областях как экономическая история Турции и история русско-турецких отношений. Вновь и вновь будущие поколения османистов будут обращаться к результатам исследований Михаила Серафимовича в этих сферах научного знания. В полном списке научных трудов М. С. Мейера содержится более 150 наименований. Список, охватывающий работы, опубликованные с 1963 по 2006 гг., имеется в юбилейном сборнике, подготовленном российскими и зарубежными коллегами Михаила Серафимовича к его семидесятилетию [9: 5–14]. Указания на более поздние публикации можно найти в академическом обзоре творческой биографии и научной деятельности М. С. Мейера, авторами которого выступили его коллеги-туркологи по работе в ИСАА при МГУ [7].

Вершинами научно-педагогической деятельности М. С. Мейера стала фундаментальная монография «Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса» [5], написанная на основе его докторской диссертации, успешно защищенной в 1989 г., а также созданный в 1992 г. в соавторстве с Д. Е. Еремеевым учебник по средневековой и новой истории Турции, которым вот уже три десятка лет с благодарностью пользуются все новые и новые поколения студентов-восточников [2].

Талантливый человек талантлив во всем. Обширная эрудиция позволяла Михаилу Серафимовичу плодотворно работать в разных жанрах

научной деятельности, в том числе выступать в качестве редактора и автора научных комментариев к изданиям литературных памятников прошлого (в этой связи назовем «Путешествие в Турцию и Египет...» графа Потоцкого [6] и «Константинополь» Теофила Готье [1]), а также с успехом выступать в этой же роли в отношении современной переводной научной литературы (в качестве ярких примеров вспомним здесь «Расцвет и упадок Османской империи» Лорда Кинросса [4] и вышедший под редакцией М. С. Мейера в 2006 г. русский перевод двухтомника «История османского государства, общества и цивилизации» [3]).

Вспоминая Михаила Серафимовича, мы волей-неволей обращаемся в нашей памяти к тем годам, которые сформировали его как ученого. В первую очередь, ту среду общения, в которой формировались его интересы. В этой связи вспоминаем, в частности, «великолепный век» Института научной информации по общественным наукам АН СССР, частым гостем которого в 1970–1980-е гг. был Михаил Серафимович, вспоминаем знаменитые «Бартольдовские чтения», проходившие в подмосковном Звенигороде и многое другое. Можно сказать, что Михаил Серафимович был конгениален веяниям того времени и духу той академической среды. Во многом благодаря его усилиям в те годы в научный обиход отечественных тюркологов входили такие имена как Ф. Бродель и И. Валлерстайн, исследовался процесс воздействия «революции цен» в Европе на Османскую империю, активно развивался взгляд на Османскую империю как на периферийный элемент мировой экономической системы.

Как представитель школы ленинградских тюркологов скажу с гордостью, что Михаил Серафимович всегда был самым желанным гостем на Восточном факультете СПбГУ, на регулярных ленинградских (впоследствии петербургских) конференциях по историографии и источниковедению стран Азии и Африки, на которых не только делился результатами своих последних научных исследований, но и дарил нам радость живого человеческого общения.

Что ж, заканчивается эпоха. На наших глазах уходят последние представители удивительного феномена под названием советское востоковедение. Многие ими было сделано, однако многое из задуманного ими осталось неосуществленным. Так, только в проектах остались в свое время планируемые коллективами авторов из Москвы и Петербурга «История русско-турецких отношений» и «Очерки экономической истории Турции»... Закономерен таким образом вопрос, какова будет

дальнейшая судьба этих проектов? И (в более общем плане) каковы в целом перспективы российской туркологии? Десять лет тому назад мы совместно с Михаилом Серафимовичем подготовили аналитический обзор тогдашнего состояния османистических штудий в Москве и Петербурге. Этот обзор был опубликован старейшим востоковедным издательством «Брилл» в Лейдене в международном туркологическом журнале в 2014 г. [8]. Надо сказать, что тот период Михаил Серафимович очень позитивно оценивал будущее московской туркологии. Будем надеяться, что его оптимистичные прогнозы оправдаются. Залогом этому является богатое научное наследие, оставленное М.С. Мейером, а также его верные ученики, которые успешно продолжают дело своего учителя.

Литература:

1. Готье Т. Путешествие на Восток / Пер. с фр. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. — 344 с.
2. Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 248 с.
3. История Османского государства, общества и цивилизации: В 2 т. / Под ред. Э. Ихсаноглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры; пер. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. — М.: Вост. лит., 2006. — Т. 1 — 602 с.; Т. 2. — 587 с.
4. Кинросс, лорд. Расцвет и упадок Османской империи / Пер. с англ. — М.: Крон-Пресс, 1999. — 696 с.
5. Мейер М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. — М.: Наука: Главная ред. восточной литературы, 1991. — 261 с.
6. Потоцкий Ян. Путешествие в Турцию и Египет, совершенное в 1784 году // Восток – Запад. Исследования, переводы, публикации. — М.: Наука: Главная ред. восточной литературы, 1985. — С. 35–82.
7. Шлыков В. И., Шлыков П. В. К юбилею Михаила Серафимовича Мейера. «Позаветам академика В. В. Бартольда...» // Вестник Моск. Ун-та. — Сер. 13. Востоковедение. — 2021. — № 3. — С. 3–18.
8. Meyer M., Zhukov K. The Present State of the Ottoman Studies in Saint Petersburg and Moscow // Turkish Historical Review (Leiden: Brill). — 2014. — Vol. 5/1. — P. 115–127.
9. Turcica et Ottomanica: Сб. в честь 70-летия М. С. Мейера / Сост. И. В. Зайцев, С. Ф. Орешкова; Ин-т востоковедения РАН. — М.: Вост. лит., 2006. — 399 с.

Ж. Б. Каррыева, А. Г. Бегланова

Символика цвета в туркменском фольклоре и вопросы перевода

Аннотация: В статье интерпретируется символика цвета в туркменском фольклоре и вопросы её адекватной передачи при переводе на иностранные языки. Исследование проводилось на материале средневекового эпоса «Gorkut ata» («Книга моего деда Коркута») и туркменского героического эпоса «Görogly» («Кер-оглы»), переведённых на русский и английский языки. Подчёркивается значение свободного владения ИЯ и ПЯ, а также необходимость знания культуры народа и экстралингвистического контекста.

Ключевые слова: символика цвета, эпос, интерпретация, экстралингвистический контекст, переводчик, коннотационное значение, отрицательная характеристика.

Z. B. Karriyeva, A. G. Beglanova

Symbols of Colors in the Turkmen Folklore and Translation Issues

Abstract: The article deals with the interpretation of symbols of color in the Turkmen folklore and some issues of their adequate translation. The examples from the heroic eposes “Gerogly” (“Ker-Ogly”), and “Gorkut ata” (“The Book of My Dede Korkut”) vividly show their correct and incorrect interpretations. The importance of the perfect knowledge of both languages and also the extralinguistic context, culture of both peoples is vividly proven in the article.

Key words: symbolism, epic (tale), interpretation, extra-linguistic context, interpreter, connotational meaning, negative characteristics.

Огромная заслуга в исследовании туркменского фольклора принадлежит корифеям российской науки А. Н. Самойловичу, В. В. Бартольду, В. М. Жирмунскому, А. П. Поцелуевскому, путешественникам и переводчикам, представителям разных стран — А. Л. Ходзько-Борейко, А. Вамбери, И. Н. Березину, А. Бернесу, С. С. Пенну, академику

Б. А. Каррыеву, внесшим неоценимый вклад в дело собирания, издания и перевода первых сборников фольклора.

Цель настоящей статьи — показать символику цвета в туркменском фольклоре на примерах передачи цвета в переводах на английский и русский языки. Наше исследование проведено на материале средневекового эпоса «Книга моего деда Коркута» («Gorkut ata»), героического эпоса «Гёр-оглы» («Görogly») и их переводов на русский и английский языки.

В туркменском фольклоре, как и в фольклоре других народов, большое место занимают символы. Символами могут быть образы людей, птиц, животных, предметы окружающего мира, а также различные цвета и числа. Символы сопутствуют ежедневному быту туркмен и несут веками устоявшееся значение. Цвет имеет свою особую интерпретацию, он относится к экстралингвистическому контексту, и переводчику фольклорного произведения недостаточно прекрасно владеть ИЯ и ПЯ. Следует знать культуру народа, уделяя цветам особое внимание. Проблема может заключаться в том, что на первый взгляд обычные цвета, также, как и числа, в ИЯ могут оказаться символическими в ПЯ и, соответственно, иметь коннотационные значения. Чем дальше друг от друга проживают народы, тем более самобытной может быть их культура, и расхождения в интерпретации цвета вполне объяснимы.

Рассматривая символику цвета, следует отметить, что наиболее часто в туркменских эпосах употребляются белый, чёрный и красный цвета, каждый из которых говорит об определённых внешних качествах персонажа или о его характере. Однако при переводе обозначения цвета на иностранные языки, следует быть «осторожным». Так, например, красота персонажа в русском фольклоре передаётся через красный цвет («красна девица», «красный молодец», «красна изба (пирогам)») и т. д., а в туркменском — через белый и чёрный цвет. Например: *gara gözli* (черноокая), *gara saçly* (до сл.: черноволосая). К тому же существует целый ряд устойчивых словосочетаний, когда компонент «чёрный» выражает что-то или кого-то, кто очень мил и дорог (ср., например: «мен гарагозум» — «зеница моего ока») или, наоборот, отрицательное отношение (ср., например: *garaň görünmesin* — «чтобы духу твоего здесь не было»). Интересно отметить, что при описании бровей, например, в туркменской культуре большее внимание уделяется не цвету бровей (как, например, в русском фольклоре «чернобровая»), а их форме (*guşuň*

ganaty ýaly), а при описании родинок — их количеству и чёрному цвету (*goşa — goşa halýndan — black moles — (пара) чёрных родинок*).

Помимо выделения красоты персонажа, чёрный цвет является средством передачи отрицательных характеристик героя произведения. Чёрный цвет употребляется для устрашения, придания грозности персонажу или объекту, а при его неоднократном повторе, можно наблюдать усиление производимого им эффекта. Рассмотрим пример из эпоса «Gorkut ata», и его перевод на русский и английский языки.

«**Gara** dere agzynda kadyr beren, **gara** buga dersinden beşiginiň ýapysy bolan, gahary gelende, **gara** daşy kül eýleýän, murtuny ýeňsesinde ýedi ýerde düwen, är biçimli, Gazan begin gardaşy **Gara** güne çapar etdi» [1: 56].

«Прискакал поражающий мужей брат Казан-бека **Кара**-Гюне, чья колыбель у входа в ущелье была покрыта кожей **чёрного** быка, кто в гневе обращал **чёрный** камень в глину, кто привязал себе усы на затылке в семи местах» [2: 29].

«There was **Kara** Göne, who was born at the mouth of the **Kara** River, whose cradle was made of the hide of a **black bull**, who in a fit of anger could crumble stone into ash, who could wind his moustaches even times around his neck, a hero of heroes the brother of Kazan Bey» [3: 36].

В приведённом примере прилагательное *gara*, означающее «чёрный (цвет)» в ИЯ (оригинале) использовано четыре раза, тогда как в переводах на русский и на английский язык — по три раза. Следует отметить, что в русском переводе опущено прилагательное «чёрный» при передаче образа реки, того местечка, откуда Кара-Гюне был родом (см. туркм.: *Gara dere agzynda kadyr beren*). В английском переводе прилагательное «чёрный» опущено при передаче цвета камня (*gara daşy kül eýleýän — could crumble stone into ash*). Чёрный цвет в данном случае употреблен в оригинале с целью придания грозности, устрашения, при описании силы и мощи Кара-Гюне. В результате опущения, естественно, эффект грозности несколько ослабевает. Кроме повтора в туркменском варианте автор использует фонетическое выразительное средство, производимое через повтор звука [g] – [Г] дважды в начале следующих друг за другом слов *gahary gelende gara* и далее: *Gazan begin gardaşy Garagüne*.

В противовес чёрному, белый цвет в туркменской культуре является символом чистоты, красоты, мудрости, зрелости. Когда речь идет о цвете кожи персонажа, то восхваляется её белизна, подчеркивается, что она светлая. Рассмотрим пример из эпоса «Гёр-оглы»:

Öte bilmen ala dagyň garyndan,
Ак ýüzünde goşa-goşa halyndan.
 Arslan baýyň gyzy Harman Dälinden
 Маňa Däli gyzdan salam gelipdir [4: 326].

Рассмотрим его переводы на сравниваемые языки. В русском языке мы читаем:

Не пройти мне снегá на высоких горах
 От той, **на белом лице** которой — пара родинок.
 От дочери Арслан-бая, Харман-Дяли
 От неистовой девы привет мне пришёл» [4: 702].

В английском языке:

In inaccessible mountains lies eternal snow,
 On her **pale face** are two black moles.
 She is Arslan beg's daughter,
 She is Crazy Harman» [5: 96].

В приведенном примере словосочетание *ak ýüzünde* символизирует красоту Харман Дяли и переведено на русский язык «на белом лице». Однако возможно, что в результате недостаточного знания экстралингвистического контекста, переводчик допустил неточный перевод словосочетания *ak ýüzünde* и передал его сочетанием «on her pale face» («на её бледном лице».)

Словосочетание «pale face» несёт в себе отрицательные коннотации, которые могут быть связаны с недомоганием или болезнью героини, но никак не воспевают её красоту. Такой перевод ведет к искажению смысла и образа героини. Подобные случаи повторяются на протяжении всей главы эпоса «Гёр-оглы». Ещё пример:

В туркменской версии мы находим:

Yşkyň şerabyndan doýup,
Ак ýüzüne zülpun ýaýup.
Ак göwsüň göwsüme goýup,
 Gönen, göwnüm, gönen, göwnüm! [4: 367]

Сравниваем с переводом на русский язык:

Вдоволь испил я вина любви.
 На **белое лицо** её локоны ниспадали.
Белую грудь её прижав к своей груди,
 Наслаждайся, сердце, блаженствуй, сердце! [4: 744]

Сравниваем с переводом на английский язык:

I've had my fill of the wine of love.
 Curls are covering her **pale face**.
 When I caressed her **white breasts**,
 Rejoice and start loving, heart! [5: 103]

Повторно мы встречаем неточный перевод словосочетания «pale face» несмотря на то, что в следующей строке идет подчёркивание символа белого цвета («white breasts» — «белые груди»), усиливающего красоту и привлекательность героини. Так как перевод на английский язык главы «Harman Däli» («Харман Дяли») эпоса «Gör-ogly» («Гёр-оглы») осуществлен через русский и польский языки, то подобные упущения предсказуемы как результат недостаточного знания экстралингвистического контекста. Однако он недопустим. Рассмотрим такой пример:

Gyz-gelinleri kah-kah gülmez boldy, **gyzyl** hynany **ak ellerine** yakmaz
 boldy [1: 71].

В русском переводе имеем:

Не стал раздаваться громкий смех её дочерей-невест; не стали они окрашивать **красной** хной **свои белые руки** [2: 39].

В переводе на английский язык имеем:

His daughters and daughters-in-law no longer laughed cheerfully or dyed their **hands** with **red** henna [3: 52].

В последнем примере мы видим, что в сочетании *ak ellerine* прилагательное *ak* (белый), символизирующее белизну кожи и тем самым подчёркивающее красоту рук девушек и молодых снох, снова осталось непереведенным.

В туркменском фольклоре имеется достаточное количество метафор и эпитетов, в состав которых также входят символы. Распространённое понятие «грудное молоко, молоко матери» в туркменском языке выражается устойчивым словосочетанием *ak süýt*. Молоко матери в туркменском фольклоре наделяется особым волшебным свойством, способным исцелять раненого и воскрешать убитого. В следующем примере в английском варианте прилагательное *ak* (белый) как компонент словосочетания *ak süýt*, осталось непереведённым. Однако следует заметить, что впоследствии оно компенсировано добавлением синонимичного прилагательного «white» (белый) при описании внешности почтенной матери,

и передано сочетанием «white-haired» (досл. «беловолосая», т. е. седая, мудрая):

Bäri gel, **ak süýdüni** emdiren, yzzatly enem [1: 36].

Приди сюда, моя государыня-матушка, ты, чьё **белое молоко**
я сосал; **седокудрая**, почтенная, душа моя, матушка! [2: 19]

Come closer, my mother, whose **milk** I once drank. **White-haired**,
beloved and honorable mother [3: 18].

Поскольку в статье речь идет о символике цвета, то вкратце остановимся на трактовке цвета в древнем туркменском искусстве — ковроткачестве. Красный цвет интерпретировался туркменами и передавал веру ковровщиц в силу, знаменовал самоотверженность, зелёный был и остаётся символом вечности, молодости; жёлтый — символ золота, Солнца, покоя; синий цвет рассматривается как символ Неба и Воды; коричневый — как символ родной Земли. Эти понятия закреплены и в туркменских народных пословицах: *Aga sary baglama, göge ýaşyl baglama* (досл.: «Не сочетай белый с жёлтым, а синий — с зелёным»). Или: *Gök bilen ýaşyly baglama, güniň ölse aglama* (досл.: «Синий с зелёным не сочетай, о смерти другой жены мужа не причитай»).

Литература:

1. Gorkut ata. Gadymy Türkmen eposy. — А.: Türkmenistan, 1990.
2. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
3. The Book of Dede Korkut. A Turkish epic / Translated into English and edited by Faruk Sümer, Ahmet E. Uysal, Warren S. Walker. — Austin: University of Texas Press, 1972.
4. Гёр-оглы. Туркменский героический эпос. — М.: Наука, 1983.
5. Žeranska-Kominek S., Lebeuf A. The Tale of Crazy Harman. The Musician and the Concept of Music in the Turkmen Epic Tale Harman Däli. — Warsaw: Dialog, 1997.

Е. А. Козуб

К вопросу о становлении источниковедения Османской империи (XV–XVI вв.)

Аннотация: В статье рассматривается история становления источниковедения Османской империи на протяжении XV–XVI вв. Автор отмечает, что развитие османского источниковедения началось достаточно поздно, во времена правления султанов Мурада II и Мехмеда II, и основными дошедшими до нас османскими источниками стали хроники. В Османской империи для написания хроник существовали специальные должности: шахнамеджи и вакаинювис, которые записывали османскую историю в деталях, а также в конце каждого года были обязаны передавать во дворец биографии значимых для Османской империи людей, умерших в этом году. Автор перечисляет основные османские источники XV–XVI вв. и даёт их краткую характеристику. Сделан вывод о том, что наиболее значимыми работами османского источниковедения рассматриваемого периода являются работы таких авторов, как Ашикпашазаде, Нешри, Мустафа Наим, Турсун бей, Идрис-и Битлиси и Ибн Кемаль. Материалы, написанные этими авторами, являются ценными османскими источниками для исследователей. Для понимания событий, происходящих в современной Турции, необходимо знать процессы, происходящие в Османской империи, ее историю, и поэтому изучение османских источников является актуальным.

Ключевые слова: Османская империя, османское источниковедение, историография, османские хроники, вакаинювис, дворцовые календари, Мурад II, Фагих султан Мехмед.

Е. А. Kozub

Formation of Source Studies of the Ottoman Empire (XV–XVI Centuries)

Abstract: The article examines the history of the formation of the source studies of the Ottoman Empire during the XV–XVI centuries. The author highlights that the development of Ottoman source studies began quite late, during the reign of Sultans Murad II and Mehmed II, and chronicles became the main extant Ottoman sources. In the Ottoman Empire, there were special posts for writing chronicles:

shahnameji and vakainyuvis, who wrote down Ottoman history in detail, and at the end of each year were obliged to transmit to the palace the biographies of people significant to the Ottoman Empire who died that year. The author lists the main Ottoman sources of the XV-XVI centuries and gives a brief description of them. The conclusion drawn in this article is that the most significant works of Ottoman source studies of the period under review are the works of such authors as Ashik-pashazade, Neshri, Mustafa Naim, Tursun Bey, Idris-i Bitlisi and Ibn Kemal. The materials written by these authors are valuable Ottoman sources for researchers. To understand the events taking place in modern Turkey, it is necessary to know the processes taking place in the Ottoman Empire, its history, and therefore the study of Ottoman sources is relevant.

Key words: Ottoman Empire, Ottoman source studies, historiography, Ottoman chronicles, vakainyuvislik, palace calendars, Murad II, Mehmed the Conqueror.

Изучение истории Османской империи привлекало и привлекает повышенное внимание исследователей во всём мире. Однако зачастую исследователи не имеют возможности подробно изучить то или иное событие по причине отсутствия качественных источников по исследуемому периоду либо отсутствия переводов первоисточников с османского языка. Основными османскими источниками, дошедшими до нас, стали хроники, которые начали интенсивно развиваться в период с XV по XVIII вв.

Развитие османского источниковедения началось достаточно поздно. К началу XV в. было всего несколько источников, из которых возможно получить информацию об Османской империи. Данные источники были написаны византийскими историками Георгием Пахимером, Никифором Григорой и Иоанном Кантакузеном, а также тремя арабскими путешественниками Ибн Баттутой, Ибн Саидом и Шабуддином аль-Умари [5: 78]. Однако стоит отметить, что информация, которую они дают об Османской империи в своих работах, крайне ограничена.

С момента появления в Османской империи официального государственного историографического учреждения в начале XVIII в., изучение источников стало динамично развиваться, и начался совсем новый период османского источниковедения. Однако стоит отметить, что должность летописца-историографа вакаинювиса (Vak'a-Nüvis) возникла ещё во времена султана Фатиха Мехмеда II.

Османская историография берет свое действительное начало во времена правления султанов Мурада II и Мехмеда II (XV в.), поручивших написание исторических сочинений в качестве средства содействия тре-

бованию Османской династии осуществлять правление над различными народами империи [Menage 1982: 82]. Первым османским источником стала работа Яхши Факиха — менакибнаме — «Описание подвигов дома Османов до Йылдырым-хана», написанная в начале XV в., но не сохранившаяся до наших дней. В данной работе автором была составлена хроника истории османов начиная с Османа I (1299–1326) и заканчивая Баязидом I Йылдырымом (1398–1402). Яхши Факих был сыном Исхака Факиха, имама Орхана, сына Гази Османа (основателя Османской империи) [2: 53]. Создавая свою работу, он описывал то, что видел и слышал сам, а также то, что видел и слышал его отец.

Другими источниками, которые также относятся к этому периоду, стали работы известного османского историка Ашикпашазаде. В 1413 г. он стал гостем в доме Яхши Факиха, когда проезжал через город Гебзе. Там Ашикпашазаде увидел книгу, написанную Яхши Факихом. Информация из этой книги в будущем использовалась им при написании его собственных работ. Так, в «Менакиб-и Али-и Осман» описываются первые годы Османской империи, внешняя и внутренняя политика султанов, а также уклад жизни обычных людей, а в «Теварих-и Али-и Осман» — османская династическая история, которую он начал писать в 83 года в 1476 г. [11: 51]. Ценность его истории велика, потому что он использует утраченный Яхши Факих менакибнаме. При написании этих работ он основывался на том, что осталось в его памяти, поэтому они содержат некоторые фактические ошибки. Однако стоит отметить, что Ашикпашазаде сам участвовал во многих исторических событиях, которые он описал в своих работах, например, в набегах султана Мурада II на Венгрию, во второй Косовской войне, во взятии Стамбула и многих локальных войнах. После смерти Ашикпашазаде в тексты его трудов были внесены поправки, потому что он использовал даты только по хиджре — указывая только год. Кроме того, вероятно, были сделаны дополнения в его работу, так как некоторые описанные события происходили после его смерти.

Самым первым источником светской тематики стала работа османского поэта Таджеддина Ибрахима ибн Хазыра. Он написал в начале XV в. поэму как назире к одноимённой поэме классика персидской поэзии Низами Гянджеви. В тюркской литературе, имевшей в то время исключительно религиозный характер, поэма стала первым произведением светской тематики. Ахмеди переработал сюжет, ввел в поэму на-

учные достижения своего времени, и этим превратил её в своеобразную энциклопедию, первую в Османской империи. В этом произведении, состоящем из более, чем 8 тысяч двустушии, речь идет о философии, теологии, медицине и истории со времен Александра Македонского [2: 58]. Последняя глава произведения является самой ранней из сохранившихся османских хроник.

Одним из источников османской истории являются исторические календари, которые также называли дворцовыми календарями. Они были представлены Хазратом имамом аль-Махди. Эти календари были написаны в стихотворной форме и содержали в себе хронологические списки пророков и халифов со времен Адама, а также самые важные события из истории сельджуков, османов и Караманидов [14: 20]. Кроме того, в этих календарях есть истолкования пророчеств и снов. Большинство этих календарей были созданы во времена правления султана Мурада II и представлены ему. Самый старый из них относится к 1421 г. и написан на персидском языке. Другие относятся к 1431, 1439, 1444 и 1446 г. [14: 22]. Календарь, подаренный Фатиху султану Мехмеду, датируется 1452 г. Хотя в этих календарях содержится краткая информация, иногда упоминаются важные моменты истории, которые сложно отыскать в других источниках. Интересной особенностью календарей было то, что там не указывался год события, но указывалось, за сколько времени оно произошло до того года, когда был подготовлен календарь.

Важным материалом для османского источниковедения стала анонимная работа, написанная во время правления Фатиха султана Мехмеда и законченная в период правления Баязида II в 1487 г., которая получила название «Аноним Теварих-и Аль-и Османы» (Anonim Tevârih-i Âl-i Osmân). Хроника описываемых событий начинается с прибытия Сулейман-шаха в Анатолию. Этот источник относится к числу работ, дающих наиболее подробную информацию о ранних периодах Османской империи [1: 114]. В этих работах есть легенды о строительстве собора Святой Софии, а также политическая история Османской империи.

В конце прошлого века был найден ещё один, как оказалось, важный османский источник, относящийся к периоду правления Мурада II под названием «Газават-и Султан Мурад бин Мехмед Хан» (Gazavât-ı Sultân Murâd bin Mehemed Han). В нем подробно описаны сражения при Излади и Варне, которые произошли во время правления Мурада II [12: 91]. Некоторые страницы данной работы не сохранились до наших

дней. Однако стоит отметить, что этот источник крайне важен для научного мира, ибо многие упомянутые сведения, например, о мирных переговорах в Эдирне, отсутствуют в других источниках того периода. Также в данной работе был обнаружен краткий текст, в котором год за годом описываются события, начиная с периода правления сына Мурада и заканчивая браком Шехзаде Мехмеда с дочерью Дулкадироглу в 1449 г. [12: 93].

Хотя правление Фатиха султана Мехмеда было одним из самых важных периодов в османской истории, историография в эти годы была не сильно развита. К названным ранее источникам стоит добавить работу османского военачальника, бейлербея Румелии Шукруллы бин Шехабедин Ахмеда, которая была написана на персидском языке и получила название «Бехчетю’т-Теварих» (Behçetü’t-tevârih) («Красота истории»). Данную работу автор начинает с описания создания Вселенной, затем рассказывает о различных династиях, а в последней части приводит османскую историю к восхождению Мехмеда Завоевателя на престол [4: 130]. Эта работа является довольно краткой, хотя и содержит в себе описание большого периода. Работа Шукруллы была переведена на турецкий язык в 1530–1531 гг. Мустафой Фариси с некоторыми изменениями и сокращениями.

Еще один источник этого периода принадлежит последнему великому визирию Мехмеда Завоевателя — Караманлы Мехмеду-паше. Его работа носила название «Теварих-и Селатиню-Султание» (Tevârih-i Selâtinü’s-Sultaniye) и представляла из себя краткую историю Османской империи от основания до 1479 г. Вероятно, она являлась немного приукрашенной формой календаря, переведенного на арабский язык [4: 133].

Начиная с конца XV в. происходит постепенный расцвет османской историографии. Важной фигурой, чьи труды послужили основой для исследований многих османистов, станет османский историк конца XV и начала XVI вв. Идрис Бидлиси. Изначально он жил при дворе Сефевидов, однако со временем перешел ко двору Баязида II для того, чтобы избавиться от возмраставшей власти Шаха Измаила. По просьбе султана он, взяв за образец пышный стиль персидских историков, написал труд «Восемь видов рая» (Хешт Бихешт), в восьми главах которого проследил историю правления первых восьми османских султанов, от Османа до Баязида II [4: 139]. Кроме того, он написал целый ряд трактатов на самые разные темы.

Не менее важную роль в развитии османского источниковедения сыграл османский чиновник и историк Турсун бей. Он сыграл одну из ключевых ролей в первой переписи в Стамбуле после его завоевания. Так же он занимал должность главы писарей Дивана. В 1488 г. написал «Историю завоевателей» (Тарих-и абул-Фатх), охватывающую период царствования Мехмеда II и шесть первых лет царствования Баязида II. Заканчивается его работа экспедицией Хадима Али-паши на мамлюков в 1488 г., которых он разгромил [9: 97]. Хотя его работа была написана в период правления Баязида II, она является наиболее важным источником этого периода из-за того, что в ней описываются событиях периода правления Фатиха II. Однако стоит отметить, что эта работа Турсун бея представляет собой книгу с преобладающим восхвалением султанов. Это первая работа такого типа, написанная в Османской империи. В тот период такой тип работ (с нарочитым восхвалением) был характерен для иранской историографии. Даже неудачные осады Белграда в 1456 г. и Родоса в 1480 г. показаны как победы. Как известно, Турсун бей выступал на стороне Джема Султана в борьбе против Баязида II и его брата Джема, за что был арестован, но позднее помилован. Потом он придаст больше значимости Баязиду II [7:163]. Килийский и Аккерманский походы окажутся неудачными, и автор скажет, что даже великий Баязид II не смог взять эти замки. Поскольку задача произведения — похвала, то о событиях дается мало информации.

В 1487–1493 гг. османским историком и достаточно известным представителем ранней османской историографии Мехмедом Нешри была написана работа «Косморама всеобщей истории» или «Cihan-Nümâ». До наших дней сохранились только шестая и заключительная части этой работы. История Нешри не содержит оригинальной информации. Это сборник различных произведений. Его основным источником информации послужила История Ашикпашазаде. Он также использовал исторический календарь и «Аноним Теварих-и Аль-и Османы».

В работе Бихишти Ахмеда Синана Челеби под названием «Tarih-i Bihîştî» описывается история Османской империи от её основания до правления султана Баязида II. Однако начало и конец данного источника до нашего времени не сохранились. Именуемая часть источника содержит в себе информацию, начиная с правления Баязида I и заканчивается убийством великого визиря Караманлы Мехмеда-паши после смерти султана Мехмеда II. Как известно, было восстановлено очень крат-

кое изложение первой части. Есть мнение, что «Мухаребе-и Баязид» и «Шехзаде Джем» были отдельной книгой Бихишти Ахмеда Синана Челеби [3: 7]. В этой работе, помимо борьбы за престол, описываются и другие события правления Баязида II до 1502 г.

Еще одним османским источником, относящимся к периоду правления Баязида II является работа османского историка Рухи из Эдирне, которая была закончена в 1511 г. В ней описываются события, относящиеся к периоду Баязида II, которые невозможно найти ни в одном другом источнике. Так же достаточно подробно описываются события, связанные с землетрясением 1509 г.

25 частей книги Кивами «Фетихнаме-и Султан Мехмед», написанной смешанным стилем — стихами и прозой, относятся к периоду султана Фатиха Мехмеда II, а три части относятся к первым годам правления Баязида II. В работе упоминаются практически все события периода правления султана Фатиха Мехмеда II. Так же рассказывается о восхождении на престол Баязида II, событиях, происходивших в Карамане и завоевании Кили.

Работа Мехмеда бин Хаджи Халила аль-Коневи, написанная на персидском языке под названием «История аль-Осман», упоминает турецких сельджуков и повествует об истории Османской империи до 1484 г. Другая персидская история — это «Хункарнаме» Сайида Мир Али бин Музаффера по прозвищу Меали. В этой работе рассматривается так же период правления султана Фатиха Мехмеда II. Вдохновленный поэмой Фирдоуси «Шахнаме» («Книга царей»), автор предпринял попытки написать свою работу в подобном стиле. Этот источник содержит в себя краткое описание Стамбула, достаточно подробное изложение борьбы с Узун-Хасаном и экспедиции на Балканы. Так же в данном источнике описываются события походов в Молдавию и захват Исфендиярского княжества. Упоминается о смерти Шехзаде Мустафы, а затем об убийстве Махмуда-паши, ответственного за этот инцидент [13: 311]. Работа заканчивается рассказом о египетском после, прибывшем выразить соболезнования в связи со смертью Шехзаде Мустафы. В работе дается обширная информация о Тимуридах, Ак-коюнлу и Кара-коюнлу.

Со времён правления Султана Сулеймана Кануни должность летописца-историографа вакаинювиса (Vak'a-Nüvis) превратилась в постоянную гражданскую службу и просуществовала до начала XVII в. [8: 13]. В конце каждого года летописцы-историографы теперь были обяза-

ны передавать во дворец биографии значимых для Османской империи людей, умерших в этом году. Внимание османов к записи летописцами истории гарантировало, что османская история сохранена в деталях. Поэтому наиболее важная часть сведений об истории Османской империи дошла до наших дней именно благодаря источникам, написанным летописцами. Первым официальным летописцем Диван-и Хумаюн (совещательный орган при султানে) был Мустафа Наима из Алеппо, а последним — Абдурахман Шереф [8: 15].

Поворотным пунктом в османской историографии стала работа османского историка XVI века Ибн Кемалья (Кемаль Паша-заде), который сначала описал историю Османской империи по приказу Баязида II, а затем продолжил работу и превратил свой труд в 10-томную историю с описанием первых десяти султанов. История Ибн Кемалья является одним из самых важных источников в ранней османской историографии. Автор рассматривает историю не как ряд не связанных между собой событий, что наблюдается у предшественников, а как цепь взаимосвязанных событий. При изложении автор размышлял над предыдущими причинами, которые привели к возникновению последующих событий, то есть присутствует причинно-следственная связь. Работа Ибн Кемалья, что важно для исследователей, содержит в себе так же информацию об османской военной кампании, в ходе которой состоялось всем известная битва при Мохаче 1526 г. и до ее завершения. Так же важно отметить, что для описания периода правления каждого султана Ибн Кемаль использовал отдельную тетрадь. Однако вся работа Кемалья Паши-заде, состоящая из десяти тетрадей, сегодня недоступна. Пятая тетрадь, относящаяся к периоду Челеби Мехмеда, утеряна. Шестая тетрадь, описывающая период правления Мурада II, неполна — в сохранившейся версии остались только материалы, охватывающие события между 1443–1451 гг. [6: 143]. Копии девятой тетради, в которой рассказывается о периоде правления султана Селима I Явуза, содержат события от его восшествия на престол до возвращения из Иранского похода. Однако там отсутствует часть о завоевании Восточной Анатолии и египетской кампании.

Османская историография достигла пика развития при правлении султана Сулеймана I. В этот период лидирующие позиции занимали три хрониста. Ходжа Садуддин Эфенди (1536–1599), занимавшийся преподавательской деятельностью в качестве «мудерриса» во времена правле-

ния султана Сулеймана I, достиг творческого расцвета при Мураде III, которому служил учителем, перед его восхождением на престол. Впоследствии Садулдин Эфенди исполнял обязанность шейх-уль-ислама. В «Тадж ут-таварих» («Венец историй») дана детальная информация об османской династии от истоков вплоть до смерти Селима I включительно [13: 150]. В данном источнике автор подробно описывал жизнедеятельность ведущих политиков и ученых в периоды правления каждого султана, кроме того, им была дана оригинальная информация о событиях того времени и непосредственно предшествовавших периодов правления султанов, как считают современные исследователи, из его бесед с пожилыми современниками [Ibid.].

В исторической практике придворный хронист стал называться словом «шахнамеджи» (писатель произведений в жанре «шахнаме» или поэтических историй). Известным османским шахнамеджи являлся Сейид Лукман, выполнявший обязанности придворного историографа почти 27 лет, написавший множество работ до начала XVII в. Еще один официальный шахнамеджи, Талик-заде Мехмед Субхи, написал три шахнаме во время пребывания на своей должности (был отстранен от должности в 1601 г.).

Интересен тот факт, что османское источниковедение, динамично развивавшееся в период правления Сулеймана I, испытывает некоторый застой после смерти Кануни (1566) и до прихода к власти Мехмеда IV (1642–1693). Безусловно, источники, описывающие события в данный интервал времени есть, однако их количество ограничено.

Таким образом, основную часть османского источниковедения на протяжении XV–XVI вв. составляли хроники, которые включали в себя историко-фактологический материал. В настоящее время часть османских источников остается неизученной. Для понимания событий, происходящих в современной Турции, необходимо знать и понимать процессы, происходившие в Османской империи. Турция является одним из ключевых государств в ближневосточном регионе и претендует занимать лидирующую позицию в тюркском мире и на международной арене, а потому постоянно притягивает к себе внимание исследователей во всем мире. По этой причине, изучение турецкой истории, подразумевающее под собой изучение истории Османской империи, является актуальным.

Литература:

1. Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. Раздел I. Средние века (IX–XVIII вв.). — М.: Наука, 1983. — 296 с.
2. Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. — М.: Изд-во Московского университета, 1992. — 245 с.
3. Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография / Предисл. Е. Н. Мещерской. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. — С. 3–14.
4. Гибб Х. А. Р. Мусульманская историография // Гибб Х. А. Р. Арабская литература: классический период / Пер. с англ. — М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. — С. 117–156.
5. Григорьев А. П. Содержание термина «источниковедение» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Межвузовский сборник. — Вып. IX. — 1986. — С. 71–97.
6. Маштакова Е. И. Турецкая литература конца 17 – начала 19 в. К типологии переходного периода. — М.: Наука, 1984. — 205 с.
7. Afyoncu E. Osmanlı Siyasî Tarihinin Ana Kaynakları // Kronikler Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. — Cilt 1. — Sayı 2. — 2003. — S. 101–172.
8. Kütükoğlu B. “Vekayi’nüvis”, Vekayi’nüvis, Makaleler. — İstanbul, 1994. — 104 s..
9. Maksudoğlu M. Osmanlıtarihî 1289–1922 / Prof. Dr. M. Maksudoğlu. — İstanbul: Elif Yayınları, 2003. — 519 s.
10. Menage V. L. The Menâqib of Yakhshi Faqih // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. — 1963. — Sy. XVI. — S. 50–54.
11. Menage V. L. Sultan II. Murad’ın Yıllıkları // Tarih Dergisi. İstanbul, 1982. — Sy. 33. — S. 79–98.
12. Yınanç M. H. “Millî Tarihimize Ait Mühim Bir Vesika” // Türk Tarih-i Encümeni Mecmuası. — İstanbul, 1921. — C. XIV. — Sy. 93. — S. 85–142.
13. Shaw St. J. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey: Volume 1: Empire of the Gazis. The Rise and Decline of the Ottoman Empire 1280–1808. — Cambridge University Press, 1976. — Vol. 1. — 354 p.
14. Turan Os. İstanbul’un Fethinden Önce Yazılmış Tarihî Takvimler. — Ankara, 1984.

Д. И. Колосова

Опыт анализа категории адмиративности в турецком языке

Аннотация: Статья посвящена вопросу выделения в турецком языке категории адмиративности. Значение адмиративности рассматривается в форме прошедшего опосредованного времени с показателем - miş турецкого языка.

Ключевые слова: турецкий язык, категория адмиративности, категория эвиденциальности.

D. I. Kolosova

The analysis of category of mirativity in Turkish language

Abstract: The article is dedicated to the question of functioning of the mirative category in the Turkish language. The author attempts to investigate the meaning of mirativity on the material of the Turkish -miş form.

Key words: the Turkish language, the Gagauz language, voice, passive, causative, inflection, grammar form.

Грамматическая категория адмиративности сигнализирует, что говорящий, не обладая до факта сообщения информацией о содержании высказывания, выражает удивление, т. н. «эпистемическую неожиданность». Впервые данная категория была обнаружена французским исследователем О. Дозоном на материале албанского, турецкого и болгарского языков. Название категории — *admiratif* — восходит к глаголу «восхищаться». Исследование ставит своей целью рассмотреть значение категории адмиративности и затронуть вопрос ее выделения в турецком языке. В то время как для зарубежных исследователей категория адмиративности в турецком и ряде других языков существует самостоятельно, в российской науке она (также именуемая как *миратив*) либо включается в состав категории эвиденциальности, либо ее значение игнорируется вовсе. Тем не менее некоторые исследователи выделяют адмиративность как отдельное явление: Е. К. Скрибник указывает на отдельную категорию адмиративности в монгольских языках, В. М. Алпатов выделяет в японском языке формы, обладающие адмиративным значением [1].

Ввиду того, что категория адмиративности зачастую включается в состав категории эвиденциальности, а с позиции многих ученых значение адмиративности является одним из смыслов эвиденциальности, представляется необходимым рассмотреть категорию эвиденциальности. Категория эвиденциальности указывает на то, что информация была получена говорящим не путем прямого наблюдения, а через сообщение третьего лица либо наблюдаемого результата / последствий действия. Категория эвиденциальности наблюдается во многих языках вне зависимости от их морфологического типа.

Ларс Йохансон классифицирует эвиденциальные системы языков, выделяя два типа: системы, в которых реализуется указание на источник информации, и системы, в которых источник информации не может быть уточнен. Л. Йохансон называет эти два типа систем собственно эвиденциальностью (*evidentiality*) и непрямой засвидетельствованностью (*indirectivity*) соответственно [8: 274].

В турецком языке категория эвиденциальности представлена формой *-miş*, которая способна выступать после временных форм, а также формы долженствования *-malı* [3]. Форма эвиденциальности *-miş* в турецком включает в себе не только эвиденциальность, но и инференциальность — умозаключение говорящего на основе внешних признаков, результатов действия:

Aa, kar yağmış!

Аа снег идти -PST.EVD.3SG

‘О, снег выпал!’.

(Говорящий видит только снег на земле, но не свидетельствовал сам снегопад)/

Ларс Йохансон указывает, что формы эвиденциальности в турецком языке обладают способностью выражать не только значение «заглазости», но и другие смыслы [9].

1) Вовлеченность говорящего.

Форма *-miş* в турецком языке может быть употреблена и в ситуациях, где говорящий лично выступает участником ситуации, визуальным свидетелем события:

[информант]

Prensesimiz gelmiş!

принцесса -POSS.1PL приходить -PST.EVD.3SG

‘Наша принцесса пришла!’.

2) Ирония (оценка говорящим содержания высказывания как нереального)

[отрывок из фильма]

Tüm parayı geri ödeyecekmış, ha

все деньги-ACC назад платить-FUT.3SG-EVD ха

‘[Как будто] он выплатит все деньги, ха!’.

3) Дистанцирование

Временное или локальное дистанцирование говорящим от событий, как правило, вызываемое желанием говорящего снять ответственность за достоверность события:

[информант]

Onlar bir şey için anlaşmışlar, bilğim yok

они что-то для договориться-PST.EVD.3PL информация-POSS.1SG нет

‘Они о чем-то [там] договорились, у меня нет данных’.

4) Адмиратив

Семантика адмиратива рождается из выражения формами эвиденциальности события, которое не было засвидетельствовано лично говорящим, о котором говорящий узнает опосредованно, а следовательно, может быть удивлен этим фактом. Одновременно с этим адмиративность (удивление, внезапное осознание, несоответствие ожиданиям говорящего) не являются обязательным элементом эвиденциальности.

[информант]

Sen hiç denizi görmemişsin!

ты никогда море -ACC видеть -NEG-PST.EVD-2SG

‘Да ты никогда не видел моря!’

Выражение эвиденциальности в турецком языке при этом не является обязательным и может иметь стилистические ограничения. Например, в заголовках газет о сенсационных новостях, разоблачениях и т. д. форма эвиденциальности не используется.

Использование формы эвиденциальности не является облигативным во всех ситуациях, где информация получена говорящим опосредованно без личного засвидетельствования:

Sen çok büyüdün.

ты много расти-PST.2SG

‘Ты сильно вырос’.

Sen çok büyümişün!

ты много расти -PST.EVD.2SG

‘Ты сильно вырос!’.

Mustafa Kemal Atatürk Selanik'te üç katlı pembe

Мустафа Кемаль Ататюрк Салоники -LOC трехэтажный розовый

evde doğdu

дом -LOC родиться -PST.3SG

‘Мустафа Кемаль Ататюрк родился в Салониках в трехэтажном розовом доме’.

В турецком языке не наблюдается обязательного противопоставления ситуаций, выражающегося в двух наклонениях («прямое повествование» и «косвенное повествование» в болгарском языке). Одновременно с этим выражение значения адмиративности является облигативным — невозможно представить ситуацию, где бы носитель языка мог выразить удивление исключительно с помощью лексических средств, не используя форму -miş.

На основе рассмотренных примеров можно сделать предположение о функционировании в турецком языке категории адмиративности, представленной одной формой с показателем -miş.

Стоит отметить, что в болгарском языке возможность выразить эвиденциальность наблюдается не только в изъявительном наклонении, но и в формах повелительного наклонения [5: 99]. В ряде языков употребление показателя эвиденциальности после повелительного наклонения служит для указания сомнения говорящего в целесообразности повеления [4: 100].

В некоторых языках наблюдается единство форм времен и эвиденциальности, например, в языке такельма, также показатель эвиденциальности -k сохраняется во всех залоговых формах.

Mena tara totokwa

Медведь человека убить -PST.3SG (аорист)

Медведь убил человека [4: 101].

Mena yara domkwa-k

Медведь человека убить -PST.3SG-EVD

Формы эвиденциальности в японском языке

В японском языке функционирует развитая категория эвиденциальности, позволяющая говорящему указывать источник получения инфор-

мации: сообщение третьего лица, физическое ощущение (температура, текстура и т. д.), умозаключение на основе внешнего вида («наверное, вкусно», «выглядит вкусно») [1]. Эвиденциальность выражается с помощью отдельных служебных слов — частиц *ё:*, *со:*, *митай*, а также служебного прилагательного *расии* [2: 407].

Как правило, показатель *ё:* указывает на то, что говорящий делает заключение на основании зрительных либо вкусовых наблюдений:

катё:-ва *осокунару* *ё:* *да*
Директор -ТОР опаздывать -PRSEVDCOP.PRS
'Начальник, видимо, опаздывает'.

нандэмо *кибако-о* *сагаситэ* *иру* *со:*
как.будто деревянный.ящик -ACC искать -CNVAUX.PRG-PRSEVD
'Говорят, что будто бы ищут деревянный ящик'.

фу:фу *дэмо* *наса* *со:* *да*
Супруги даже нет -EVDCOP.PRS
'Они, видимо, даже и не супруги'.

Формы эвиденциальности в корейском языке

В корейском языке для выражения категории эвиденциальности служит показатель *-(и)ра*, выступающий после временных форм [7: 270]. Также в корейском языке функционируют такие средства как *-то*, *-та*, *джа*, *ня* [8: 143]. – косвенная речь сокращенная. Показатель *-то* служит для дополнительного указания говорящим того, что информация в содержании высказывания была получена им лично:

кынын *сэнгакпода* *чакхатокуна*
он -NOM мысль -PT добрый -EVD.ADM
'Он более добрый, чем я думала' [8: 143].

паккэй *ника* *оня*
снаружи дождь идти -EVD.INST
'Снаружи идет дождь' [10: 34].

Корейская форма эвиденциальности является сокращенной формы цитационной конструкции (он сказал, что...; мне сказали, что...). Одновременно со значением эвиденциальности форма также выражает адмиративность.

Используемые сокращения:

1 — first person / 1-е лицо

2 — second person / 2-е лицо

3 — third person / 3-е лицо

SG — singular / единственное число

PL — plural / множественное число

ACC — accusative / винительный падеж

DAT — dative / дательный падеж

EVD — evidentiality / эвиденциальность

INS — instrumental / инструментальный падеж

POSS — possessive / категория принадлежности

CVB — converb / деепричастие

PTCP — participle / причастие

NEG — negation / отрицательный статус

PASS — passive / страдательный залог

PST — past / форма прошедшего времени с показателем

PRF — perfect / перфект

IPRF — imperfect indefinite / имперфект

FUT — future / форма будущего времени

PRS.FUT — present future / настоящее-будущее

Литература:

1. Алпатов В. М. Япония: язык и общество. — М., 2003.
2. Алпатов В. М. Теоретическая грамматика японского языка: [В 2-х кн.] Кн. 1. — М., 2008.
3. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб., 2015.
4. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 92–104.
5. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. — М., 1981.
6. Молошная Т. Н. Категория пересказываемости болгарского глагола // Советское славяноведение. — 1989. — № 2.
7. Рудницкая Е. Л. Спорные вопросы корейской грамматики: Теоретические проблемы и методы их решения. — М.: ЛЕНАНД, 2016.
8. Трофименко О. А. Эвиденциальность в корейском языке // Вестник ИГЛУ. — 2009. — № 4 (8).
9. Johanson L., Utas B. Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages. — Berlin, 2000.
10. Sohn Ho-min. The Korean language. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Д. Д. Копанева, С. А. Красуцкий

Следственное дело об оскорблении чести государя, или Обценная тюркская лексика в российских документах XVII века ¹

Аннотация: Статья посвящена эпизоду русско-персидских отношений, описанному в деле 1642.3 фонда 77 РГАДА и связанному с оскорблением русского царя Михаила Фёдоровича и его семьи иранским подданным кормщиком Амир-ханом. По этому случаю было начато расследование, в ходе которого допрашивались многие свидетели. Среди них были и юртовские татары, показания которых содержатся в деле. На основе материалов дела представлен анализ данного эпизода, его детали и подробности, в частности касающиеся сути оскорблений, приведенных в тюркоязычных документах из состава дела, а также проведена попытка анализа языка данных документов.

Ключевые слова: XVII в., Михаил Фёдорович, Персия, источниковедение, тюркские языки.

D. D. Kopaneva, S. A. Krasutsky

Investigative Case on Insults to the Honour of the Sovereign: Obscene Turkic Vocabulary in Russian Documents of the 17th Century

Abstract: The article is dedicated to one episode of Russian-Persian relations, which is described in the case of 1642.3 of the RGADA fund 77. This episode is connected with an insult to the Russian Tsar Mikhail Fedorovich and his family made by Iranian subject a sailing master Amir-Khan. On this occasion, an investigation was launched, during which many witnesses were interrogated. Among them were the Yurt Tatars, whose testimonies are contained in the case. Based on the materials of the case, an analysis of this episode, its details, in particular, details regarding the essence of the insults given in the Turkic-language documents from the case are presented. As well as an attempt to analyze the language of these documents was also made.

Key words: XVII century, Mikhail Fedorovich, Persia, source study, Turkic languages.

¹ Исследование выполнено за счет средств проекта РНФ №18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

История взаимоотношений государственной власти и общества в XVII в. по сей день не теряет своей актуальности. В частности представляет интерес вопрос о законодательной защите чести государя и его семьи. Как известно, «Соборное уложение» 1649 г. предусматривало для покусившихся на них суровые наказания. Понятие «лихих» или «воровских» дел как преступлений против государства мы встречаем еще в Судебнике Ивана III, однако ни Судебник 1497 г., ни созданный в правление Ивана IV Судебник 1551 г. не содержат четко установленной регламентации наказаний за преступление против самого государя [7: 22]. Четкое разграничение подобных деяний имеется в Главе II «Соборного уложения», где уже представлена «относительно полная система государственных преступлений» [Там же]. Вместе с тем некоторые зафиксированные в «Соборном уложении» регламенты, касающиеся защиты чести государя, на практике применялись еще раньше. Это можно проследить на примере одного из дел, связанных с событиями начала 40-х годов XVII в., дошедшего до нас в составе фонда 77 Российского государственного архива древних актов, посвященного отношениям России и Персии.

Русско-персидские отношения в период правления царя Михаила Федоровича Романова и персидских шахов Сефи I и Аббаса II, несмотря на взаимную позицию, основывающуюся на поддержании «братской дружбы и любви», были связаны с рядом непростых дипломатических эпизодов. Одним из них стал, например, случай с посольством умершего в Москве шахского посланника Аджи-бека и вызывающим поведением членов этого посольства на территории Русского государства в 1641 г. [Подробнее см. 4]. Данная ситуация стала причиной отправки Михаилом Федоровичем грамоты к шаху с жалобой на послов, однако, по всей видимости, серьезных последствий для виновных не имела. Однако уже в следующем 1642 г. произошел еще один эпизод, связанный с поведением шахского подданного на территории Гиляна — гилянского кормщика Амир-хана, обвиненного в оскорблении государя и его семьи. На этот раз происшествие вызвало реакцию со стороны царя, потребовавшего для виновного смертной казни. Обстоятельства и детали этого случая являются весьма любопытными, что позволяет остановиться на нем подробнее.

Интересующий нас эпизод в деле 1642.3, ф. 77 РГАДА представляет собой полноценное следственное дело. Помимо документов на русском языке, в деле также содержатся четыре документа на тюрки и один на персидском языке [1: 9–10, 13об, 14об]. Согласно материалам дела,

19 июня 1642 г. из Гиляна на государевой бусе прибыл астраханский сын боярский Богдан Пятин, обратившийся с жалобой на нанятого в Астрахани для путешествия в Гилян кормщика — тезика-гилянца Амир-хана [1: 1]. По словам Пятина, по прибытии в Гилян Амир-хан просил выпустить его на берег, однако Богдан опасался, что тот сбежит, и потребовал от него поручительства, чего кормщик предоставить не смог. По этой причине в спуске на берег ему было отказано, что спровоцировало конфликт, в ходе которого Амир-хан стал оскорблять Пятина, а также говорить «непригожие слова» про Михаила Фёдоровича, царицу Евдокию Лукьяновну и их детей — царевича Алексея Михайловича и царевну, конкретное имя которой (у царя было несколько дочерей) в жалобе не указано. Примечательно, что данные оскорбления, в отличие от оскорблений в адрес Богдана Пятина, произнесенных по-татарски, Амир-хан высказал на «фарсовском» (персидском) языке, которого большая часть присутствующих при конфликте не понимала. О смысле же сказанных слов доложили государевым людям бывшие на бусе юртовские татары — единственные, кто владел персидским языком.

По поводу данного происшествия русской стороной было предпринято расследование, в ходе которого, помимо заявивших о преступлении татар, допрашивались находившиеся в тот момент на бусе астраханские стрельцы и пушкарь, а также тезики-бухарцы. Допрос, основной целью которого было выяснить, действительно ли Амир-хан говорил про царя и его семью «непригожие слова» и какие именно, проводил князь Никита Иванович Одоевский [1: 6]. Сперва были опрошены татары, которые на вопрос о том, что именно было сказано Амир-ханом про царскую семью, отвечали, что повторить такие слова они не смеют [1: 8]. Тем не менее показания были предоставлены ими в письменном виде. Они содержатся в двух тюркских документах (еще два представляют собой так называемые «рукоприкладства»).

В первом документе некий Мухаммед-оглы Утемиш из табуна² Рамазан-оглы Кель-Мухаммед-аги (в русскоязычных документах называемый Утемышко) сообщает, что он на шахском судне прибыл в Гилян, а оттуда должен был направиться в Астрахань [1: 9]. Во втором документе приводятся показания Хасана Мухаммед-оглы Шабана из табуна Аллахкули-аги [1: 10] (в русскоязычных документах Шобанко), который два

² Табун — административно-территориальная единица юртовских татар в XVII–XVIII вв. [9: 392].

года был пленником в стране кызылбашей, т. е. в Иране [1: 10]. Дальнейшие сведения в обоих документах идентичны. Во время стоянки судна произошла стычка между кормщиком Амир-ханом и боярским сыном Богданом Пятиным³. Кормщик попросил отпустить его в баню, чего Богдан ему не позволил, объяснив это тем, что Амир-хан уйдет, останется в Гиляне и не вернется на судно. Из-за чего Амир-хан, разозлившись, сказал: «Я вашего царя (дословно: падишаха) в его рот е***, говоря, сказал, я вашего царя жену(?)⁴ е***, говоря, сказал, я вашего царя дочь е***, говоря, сказал, я вашего царя сына е***, говоря, сказал». На этом оба документа заканчиваются [1: 9–10].

Поскольку известно, что показания были даны юртовскими татарами, логично предположить, что язык документов относится к кыпчакской группе тюркских языков, куда входят и татарский, и язык юртовских татар. Подтверждение этому находим при анализе текста. Так, здесь встречаются: форма родительного падежа *-niŋ*, форма дательного падежа *-ŋa*, указательное местоимение *ol*, форма давнопрошедшего времени *-ypidi*, форма причастия *-ŋan*, характерные для языка юртовских татар [8: 308, 318, 332, 337].

Особое внимание обращает на себя часть, где приведена обценная лексика. Она выражена глаголом с основой *sik-* (совокупляться) [6: 681] в форме желательного наклонения 1-го л. ед. ч. с показателем *-ajun*. Следует отметить, что для языка юртовских татар характерен этот показатель в виде *-ajut*, а *-ajun* встречается в других языках [8: 328]. В. В. Радлов приводит похожий пример из киргизского языка с тем же выражением: *атаңның аузуна sigäin* (в рот е*** твоего отца), где мы видим именно форму *-ajun*. [6: 681] Тем не менее представляется возможным атрибутировать язык документов как язык юртовских татар.

На Л. 13 об. и 14 об. содержатся четыре рукоприкладства, в которых сообщается, что некто «Бахлаван-кули Хафиз приложил руку к словам», сказанным разными людьми, давшими показания по делу. [1: 13 об–14 об]. Вероятно, перечисленным люди были неграмотными, а потому было необходимо, чтобы кто-то за них подтвердил их слова письменно.

Согласно русскоязычной части дела, в ходе расследования также был допрошен сам Амир-хан, который категорически отрицал обвинения в оскорблении государя и его семьи, утверждая, что татары его

³ В тексте указан как «بغدان فتن» (*bağdān feten*).

⁴ Данное слово пока определить не удалось, однако, если исходить из логики и информации в русских документах, допустимо представить такой перевод.

оклеветали [1: 10]. Причиной для навета он назвал недавний конфликт, в ходе которого он татар «заслушивание бил» [1: 11]. Позднее Амир-хан утверждал, что татары вступили в сговор и с Богданом Пятиным, с которым у Амир-хана тоже был конфликт [1: 30]. Для установления истины царскими людьми была устроена очная ставка, где каждая из сторон продолжала настаивать на своей версии [1: 11–12].

Далее были допрошены «порознь» свидетели конфликта — астраханский пушкарь и тезики-бухарцы. Пушкарь сообщил, что слышал, как Амир-хан бранил Богдана Пятину и его жену по-татарски, что он, немного владея этим языком, смог понять. Дальше Амир-хан перешел на персидский, которого пушкарь не знал. О том, что имели место оскорбления в адрес царской семьи, ему стало известно со слов татар [1: 12]. Допрос астраханских стрельцов, список которых приводится в документе, также подробностей оскорбления не дал: подтвердив сам факт конфликта, стрельцы не смогли сказать о содержании брани, так как тоже не знали персидского языка [1: 15].

Тезики-бухарцы допрашивались по отдельности. Их показания различались: некоторые однозначно подтвердили, что Амир-хан всё же произносил те оскорбления, которые в своих показаниях написали татары [1: 13], другие сослались на своё отсутствие во время ссоры, третьи говорили, что об оскорблениях им известно с чужих слов. Судьбу Амир-хана предоставлялось решать царю, а до вынесения им решения он был помещен под надзор. Примечательно, что в это время с просьбой об освобождении Амир-хана к государевым людям обращался Сарухан-Бек — брат персидского посла Аджибека, после смерти последнего выполнявший обязанности посла. После расследования, по итогам которого вина Амир-хана посчиталась подтверждённой, в этом ему было отказано [1: 4].

Позднее царь прислал грамоту, в которой велел отправить Амир-хана в Персию к шаху Аббасу вместе с направлявшимся туда русским посольством [1: 21]. За оскорбление себя и своей семьи Михаил Фёдорович просил у шаха смертной казни для Амир-хана «чтоб на то смотря иным так не воровать» [2: 45]. Поскольку царская грамота с этим распоряжением пришла уже после того, как посольство отбыло в Персию, Амир-хан был помещён в тюрьму, где находился в ожидании следующего посланника.

Дело 1645.1, ф. 77 содержит продолжение данной истории. Согласно содержащимся в нём сведениям, в 1644 г. Амир-хан, очевидно пробывший всё это время в русской тюрьме, был отправлен в Персию с царским посланником Иваном Сорокиным [2: 43]. На бусе Амир-хан был

взят на поруки тезиком Адатом. Во время дороги Амир-хану (очевидно, не без помощи тезика) удалось выкрасть царскую грамоту вместе с наказной памятью и выбросить ее в море. По этой причине по прибытии в Персию Сорокин столкнулся с большими сложностями во взаимодействии с местными властями: без документов те отказывались содействовать ему, в итоге даже не допустив до шаха [2: 50]. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, в «Логожане» (Лахиджан) Амир-хан благополучно сбежал, помощь в сыске русским людям персидская сторона оказывать отказалась [Там же].

Вопрос об Амир-хане поднимался во время посольства 1647 г. С. И. Козловского и дьяка И. Зиновьева [3: 138]. Послы неоднократно и настойчиво интересовались, пойман ли Амир-хан, на что персидская сторона отвечала, что еще не пойман, но его поиски ведутся. Так, по некоторым данным Амир-хана видели в Баку, куда шах обещал послать за ним своих людей [3: 162]. При этом изначально шах обещал самостоятельно казнить Амир-хана, а также наказать всех, кто ему помогал. Позднее же, несмотря на недовольство русской стороны, это обещание изменилось: после поимки Амир-хана надлежало арестовать и прислать в цепях в Москву, где его судьбу предлагалось решить самому Алексею Михайловичу [3: 164].

Остановившаяся на деталях дела, стоит отметить важный аспект. Так, отсутствие в тюркоязычных документах имён царя, царицы и царевича, конкретно упоминаемых в русскоязычной части, позволяет сделать вывод, что они были добавлены русскими людьми при составлении документа. В пользу этого факта говорит и тот момент, что имя царевны ими добавлено не было, так как доподлинно установить, о какой именно дочери государя шла речь, они не могли. Исходя из этого, можно сделать вывод, что со стороны Амир-хана оскорбление, вероятнее всего, носило абстрактный характер, являясь обезличенным эмоциональным выпадом. Тем не менее русской стороной оно воспринималось весьма конкретно. Многократно упоминаемое определение преступления Амир-хана как «воровского» поступка (в XVII в. действия против государства и государя назывались термином «воровство» [5: 217]) позволяет сделать вывод о его восприятии русскими людьми в качестве формы государственного преступления, что объясняет жесткость требуемого приговора.

Таким образом, рассматривая эпизод с оскорблением гилянским кормщиком Амир-ханом царской семьи и последующей реакцией на

это самого царя и его окружения, можно сделать вывод о постепенном формировании системы наказаний за преступления против чести государя и его родных, которые на деле применялись еще до их фиксации в «Соборном уложении» 1649 г. Высказанное в весьма грубой форме, с применением обценной лексики, данное оскорбление, несмотря на свой обезличенный характер в тюркоязычных показаниях свидетелей, в русской документации приобретает вид прямого выпада против царя Михаила Фёдоровича, его жены и детей, что позволяло российским властям требовать для виновного смертной казни.

Источники:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 77. Оп. 1. 1642. Д. 1–3. 62 Л.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 77. Оп. 1. 1645. Д. 1. 489 Л.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 77. Оп. 1. 1645. Д. 1. 589 Л.

Литература:

4. Андреев А. А., Копанева Д. Д. «Невольное» посольство Сарухан-бека в Москве в 1641 г.: причины и обстоятельства // Клио. — 2022. — № 5 (185). — С. 27–33.
5. Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. — Л.: Наука, 1980. — 271 с.
6. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. — Т. IV. — Ч. 1. — СПб., 1911. — 1116 с.
7. Рябченко А. Г., Гиш М. Р. Уголовно-правовое регулирование составов преступлений против государства и ответственности за их совершение в самодержавной России XVII в. // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2012. — №1 (15). — С. 22–26.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. — М.: Наука, 2002. — 767 с.
9. Торопицын И. В. Юртовские татары в орбите внешней и внутренней политики России в XVIII в. // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Ред. кол. С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. — 2013. — 431 с.

Т. О. Кураксина

Образ турецкого интеллигента на примере героя романа «Покой» Ахмеда Хамди Танпынара

Аннотация: Идеи многих турецких писателей XX в., в романах которых мы находим сочетание как традиционных черт классической восточной словесности мусульманского мира, так и канонов европейской словесности, есть не что иное, как отражение облика современной Турции. Так, например, в творчестве одного из крупнейших турецких писателей первой половины XX в. Ахмеда Хамди Танпынара мы можем увидеть целый ряд тем и проблем, волновавших турецких мыслителей того периода. А главного героя, представленного читателю в одном из его произведений, небезосновательно можно назвать представителем турецкой интеллигенции. В этой связи особый интерес представляет анализ и выявление ключевых черт главного героя романа «Покой» Ахмеда Хамди Танпынара..

Ключевые слова: Ахмед Хамди Танпынар, турецкий роман, турецкая проза, модернизм, литературоведение, востоковедение.

Т. О. Kuraxina

The Image of a Turkish Intellectual on the Example of the Hero in the Novel “Peace” by Ahmed Khamdi Tanpynar

Abstract: The ideas of many Turkish writers of the 20th century, in whose novels we can find a combination of both the traditional features of the classical oriental literature of the Muslim world and the canons of European literature as well, are nothing more than a reflection of the image of modern Turkey. For example, in the work of Ahmed Hamdi Tanpınar, who is considered to be one of the largest Turkish writers of the first half of the 20th century, we can see a number of topics and problems that worried Turkish people. And the main character, presented to the reader in one of his works, can reasonably be called a representative of the Turkish intellectual. In this regard, of particular interest is the analysis and identification of the key features of the main character in the novel “Peace” by Ahmed Hamdi Tanpınar.

Key words: Ahmed Hamdi Tanpınar, Turkish novel, Turkish prose, modernism, oriental studies.

Идеи многих турецких писателей XX в., в романах которых мы находим сочетание как традиционных черт классической восточной словесности мусульманского мира, так и канонов европейской словесности, есть не что иное как отражение облика современной Турции. Так, например, в творчестве одного из крупнейших турецких писателей первой половины XX в. Ахмеда Хамди Танпынара мы можем увидеть целый ряд тем и проблем, волновавших турецких мыслителей того периода. А главного героя, представленного читателю в одном из его произведений, небезосновательно можно назвать представителем турецкой интеллигенции. В этой связи особый интерес представляет анализ и выявление ключевых черт главного героя романа «Покой» Ахмеда Хамди Танпынара.

Ахмед Хамди Танпынар (1901–1962) считается одним из крупнейших турецких писателей и поэтов XX в. Например, Орхан Памук называет его «величайшим турецким прозаиком XX века» [3: 233–235]. Однако, несмотря на столь высокую оценку у себя на родине, А. Х. Танпынар мало известен за ее пределами. В России его роман «Покой» был переведен только в 2018 г.

«Покой» (тур. «Zuhur») Ахмеда Хамди Танпынара был написан в начале 1960-х гг. прошлого века. Роман состоит из четырех больших глав, носящих имена основных героев романа: «Ихсан», «Нуран», «Суат» и «Мюмтаз». Но центральным героем произведения все время является именно персонаж по имени Мюмтаз. Примечательно, что образ Мюмтаза несет в себе множество автобиографических черт. Мюмтаз — молодой преподаватель, спокойный и воспитанный молодой человек, классический представитель турецкой интеллигенции, чьи взгляды на жизнь были сформированы после падения Османской империи, уже в новую республиканскую эпоху. За год до описываемых в книге событий герой знакомится со своей новоиспеченной возлюбленной Нуран, девушкой, покорившей сердце юного преподавателя университета. Молодые люди влюбляются друг в друга, проводят все свободные часы вместе, гуляют по Стамбулу, слушают османскую музыку и наслаждаются окружающей их красотой и спокойствием. Любовь героев с первой встречи кажется вполне понятной, поскольку теплые чувства персонажей рождаются исходя из общности их характеров и вкусов. Мюмтаз и Нуран влюблены в музыку, поэзию и природу. Крепкая связь между персонажами формируется на основе восторженного отношения, которое они питают ко

всему прекрасному. Таким образом читатель может сделать вывод, что Мюмтаз и Нуран дополняют друг друга. Тем не менее романтические отношения возлюбленных прерываются в силу ряда непредвиденных для них обстоятельств [1: 53–60].

Однако в образах Мюмтаз и Нуран наблюдается и ряд определенных различий. Именно противопоставление одного персонажа другому помогает читателю в полной мере понять главного героя. Мюмтаз создает впечатление человека, который создан вовсе не для того, чтобы жить и действовать, а для того, чтобы размышлять. Он — углубленный в себя человек, который не привык предпринимать решительные шаги на пути к собственному счастью. Мюмтаз не вступает ни в какую борьбу, чтобы, например, противостоять непредвиденным жизненным обстоятельствам и быть вместе со своей возлюбленной. Тем самым, он придает исключительное значение идее смирения и покорности судьбе. Мюмтаз как герой предстает перед читателем как человек, который давно покинул окружающий его мир и погрузился в мысли о великом прошлом своего государства [1: 63–65]. Подобный литературный пример присущ всей литературе модернизма, в рамках которого и был написан роман Танпынара [2: 223–224]. Мюмтаз отчаянно пытается найти спасение от хаоса «республиканского» настоящего в мечтах о великом османском прошлом. Мюмтаз живет, очарованный в большей степени прошлым, он всячески избегает соприкосновения с нынешней действительностью и своей ответственностью перед ним.

В то же время Танпынар ярко противопоставляет привязанность к прошлому у Мюмтаза и чувство реальности у Нуран, которая привыкла жить настоящим и думать о насущных проблемах и событиях ее текущей жизни. Справедливо и утверждение о том, Танпынар идеализирует Нуран, всегда изображая ее в первую очередь глазами Мюмтаза. И любовь, которую чувствует Мюмтаз к Нуран, можно назвать по своему характеру платонической или даже мистической [1: 63–65].

В общих чертах Мюмтаз постоянно находится в духовном поиске, поиске цельного мировоззрения и того «внутреннего порядка», который и должен привести его к душевному «спокойствию» (*huzur*). Автор «изображает процесс духовного развития Мюмтаза, следуя еще одному методу модернизма — методу «потока сознания» [2: 223–224].

В определенной степени благодаря роману Ахмеда Хамди Танпынара у читателя появляется возможность пристально рассмотреть образ

турецкого интеллигента. Герой Танпынара находится на пути обретения собственного душевного покоя и равновесия, подобное рассуждение справедливо и для всего Турецкой республики, государства, пережившего немалое количество тяжелых и трагических событий. Герой Танпынара создает впечатление человека, который создан не для того, чтобы жить и действовать, а для того, чтобы размышлять. Мюмтаз — герой мыслитель. Подобное поведение и отношение к окружающей действительности было также свойственно и турецкому обществу, многие представители турецкой интеллигенции пытались осмыслить пережитые ими исторические потрясения. В то же время Мюмтаз крайне привязан к великому прошлому своего государства, все его мысли в той или иной степени обращены к Османской империи, что, безусловно, также было свойственно для всей турецкой интеллигенции того периода.

Литература:

1. Пылев А. И. Ахмед Хамди Танпынар и его роман «Спокойствие» (о некоторых стилистических особенностях формы и содержания произведения) // Вестник СПбГУ. — Серия 13. Востоковедение. Африканистика. — 2011. — Вып. 4. — С. 51–65.
2. Сулейманов А. Модернизм // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — М.: Просвещение, 1974. — 509 с.
3. Pamuk O. İstanbul: Hatıralarveşehir. — İstanbul: İletişim, 2007. — 360 s.

Б. Х. Кушхов

**Советская позиция по тувинскому вопросу
в 1920-е годы: переход от неопределенности
к признанию**

B. Kh. Kushkhov

**The Soviet Position on the Tuvan Problem in the Early
1920s: the Transition From Indefinite Stance to Recognition**

Политические будни Тувы конца XIX – начала XX вв. не отличались беззаботностью и уверенностью в «завтрашнем дне». Сначала тувинский народ оказался на «стыке» противоречий двух империй — российской и маньчжурской. Первая реализовывала на её территории свои экономические и торговые интересы, вторая же рассматривала её как свою внутреннюю территорию ещё с 1755 г. [1: 32]. Между падениями двух империй на Туву предъявила претензии и Монголия, высвободившаяся после коллапса Цин. Она аргументировала свои претензии религиозно-культурной общностью двух народов, а также фактом управления Тувой (Урянхаем) улясутайским цзянь-цзюнем из территории Внешней Монголии в годы существования маньчжурского государства [1: 67]. В 1914 г. Россия расширяет свои притязания на Туву, провозглашая свой протекторат над ней [1: 39]. В это же время китайское правительство, низложившее династию Цин, по-прежнему считало Урянхай своим владением.

Не легче пришлось Туве и после революций в России 1917 г. Её территорию занимали и монгольские военные формирования, и китайская армия, и белогвардейские полевые командиры, и РККА [2: 4–6]. С победой красных в Восточной Сибири ситуация не проявилась значительным образом: на Учредительный Хурал 1921 г. не явились часть тувинских (урянхайских) хошунов, а новая власть столкнулась с сопротивлением на местах, а также с конфликтом различных диаспор, проживавших в то время в Туве [2: 7]. Эти факты говорят о том, что, вдобавок

к тотальной неопределённости международно-политического статуса Тувы имела место и полная неопределенность «самосознания» народа республики: одна его часть мечтала о воссоединении с Монголией, вторая — о собственном государстве. Имелась и прослойка населения, считавшая присоединение Тувы к РСФСР единственно возможным вариантом.

Подобная «турбулентность» в те годы была характерна не только для Тувы. В целом международный статус Внешней Монголии не имел принципиальных отличий от тувинского [5: 28]. Китай по-прежнему находился в послереволюционном хаосе и был поделен между рядом местных правительств, зачастую сменявших друг друга. Российские революционеры также были еще далеки до своей окончательной победы в стране.

Именно в таком — сложнейшем в плане динамизма и непредсказуемости, абсолютно анархичном «статус-кво» Советской России, а потом и СССР приходилось выстраивать свою собственную политику в адрес Тувы, которая с самого начала была напрямую связана с её политическим, а возможно даже и национальным будущим. Перед тем, как определить основные причины доминирования той или иной позиции у советского руководства или её перемены, представляется необходимым кратко охарактеризовать сам исторический «срез» этой позиции в 1920-е гг.

В первой половине 1920-х гг. в советской политике в адрес Тувы можно было наблюдать два основных этапа: изначально РСФСР поддерживала стремление к самоопределению народов Тувы [2: 6], вместе с тем, не стремясь признавать республику Танну-Тува [6: 58], впоследствии ограничилась лишь признанием результатов Учредительного Хурала. Неопределенность проявлялась и в позиции РСФСР по возможному включению Тувы в состав Монголии [6: 56], о котором тувинским и советским политическим деятелям многократно напоминало монгольское руководство: советские представители не исключали подобный сценарий, но рекомендовали отсрочить его, ограничившись в ближайшей перспективе взаимным признанием двух стран [6: 54]. К 1924 г., однако, позиция значительно изменяется: СССР идет на официальное признание Тувы и путем политического давления вскоре добивается его и от Монголии [5: 111] — сначала в виде декларации о невмешательстве во внутренние дела Тувы (1924), а потом и в виде двустороннего монгольско-тувинского соглашения о взаимном признании (1926).

На первом этапе стремление сохранить неопределенный статус Тувы объяснялся неопределенностью послереволюционного административно-территориального устройства в России, а также желанием советского руководства проиллюстрировать соседним народам свой отказ от имперской политики на Востоке и своё уважение к принципу национального самоопределения с целью расположить к себе революционные круги этих стран. Также немаловажной причиной поддержания «двойственной позиции» по тувинско-монгольским спорам было сочетание так называемой «Проблемы рычагов влияния» на тувинскую политическую элиту и нежелание окончательно отказываться по-прежнему недостаточно лояльному монгольскому руководству [5: 59]. Проблема «рычагов влияния» заключалась в неизбежной интеграции тувинской революционной партии в МНП, куда менее управляемую и лояльную России на тот момент. Необходимо напомнить о том, что до 1923–1924 гг. политическая элита Монголии представляла собой по большей части широкий народный фронт, который не отличался своей верностью «делу Революции» и старался уделять основное внимание националистической повестке [5: 46]. В этом плане, безусловно, таковым являлось и тувинское руководство, однако оно было куда более зависимым от РСФСР — и в силу ярко выраженного «промонгольского» настроения в стране, и в силу её незначительного демографического потенциала. В случае присоединения Тувы к Монголии навязывать свою политическую волю Туве РСФСР могла бы только через общие структуры Монгольской Народной Партии, что не могло положительно сказаться на способности советского руководства контролировать ситуацию в Урянхае. В это же время, РСФСР не стремилась говорить «нет» и самой Монголии: для защиты своих интересов в стране было необходимо поддерживать с её руководством доверительные отношения, не осложняя их принципиальными спорами.

С 1923 г. к этим факторам присоединился и «Китайский фактор», который в дальнейшем будет иметь все признаки основного в определении советской позиции в адрес Тувы. Он заключался в нежелании СССР осложнять отношения с китайскими революционерами путем конкретизации любого статуса Тувы, а также в такой же неопределённости административно-территориальных перемен в Китае, которые последуют за Революцией, которая отчётливо назревала в нём с самого начала 1920-х гг. и была предметом серьёзных надежд советского руководства [3: 152].

Обобщая анализ первого этапа советской политики в адрес Тувы, можно говорить о том, что Москве было выгодно оставлять статус неопределённым на максимально большой срок. Будущее послереволюционной Монголии в то время находилось под вопросом, а на китайском направлении советской политики представлялось по-прежнему важным поддерживать дружественные отношения и с центральным правительством, и с Гоминьданом. Ситуация в Китае была слишком непредсказуемой, и отчётливые действия Москвы в адрес Тувы могли бы вызвать протест у обеих сторон.

Перемены в отношении СССР к тувинскому вопросу наступают в 1924 г. Советский Союз начинает требовать от Монголии отказа от планов инкорпорации Тувы по двум причинам: во-первых, монгольское руководство пополнилось лояльными СССР политиками и уже в большей степени было зависимо от Москвы [5: 59], а во-вторых после подписания Советско-китайского договора 1924 г. [3: 84], в котором СССР признавал статус Монголии в качестве автономии Китая, передача Тувы Монголии означала бы признание подобного статуса и за Тувой. Из-за этого СССР стремился выносить статус Тувы за рамки переговоров с Китаем по «Монгольскому вопросу» [4: 212]. Попытка инкорпорации Тувы Советским Союзом также не проводилась из-за нежелания обострять отношения с Китаем как наиболее потенциальным очагом Революции. В результате, в 1924 г. позиция СССР по вопросу о включении Тувы в состав Монголии становится куда более принципиальной. Вместе с этим, СССР постепенно предпринимает шаги к окончательному признанию Тувы суверенным государством. Это решение, вероятно, было вызвано подготовкой Гоминьдана и КПК в Китае к так называемому «Северному походу», в ходе которого предполагалось низложить центральное правительство и различные «клики», тем самым осуществив народную революцию в стране. В СССР предполагали, что Тува в таком случае станет или буферным государством между послереволюционным Китаем и СССР [4: 431], или же войдёт на равноправной основе в «Китайскую федерацию», которая возникнет на его территории. Действительно, послереволюционное устройство условно говоря «постманьчжурского пространства» ещё далеко было от определения: с одной стороны, китайские революционеры говорили о преемственности республиканского Китая империи Цин, однако, с другой стороны, продолжали рассматривать различные варианты реализации этой пре-

емственности, часть из которых предполагала создание федерации или даже конфедерации, в которую вошли бы разные народы бывшей империи.

Таким образом, на втором этапе произошла конкретизация советской позиции по будущему Тувы, которая была напрямую вызвана относительным прояснением международной ситуации в регионе: В Китае улучшилось положение революционного правительства, а в Монголии уже отчётливо вырисовывалось просоветское социалистическое «лобби». Так как в те годы приоритет в азиатской политике СССР отдавался поддержке революции в Китае, в данной ситуации было принято решение оказать давление на Монголию с целью признания ею суверенитета Тувы, который, в отличие от сценария с её инкорпорацией в состав СССР куда меньше осложнял бы отношения с Китаем.

Некоторые выводы можно сделать и касательно более позднего периода советско-тувинских отношений. В частности, провал советских планов в Китае и переворот Чан Кайши 1927 г. всё равно не привел к передаче Тувы Монголии или к её инкорпорации в состав СССР. Следовательно, даже после разрыва отношений с Китаем китайский фактор оставался определяющим в советской политике в адрес Тувы: СССР по-прежнему не хотел распространять на Туву "монгольский вопрос", а также не стремился создавать новый конфликт с Китаем посредством включения Тувы в состав СССР, сделав это только в 1944 г. при совершенно иных обстоятельствах [4: 371]. Это говорит о том, что даже в годы полного разрыва отношений с правительством Чана СССР по-прежнему не исключал сценария с восстановлением советско-китайского партнёрства, при котором «суверенный» статус Тувы был бы куда меньшим препятствием российско-китайской дружбе, нежели её пребывание в составе СССР или МНР.

Таким образом, основной движущей силой, побудившей СССР конкретизировать свою позицию по Туве и закрепить её самостоятельность от Монголии, было относительное прояснение региональной политической ситуации. Недопущение включения Тувы в состав Монголии стало возможным посредством прямого политического давления на монгольское руководство: в это же время надежды на советско-китайскую дружбу заставили отказаться и от включения Тувы в состав СССР. Подобные обстоятельства побудили Москву принять решение о признании Тувы в качестве суверенного государства.

Литература:

1. Василенко В. А. Проблема Урянхайского края в политике России, Китая, Монголии: вторая половина XIX в. – 1914 г.: Диссертация по ВАК РФ 07.00.03. — 2006. — 308 стр.
2. Кузьмин С. Л. Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. // Вестник КИГИ РАН. — 2018. — № 3. — С. 3–12.
3. Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. // М.: ИДВ РАН, 2003.
4. Моллеров Н. И. Советско-тувинские отношения: 1917–1944 гг. / Диссертация по ВАК РФ 07.00.02. — 2005. — 465 стр.
5. Рошин С. К. Политическая история Монголии. — М.: ИВ РАН, 1999.
6. Саая С. В. Внешнеполитическая позиция Советской России в вопросе о международном статусе ТНР в первой половине 1920-х годов // Вестник ТГУ. Социальные и гуманитарные науки. — 2009. — № 1. — С. 54–61.

Э. Е. Лебедев

Об образовании и семантике некоторых составных аффиксальных форм глагола в чувашском языке

Аннотация: В статье рассматриваются словоизменительные составные аффиксы глагольных форм в чувашском языке. Для определения подобных аффиксов автор предлагает три основных критерия, заключающиеся в том, что части аффиксов должны, во-первых, выделяться на современном этапе развития языка в качестве отдельных «простых» аффиксов, каждый со своим значением, во-вторых, значение составного аффикса не должно представлять собой просто сумму значений входящих в него аффиксов, и, в третьих, в результате сложения должна образоваться единая форма с одним значением. Если строго следовать этим критериям, то количество составных аффиксов глагола в чувашском языке будет не таким уж большим. В статье установлено семь типов образования подобных аффиксов, которые передают модальные, временные, аспектуальные и таксисные значения.

Ключевые слова: составные аффиксы, категории глагола, субстантивно-адъективные формы, прошедшее время глагола, деепричастие, инфинитив.

E. Y. Lebedev

About Formation and Semantics of Some Compound Affix Forms of the Verb in the Chuvash Language

Abstract: The article deals with inflectional compound affixes of verbal forms in the Chuvash language. For determining such affixes the author proposes three main criteria, the essence whereof is that firstly the affix parts should be distinguished at the present-day stage of language development as separate “simple” affixes, each having its own meaning, secondly the meaning of a compound affix is not should be simply the sum of the meanings of its affixes and thirdly as a result of addition a single form with one meanings should be formed. If you follow strictly these criteria, the number of the compound verbal affixes in the Chuvash language will not be so large. The article describes seven types of formation of such affixes expressing modal, temporal, aspectual and taxis meanings.

Key words: compound affixes, categories of the verb, substantive-adjective forms, past tense of the verb, gerund, infinitive.

В системе словоизменяемых форм глагола чувашского языка имеется некоторое количество составных аффиксов. Формы, образуемые этими аффиксами, создаются по определенным схемам и относятся к разным категориям глагола. В нашей статье мы рассматриваем некоторые из этих форм с целью установления их внутренней структуры, функционально-семантического содержания, а также с целью их классификации.

Термин *сложный* или *составной аффикс* (а также и другие подобные термины) в русистике используют в отношении, прежде всего, деривационных форм [6: 29; 12: 33; 3: 194; 11: 668–670]. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой термин «сложный суффикс» обозначен как «состоящий из двух или более морфем» [2: 430]. Мы в нашей работе используем термин *составной аффикс* и обозначаем им словоизменяемые формы глагола.

Для того чтобы определить ряд составных аффиксов глагола в чувашском языке, необходимо прежде установить критерии, по которым они могут быть выделены. На наш взгляд, к таким критериям относятся следующие: 1) способность разделения этих аффиксов на составные части (исходные аффиксы), каждая из которых обладает своим значением; 2) значение составного аффикса не является суммой значений его частей; 3) в результате сложения исходных аффиксов образуется единая форма, передающая одно значение. Эти критерии наиболее полно определяют сущность составных аффиксов, и если строго им следовать, то круг подобных форм, выделяемых в чувашском языке, будет не таким уж большим. В частности, в него не войдет аффикс деепричастия *-нйранна/-нёрenne*, так как его значение представляет собой сумму значений его составляющих. При этом со второй частью этого аффикса *-ранна/-renne* также не все так просто. Традиционно в работах по чувашской грамматике он определяется как сочетание аффиксов двух падежей – исходного и совместного (*-ран + -на/-ren + ne*) [9: 265]. Но уже сама подобная трактовка образования (два падежа подряд!) этого, якобы составного аффикса, должна вызывать подозрение. На самом деле, *-на/-ne* представляет собой остаток древнего послелoga со значением «с тех пор как» (аналог турецкого *beri*), который управлял исходным падежом [8: 111; 13: 734]. Но в современном чувашском языке такого послелoga нет, как нет и образовавшегося от него и активно функционирующего простого аффикса с этим же значением, поэтому с точки зрения синхронии мы не можем и аффикс *-ранна/-renne* считать составным.

В результате тщательного отбора нами были выявлены следующие типы составных аффиксов в области словоизменения глагола в чувашском языке:

1) Тип *субстантивно-адъективная форма + падеж*.

К этому типу относится форма, образованная в результате сочетания субстантивно-адъективной формы будущего времени с показателем *-ас/-есс* падежным аффиксом на *-шӑн/-шӗн*, передающая модальное значение желания: *-асшӑн/-ессшӗн*. Так как в результате подобной комбинации аффиксов возникает совершенно новое значение, не выводимое из суммы значений ее компонентов, мы вправе считать ее формой желательного наклонения: *Мӗн кӑтартасшӑн-ха вӑлмана?* «Что же он **хочет** мне **показать?**» (Артемьев); *Апла эсир корреспондент пулӗ? Пӑрахут капитанӗнчен интервью илесшӗн ӗнтӗ...* «Так, вы, возможно, корреспондент? Хотите взять интервью у капитана парохода...» (Ефимов).

Мы не включили в этот тип многочисленные формы, образованные сочетаниями аффиксов субстантивно-адъективных форм с показателями *-ӑн/-ӗн* и *-ас/-ес* с падежными аффиксами (*-ӑран/-ӗрен*, *-ӑшӑн/-ӗшӗн*, *-ӑнӑн/-ӗнӗн*, *-асран/-есрен*, *-аспа/-еспе*), или с аффиксом со значением образа действия (*-асла/-есле*), так как во всех этих случаях каждый из аффиксов передает свое значение, и в результате не образуется какого-либо нового значения всей формы. В случае с многозначными аффиксами падежей в этих сочетаний, как правило, выбирается одно из значений (значение причины формы исходного падежа на *-ран/-рен* [10: 95], временное значение формы совместного падежа на *-па/-пе* [1: 104] и др.).

Также сюда мы не включаем формы, возникшие в результате сочетания аффиксов выделения с показателем *-и*, присоединяемых к субстантивно-адъективным формам будущего и прошедшего времени на *-ас/-ес* и *-ӑн/-ӗн*, с падежными аффиксами (*-нинче*, *-нине*, *-нинчен*, *-ассинче*, *-ассинче*, *-ассинчен* и др.). Причиной этому является то, что, так называемая, форма выделения на *-и* по сути является субстантиватором, выступающим в качестве средства «вторичного гипостазирования» [4: 153–176; 7: 138–140]. Словоформа, которая возникла в результате присоединения аффикса *-и* к форме на *-ас/-ес* и *-ӑн/-ӗн*, выступает в функции субстантива и способна, в связи с этим, присоединять аффиксы падежей. При этом получившиеся сочетания представляют собой не составные аффиксы, а цепочку отдельных аффиксов.

2) Тип *составное (сложное) деепричастие*.

К составным аффиксам деепричастий, мы относим только аффикс *-массерен/-мессерен*, так как только он, по нашему мнению отвечает всем тем критериям, которые указаны нами выше: *Зина пуринчен малтан йна ташлама йыхърни, тёл пулмассерен йишиян каласма хятланни* Федя чёрине шаняс кёртнёччё (То, что Зина сначала его пригласила на танец, и **при каждой встрече** ласково с ним разговаривала, зажгло надежду в сердце Феди) (Мранька); *Хай въл чухън, таса чунлâ этем, унън виçмессеренех е тонни-тоннипе ытлашиши тырâ тухатчё, е тонни-тоннипе ситместчё* (Сам он бедный человек с чистой душой, **каждый раз, когда взвешивали** собранное им зерно, выходило, то на несколько тонн больше, то несколько тонн не хватало (до нормы)) (Емельянов).

При сочетании аффиксов инфинитива с показателем *-ма/-ме* и аффикса *-серен*, на наш взгляд образуется общее значение, которое не выводится из суммы значений исходных аффиксов, что послужило поводом включения нами образованного аффикса в разряд составных.

Другие деепричастия «вторичного образования» [9: 257–269] либо представляют собой формы, значения которых выводятся из суммы значений их составляющих (*-нъранпа/-нёренпе*) и в связи с этим, вряд ли могут считаться деепричастиями в полном смысле этого слова, либо в синхронии уже не разделяются на составные части (*-иччен, -нâсем/нёсем, -уçан/-ўçён*).

3) Тип *составная (сложная) форма времени*.

Данный тип образования составных аффиксов представляет собой несколько другую модель. Здесь наблюдаются сочетания форм со значением времени и деепричастия: *-аттâ/-еттё, -атчё/-етчё, -саттâ/-сеттё, -сатчё/-сетчё* или сочетания субстантивно-адъективной формы с аффиксом *-ччё*: *-нâччё/-нёччё* и др. В этом случае также поводом считать эти аффиксы составными стал тот факт, что значение образованного аффикса содержит в себе несколько отличное семантическое содержание по сравнению со значениями исходных аффиксов. Эта группа составных аффиксов наиболее многочисленная.

а) Форма со значением длительного или постоянного действия в прошлом с показателем *-аттâ/-еттё, -атчё/-етчё* образуется при сочетании аффикса *-ат/-ет*, передающего значение настоящего времени, с аффиксом *-тâ/-тё, -чё* со значением прошедшего категорического времени: *Энё тёлёр екалlex Тамаръна курсаттâм, саванпа вâранас*

килместчӗ (Во сне я снова увидел Тамару, поэтому мне **не хотелось просыпаться**) (Артемьев); *Акӑ тата, ӑна анчах кӗтсе лараттӑмӑр-ха* (Вот так, только его мы **сидели и ждали**) (Емельянов).

б) Форма со значением давнопрошедшего времени (плюсquamперфект I) с показателем *-саттӑ/-сеттӗ, -сатчӗ/-сетчӗ*, образованная при сочетании аффикса деепричастия *-са/-се* с аффиксом прошедшего категорического времени на *-тӑ/-тӗ, -чӗ*: *Суркуннечен пураса лартас тесеттӗм* (До весны я **хотел** поставить сруб) (Гордеев); *Виктор Николайч сак пӑшала хуӑине тавӑрса пама хуирӗ. Савӑнна ыйтсаттӑм* (Виктор Николаевич велел вернуть это ружье хозяйну. Поэтому я **спросил**) (Кибек).

в) Форма со значением давнопрошедшего времени (плюсquamперфект II) с показателем *-ӗччӗ/-ӗччӗ*, образованная путем сочетания субстантивно-адъективной формы на *-ӗ/-ӗ* с аффиксом *-ччӗ*: *Кӗсех утӑ сулма тухмалла, савӑнна анне манна сава туптама хушинӗччӗ* (Скоро надо идти косить траву, поэтому мама **велела** мне отбить косу) (Артемьев); *Казанбаев Ульккана пуӑ тӗпинчен пусласа уринчи кӗлесӗр сӑмӑл пушмакӗ таранах куӑӗне тӗпчеме ӗлкӗрӗччӗ* (Казанбаев **успел** изучить взглядом Ольгу с головы до легких туфель без каблучков на ногах) (Вутлан).

Во всех указанных случаях получившийся составной аффикс передает значение, не являющееся простой суммой значений исходных аффиксов.

4) Тип инфинитив + словообразовательный аффикс.

Форма *-малӑх/-мелӑх* образована при помощи сочетания аффикса инфинитива на *-ма/-ме* с деривационным аффиксом *-лӑх/-лӑх*. В грамматиках чувашского языка эта форма обозначается как «причастие достаточности», и ее значением, по мнению ученых, является указание на «то, что известного предмета достаточно для совершения какого-нибудь действия» [5: 229]: *Авӑ вӑрӑмланныӑ чӗрне айӗнче сарӑк акмалӑх тӑпра пустарӑннӑ...* (Вон, под длинными ногтями забила земля, **которой хватит, чтобы посеять** репу) (Ильбек); *Хӗйне алла илмелӑх вӑхӑт иртнӗччӗ сав ӗнтӗ* (Время, **достаточное чтобы** взять себя в руки, уже прошло) (Афанасьев).

5) Тип форма будущего времени + форма настоящего времени.

При помощи составных аффиксов могут образовываться и формы косвенных наклонений. В частности, форма сослагательного накло-

нения с показателем *-ăttă/-ĕttĕ*, *-ăččĕ/-ĕččĕ* образуется путем соединения форм будущего и прошедшего времен *-ă/-ĕ* и *-tă/-tĕ/-ččĕ*. Собственно, подобное образование формы со значением сослагательности характерно для тюркских языков в целом, ср. в турецком языке: *-acaktı/-ecekti*. По всей видимости, именно в этом значении происходит объединение семантики будущего и прошедшего времен: *Эпĕ малашне шăпăртта лăпкăн, кĕрешиусĕр пурăнма пултăрттăм-и?* (Мог бы я дальше жить тихо и спокойно, без борьбы?) (Збанацкий); *Эпĕ ăна сунар хушăлăх çывăхне те ямăттăм* (Я бы его и близко не подпускал к охотничьему хозяйству) (Кибек).

6) Тип *субстантивно-адъективная форма + форма прошедшего времени*.

Отдельный тип составляет сочетание субстантивно-адъективной формы со значением будущего времени с аффиксом прошедшего времени на *-чĕ*. Значение, возникшее в результате соединения этих аффиксов, содержит в себе совершенно новую семантику. Мы характеризуем получившийся составной аффикс, как форму желательного наклонения с показателем *-асчĕ/-есчĕ*:

Пĕлесчĕ, тĕрĕссине мĕн шутлатъ-ши çав çын ман турки? (Знать бы, что на самом деле думает обо мне этот человек?) (Игнатъев); *Эх, савнă Раçсейĕм! Асран кайми Одесса!.. Хăсан таврăнăп-ши эп унта? Асаттесен тăприсене курасчĕ!* (Эх, любимая Россия! Незабываемая Одесса! Когда я вернусь туда? Увидеть бы могилы дедов!) (Вутлан).

7) Тип *причастие настоящего времени + форма прошедшего времени*.

Одним из самых интересных форм, на наш взгляд, является сочетание аффикса причастия настоящего времени *-акан/-екен* с аффиксом прошедшего времени *-чĕ*. Составной аффикс, получившийся в результате этого сочетания, представляет собой форму со значением постоянного действия в прошлом *-аканчĕ/-екенчĕ*. По всей видимости, семантику постоянства здесь определяет значение настоящего времени, которое передается при помощи аффикса *-акан/-екен*: *Пирĕн пата лайăх çынсем кăна килекенчĕ* (К нам всегда приходили только хорошие люди) (Илпек); *Шихранов кун пекех ир килнине хуралçă астумасчĕ-ха, мĕншĕн тесен вăл чи первай бригадăсене тухса каяканчĕ, ял çыннисем ĕсе тухнине тĕрĕслетчĕ* (Сторож раньше не помнил, чтобы Шихранов приходил так рано, потому что он в первую

очередь **всегда выходил** к бригадам и проверял выход колхозников на работу) (Ухли).

Таким образом, в чувашском языке существует несколько типов образования составных аффиксов, присоединяемых к основе глагола: при помощи аффиксов различных субстантивно-адъективных форм, падежного аффикса *-ийн/-иён*, аффикса инфинитива с показателем *-ма/-ме*, путем сочетаний аффиксов со значением времени, аффикса причастия настоящего времени с показателем *-акан/-екен*, деривационного аффикса *-лăх/-лĕх*, аффикса деепричастия *-сал/-се*, при участии аффикса *-чĕ* и аффикса *-серен*. Получившиеся посредством составных аффиксов формы передают модальные, временные, аспектуальные и таксисные значения.

Литература:

1. Андреев В. А. Очерки по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения имени существительного. — Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2000. — 168 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.
3. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — С. 166–220.
4. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. — 320 с.
5. Егоров В. Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. — С. 151–239.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
7. Лебедев Э. Е. Формы выделения в чувашском языке как средство вторичного гипостазирования // Материалы X Международной научно-практической конференции «Ашмаринские чтения». — Чебоксары, 2016. — С. 138–140.
8. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. — М.: Наука, 1976. — 207 с.
9. Павлов И. П. Деепричастие // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. — С. 240–272.

10. Павлов И. П. Современный чувашский язык. Т. 2. Морфология. — Чебоксары: ЧГИГН, 2017. — 448 с.
11. Паццокова О. А. О содержании термина «сложный аффикс» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 668–670.
12. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: Изд-во МГУ, 1968. — 311 с.
13. Benzing J. Das Tschuwaschische // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. — Т. 1. — Wiesbaden, 1959. — S. 695–751.

И. Р. Лученков

Проблематика водной безопасности в рамках суверенного курса Турецкой Республики (1923–2021)

Аннотация: Данное исследование рассматривает проблематику обеспечения водной безопасности Турции в контексте двух основных кейсов: трёхсторонних турецко-сирийско-иракских отношений и проблемы перераспределения стока рек Тигр и Евфрат в контексте осуществления основных гидротехнических проектов в районе Юго-Восточной Анатолии и двусторонних турецко-греческих отношений в парадигме разграничения бассейна Эгейского моря.

Ключевые слова: Турция, Ирак, Сирия, Греция, Тигр и Евфрат, Эгейское море.

I. R. Luchenkov

Water Security Issues as Part of Turkey's Sovereign Policy (1923–2021)

Abstract: The present study looks at water safety issues in Turkey in the context of two main cases. The first concerns the relations between Turkey, Syria and Iraq on the redistribution of the flows of the Tigris and the Euphrates during the implementation of large hydrotechnical projects in Southeast Anatolia. The second concerns the relations between Turkey and Greece in the Aegean marine space demarcation paradigm.

Key words: Turkey, Iraq, Syria, Greece, Tigris and Euphrates, Aegean Sea.

Из всех стран восточно-средиземноморского бассейна Турция имеет самые крупные запасы пресной воды, однако из-за стремительного роста населения за последние десятилетия страна обладает сравнительно невысокой доступностью пресной воды на душу населения: всего лишь 1500 куб. м; ожидается, что это число сократится до 1000 куб. м к 2050 г. На сегодняшний день около 74% от совокупного объема задействованных водных ресурсов используется для сельскохозяйственного

орошения, а остальные 15% и 11% используются для хозяйственно-питьевого и промышленного водоснабжения соответственно [8].

На заре становления Турецкой Республики одной из важнейших государственных задач, связанных с обеспечением внутренней водной безопасности, стало возлагаемое на Министерство здравоохранения и социальной помощи противодействие распространению холеры и малярии, причиной которой в большинстве случаев было низкое качество воды как в городах, так и в сельской местности. В этот период турецким правительством был принят ряд законов, связанных с противодействием эпидемиям, эксплуатацией водных и земельных ресурсов, осушением болот и обеспечением населения чистой пресной водой: № 442 «О деревьях» (1924), №831 «О водах» (1926), №1580 «О муниципалитетах» (1930) [12: 25–30].

В дальнейшем стратегической задачей стало обеспечение энергетической независимости и продовольственной безопасности страны. Подобные задачи стали основной курса государственного планирования в 1920–1950 гг. Для их осуществления были созданы Министерство общественных работ (1920) и Управление по обследованию и освоению электроэнергетических ресурсов (1935). Также стоит отметить, что наиболее ранние геологические исследования в районе реализации проекта развития Южной Анатолии также относятся к 1930-м гг.

Выработке общей стратегии использования региональных пресноводных ресурсов с южными соседями Турции препятствовали территориальные споры, основная проблематика которых вытекала из положений Лозаннского мирного договора 1923 г.: если вопрос бывшего Мосульского вилайета урегулирован, то ситуация касательно Александреттского санджака изначально выводила из переговорного процесса Сирию. В марте 1946 г. Турция и Ирак заключают договор о дружбе и добрососедстве [13], который включал в себя протокол, касающийся регулирования использования вод рек Тигр и Евфрат и их притоков, основными положениями являлись:

1. Обе стороны ведут совместную борьбу с паводками и работу по восстановлению ущерба, полученного во время половодья на Тигре и Евфрате и их притоках;

2. Турция не препятствует посещению иракскими специалистами любых участков, на которых ведется работа по реализации гидротехнических проектов на Тигре и Евфрате;

3. Турция обязуется предоставить Ираку карты и подробную информацию о проектах, которые она намеревается реализовывать на Тигре и Евфрате в будущем.

В 1950–1980 гг. ещё большее внимание уделялось социально-экономическому развитию плодородных земель Юго-Восточной Анатолии, составляющих пятую часть сельскохозяйственных угодий Турции, орошение которых осуществлялось за счет использования водного потенциала рек Тигр и Евфрат. В 1954 г. на основании закона № 6200 в качестве подразделения Министерства сельского и лесного хозяйства было создано Главное управление водного хозяйства в качестве основного государственного органа, ответственного за строительство и эксплуатацию гидротехнической инфраструктуры [4].

В этот период Турция в качестве члена НАТО активно пользуется технической и финансовой поддержкой со стороны США в рамках программ развития национальных ирригационных и дренажных систем. В этой связи был реализован проект «Нижний Евфрат» по строительству ряда плотин на Евфрате для увеличения выработки гидроэлектроэнергии и расширения ирригационных систем, что в свою очередь стало очередным фактором нестабильности на Ближнем Востоке.

Ситуация кризиса водной безопасности в Восточном Средиземноморье связана на структурном уровне не только с арабо-израильским конфликтом вокруг реки Иордан, но и с проблемой трёхсторонних турецко-сирийско-иракских отношений. Турция в рамках своей суверенной стратегии зачастую применяет обсуждение проблематики перераспределения водных ресурсов как метод принуждения в виду того, что приблизительно 46% и 90% стока Тигра и Евфрата берут начало в Турции [8]. Так, например, она потребовала в 1987 г. от Сирии полностью отказаться от поддержки Рабочей партии Курдистана в обмен на увеличение квоты на использование вод реки Евфрат, что в свою очередь предшествовало заключению Аданского соглашения в 1998 г. [6]

Масштабный водный конфликт между Турцией, Сирией и Ираком начался в связи с ускорением темпов роста населения в 1960–1970-х гг., в результате которого страны стали в одностороннем порядке разрабатывать национальные гидротехнические инфраструктуры, крупнейшими из которых являлись иракский проект наливочного водохранилища на озере Таргар, сирийский проект по мелиорации долины Евфрата и турецкий проект развития Юго-Восточной Анатолии [14: 58–59].

Вместе с этим Сирия и Ирак решительно осуждали планы турецкого руководства по строительству любых гидротехнических сооружений на Тигре и Евфрате, негативно высказываясь о строительстве плотин Кебан и Каракая. Тем не менее, в 1972 г. Ирак подписал с Турцией протокол об экономическом и техническом сотрудничестве, в котором последняя обязалась информировать своих соседей о программе заполнения водохранилища Кебан [12: 60–64]. Дабы избежать возможных военных конфликтов, связанных с вопросом перераспределения пресноводных ресурсов, на своих южных рубежах накануне начала строительства гидроэлектростанции Атагюрк в 1980 г. Турция договаривается с Ираком о создании Совместного технического комитета, а уже в 1983 г. к формату этих переговоров присоединяется Сирия [6].

С начала 1990-х гг. по сегодняшний день в контексте экономической либерализации и расширения европейской интеграции наблюдается постепенный рост частной инициативы, направленной на развитие гидротехнической отрасли при активном финансировании западноевропейских и североамериканских инвесторов. В декабре 1999 г. Турция становится кандидатом на членство в Европейском Союзе, что в том числе наметило постепенную гармонизацию турецкого водного и экологического законодательства с общеевропейским. В частности, Турция обязана соблюдать Водную рамочную директиву — основополагающий акт, принятый Европейским парламентом и Советом Европейского Союза 23 октября 2000 г., направленный на стандартизацию использования водных ресурсов и обеспечение экологической безопасности государствами-членами ЕС [1]. Одним из важнейших требований директивы является *«управление речными бассейнами»* посредством определения *«районов речных бассейнов»* и назначения *«компетентных органов»*, однако до сих пор в Турции не существует соответствующего органа, наделенного полномочиями по управлению водными ресурсами [12: 99].

Строительство Плотины Атагюрк, самой большой из 22 плотин проекта развития Юго-Восточной Анатолии, было завершено в 1992 г. Ее гидроэлектростанция общей мощности 2400 МВт вырабатывает почти 10% электроэнергии Турции [11: 68]. Большая часть воды из созданного водохранилища, направляется через два туннеля на орошение сельскохозяйственных угодий. Сразу же после окончания работ возникла проблема заиливания собираемых вод из-за того, что почва окрестных гор все больше и больше размывалась и сползала в водохранилище. В 1998 г.

турецкое правительство приняло решение о проведении масштабной кампании по проведению лесоустроительных работ на склонах вокруг водохранилища Ататюрк, которая стала крупнейшей в истории экологической акцией в истории Турции. К 2000 г. ниже по течению Евфрата были открыты плотины Биречик и Каркамыш, общей мощностью 672 МВт и 189 МВт соответственно. Крупнейшей турецкой гидроэлектростанцией на Тигре стала, открытая в 2019 г., плотина Илису общей мощностью 1200 МВт. Помимо переселения большого количества людей и очевидных экологических проблем, связанных с затоплением территории 313 кв. км стало утрата историко-культурного наследия региона: под водой оказался древний город Хасанкейф, до этого в 1988 г. во время строительства плотины Ататюрк был утрачен город Самосата.

Стоит обратить внимание на коренные различия национальных географических школ, специализирующих на проблематике водостока Тигра и Евфрата, что в свою очередь ведет к возникновению принципиальных правовых коллизий между странами. В отличие от сирийских и иракских коллег, турецкие ученые акцентируют внимание на том, что обе реки в своем устье впадают в Шатт-эль-Араб и настаивают на том, чтобы рассматривать пространство Междуречья как один, а не как два отдельных бассейна [12: 118-120]. На этом основании, по мнению турецкой стороны, Тигр и Евфрат являются не международными, а трансграничными реками, и поэтому вопрос перераспределения их стока находится в ведении национального, исходя из принципа о неотъемлемом суверенитете над естественными ресурсами, а не международного водного права [9: 250], что в свою очередь служит основанием для отказа от предложения иракской стороны по введению квотирования на использование ежегодного стока.

Если Сирия в целом приняла условия Турции, то Ирак на протяжении длительного времени вел оживленную полемику, представив совместно со Всемирным банком в 1997 г. новый проект равного раздела водостока Евфрата между тремя странами: доля Турции составила бы около 11 млрд куб. м, Сирии – 16 млрд куб. м, Ирака – 12 млрд куб. м [6]. Турецкая сторона подтвердила свой отказ аргументом, что иракцы на тот момент времени не способны эффективно управлять своими водными ресурсами и развивать методы орошения, поэтому увеличивать сток вниз по течению нецелесообразно, так как большая часть спущенных вод в конечном итоге попадет в Персидский залив.

Несмотря на предварительное обсуждение трёхсторонних соглашений, создание Объединенного технического комитета и проведения шестнадцати совместных заседаний, между странами не существует юридически обязывающего, всеобъемлющего или долгосрочного договора, касающегося перераспределения водных ресурсов. После 2013 г. двусторонние ирако-турецкие переговоры были приостановлены, их возобновление в 2016–2017 гг. так и не принесло Ираку каких-либо существенных результатов. В этот период переговоры с Сирией были невозможны, поскольку крупнейшие сирийские дамбы находились под контролем ИГИЛ вплоть до 2017 г. Впоследствии, они были заняты силами Свободной сирийской армии и курдской Рожавы, снизивших экстенсивный водозабор [15: 2–3]. Тем не менее, определенных договоренностей между Ираком и Турцией всё же удалось достигнуть: 11 марта 2021 г. был ратифицирован Меморандум о взаимопонимании в области водных ресурсов между Министерством лесного и водного хозяйства Турецкой Республики и Министерством водных ресурсов Республики Ирак, который *«предусматривает общие рамки договоренностей в области управления водными ресурсами между обеими странами, а также направлен для расширения партнерства по реализации инвестиционных проектов в Ираке»* [13].

Разграничение водного пространства Эгейского моря

Основным источником напряженности между Турцией и Грецией является вопрос сохранения статус-кво Эгейского моря: обе страны считают, что их права и интересы ущемляются противоположной стороной. Лозаннский (1923) и Лондонский (1947) мирные договоры закрепили за Грецией большую часть островов в Эгейском море, приобретённых по результатам Балканских и Второй Мировой войн; однако гарантом греческого суверенитета над этими территориями является их демилитаризованный статус (при этом аналогичное пространство Турции не обладает данным статусом).

Подобные коллизии возникают из-за расхождений в трактовке терминов международного права касательно пространства, находящегося под суверенитетом (территориальные воды) и под юрисдикцией (континентальный шельф и исключительная экономическая зона). По мнению Турции, Греция нарушает это обязательство; причиной подобных разночтений служат следующие прецеденты [5: 58–66]:

1. Расширение территориальных вод с 3 до 6 морских миль Грецией в 1936 г. и Турцией в 1964 г.

2. Диспропорция площади территориальных вод Турции и Греции: 43,5% и 7,5% соответственно. В виду наличия прецедента об увеличении пространства территориальных вод до 12 миль (Франция, 1971 г.), то под греческой юрисдикцией будет находиться 71,5% пространства Эгейского моря.

3. Заявление о десятимильном греческим воздушным пространством над шестимильным морским пространством островов, что в свою очередь противоречит положениям 1944 г. о гражданской авиации, согласно которым, *ширина национального воздушного пространства должна соответствовать ширине территориального моря, а международное воздушное пространство над открытым морем не находится под суверенитетом какой-либо страны.*

4. Наличие на территории обозначенных островов противокорабельных ракетных комплексов, по мнению Турции являющихся наступательным вооружением.

5. Отсутствие двусторонних договоренностей касательно морского шельфа.

В связи с последним стоит ответить, что Конвенция о континентальном морском шельфе от 29 октября 1958 г. предполагает разработку континентального шельфа за пределами территориальных вод [2]. Кроме того, концепция исключительной экономической зоны позволяет и вовсе осуществлять юрисдикцию на пространстве более 200 морских миль. Касательно континентального шельфа Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 395 от 25 августа 1976 г., согласно которому Турция и Греция должны были возобновить переговоры. В свою очередь по решению Международного Суда от 11 сентября того же года пространство шельфа Эгейского моря за пределами территориальных вод обоих государств объявлялся спорным. В результате чего 11 ноября 1976 г. было подписано Бернское соглашение, которое предполагало, что обе страны будут воздерживаться от любых инициатив или действий в отношении континентального шельфа Эгейского моря, однако уже в 1981 г. Греция начинает в одностороннем порядке разведку нефти и газа в этом районе [5: 67].

Хотя страны не смогли прийти к консенсусу, эскалацию конфликта всё же удалось пресечь при посредничестве международных акторов. Тем не менее, полномасштабная война между Грецией и Турцией

чуть не разразилась в 1996 г. из-за принадлежности двух необитаемых островов Иммия/Кардак в 3,8 морских милях от побережья Турции: по мнению турецкой стороны, не являющихся островами, а скалами и не относящихся к ведению Лондонского мирного договора о передаче суверенитета над архипелагом Додеканес Италией Греции [5: 68].

Реализация Турцией в 2000–2010-х гг. концепции «Голубая Родина» (Mavi Vatan) — доктрины исключительной турецкой морской юрисдикции в территориальных водах, континентальном шельфе и исключительной экономической зоне, провозглашенной Турецкой Республикой между 32°16'18" и 28° восточной долготы, к северу от 34° северной широты в Чёрном, Средиземном и Эгейском морях, подтверждая свои претензии регулярными учениями ВМФ во всех трех морях [7: 1–5]. В результате 27 ноября 2019 г. в Стамбуле был подписан и утвержден меморандум о взаимопонимании между турецким правительством и Правительством национального согласия (Триполи) о разграничении районов морской юрисдикции в Средиземном море, что, по мнению турецкой стороны, легитимизирует её претензии на континентальный шельф в Эгейском море [7: 6]. Однако Турция заключила подобное соглашение лишь с одним из двух легитимных правительств Ливии, не проведя соответствующих переговоров с Палатой представителей (Тобрук). При этом нынешнее, формально объединившее в 2021 г. два противоборствующих ливийских лагеря, Правительство национального единства до сих официально не подтвердило правомочность подобных договоренностей.

Подводя итог, мы можем сказать, что обеспечение Турцией собственной безопасности в сфере водных ресурсов рек и моря ведет к нарастанию больших конфликтов с соседями на всём пространстве Восточного Средиземноморья, кооперации которых в антитурецкую коалицию ей пока что удается купировать благодаря своей экономической и военной мощи.

Литература:

1. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2000/60/ЕС от 23 октября 2000 года, устанавливающая основы для деятельности Сообщества в области водной политики // URL: <http://www.caresd.net/iwrm/new/doc/direct.pdf> (Проверено 11.09.2022).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.). Часть VI. Континентальный

- шельф (ст.ст. 76–85) // URL: <https://base.garant.ru/2540700/7dedebac8f25be619ed07c17ed1c62c9/> (Проверено 11.09.2022).
3. Конвенция о международной гражданской авиации 26.10.2022 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902240> (Проверено 11.09.2022).
 4. 6200 Sayılı Devlet Su İşleri Genel Müdürlüğünce Yürütülen Hizmetler Hakkında Kanun // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.3.6200.pdf> (Проверено 11.09.2022).
 5. Avar Y, Lin Y. C. Aegean Disputes Between Turkey and Greece: Turkish and Greek Claims and Motivations in the Framework of Legal and Political Perspectives // *International Journal of Politics and Security*. — 2019. — № 1 (1). — P. 57–70.
 6. Azmat al-miah al-‘iraqiyaat-turkiya...şirā’ tawilbayna “as-siyadatal-muṭlaqa” wa-an-nahr ad-duwalī” 15.07.2022 // URL: <https://www.alhurra.com/arabic-and-international/2022/07/15/> (Проверено 11.09.2022).
 7. Denizeau A. «Mavi Vatan, the ‘Blue Homeland»: The Origins, Influences and Limits of an Ambitious Doctrine for Turkey // *Études de l’Ifri*. — April 2021.
 8. Fresh water resources Turkey // URL: <https://www.climatechangepest.com/turkey/fresh-water-resources/> (Проверено 11.09.2022).
 9. İnan Y. Sınır Aşan Suların Hukuksal Boyutları // *A.Ü. Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi*. — 1994. — №1(49) — S. 243–253.
 10. Önüçyıldız M., Abdulmohsın M. S., Büyükkaracıgan N. Fırat-Dicle havzası ve Irak su Yapıları // *Selçuk Üniversitesi Sosyal ve Teknik Araştırmalar Dergisi*. — 2016. — №12. — S. 118–151.
 11. Resmî Gazete 7284 Sayılı Kanun 11.03.2021 // URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2021/03/20210311-3.htm> (Проверено 11.09.2022).
 12. Turkey’s water resources / Ed. by A. Kibaroglu, A. Kramer, W. Scheumann. — Berlin: Springer, 2011.
 13. Türkiye ve Irak İyi Komşuluk Antlaşması 23.09.2017 // URL: <https://www.haberturk.com/turkiye-irak-dostluk-ve-iyi-komsuluk-anlasmasi-1946-1643464> (Проверено 11.09.2022).
 14. Von Lossow T. More than Infrastructures: Water challenges in Iraq. — Wassenaar: Clingendael Institute, 2018.
 15. Von Lossow, T. The Rebirth of Water as a Weapon: IS in Syria and Iraq // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. — 2016. — №3 (51). — P. 82–99.

Э. П. Лямина

Категория определённости / неопределённости в современном турецком и английском языках с точки зрения когнитивного подхода У. Чейфа

Аннотация: В рамках настоящей работы была рассмотрена категория определённости / неопределённости в современном английском и турецком языках на основе когнитивного подхода американского лингвиста У. Чейфа. Подход, предложенный У. Чейфом, позволяет уйти от привычного понимания «формального» или «немотивированного» употребления артиклей и дает нам возможность проанализировать каждый случай с точки зрения коммуникативной обоснованности.

Ключевые слова: категория определённости / неопределённости, когнитивная лингвистика, турецкий язык, английский язык, сопоставление.

E. P. Lyamina

The Category of Definiteness / Indefiniteness in Modern Turkish and English Languages in Terms of W. Chafe's Cognitive Approach

Abstract: In this article the category of definiteness / indefiniteness in modern English and Turkish was considered on the basis of the cognitive approach of the American linguist W. Chafe. The approach proposed by W. Chafe allows us to move beyond the usual understanding of “formal” or “unmotivated” use of articles and provides us with an opportunity to analyze each case from the perspective of communicative validity.

Key words: the category of definiteness / indefiniteness, cognitive linguistics, Turkish language, English language, comparison.

Категория определённости / неопределённости представляет особый интерес для изучения, поскольку то, как функционируют средства выражения значений этой категории, по сей день остается не до конца ясным. Нередко у человека, который сталкивается с примерами употребления форм категории на практике, может возникнуть вопрос: почему тот или

иной объект действительности воспринимается как определённый или же неопределённый.

В традиционных грамматиках зачастую подробно описаны правила употребления показателей определённости или неопределённости, и не дано универсального объяснения, которое было бы применимо ко всем случаям этих употреблений. Именно поэтому автор настоящей работы попытается изучить этот вопрос и взглянуть на данную проблему с нового ракурса, обратившись в поисках решения к когнитивной лингвистике.

Категорией определённости / неопределённости (также именуемая категорией детерминации или дефинитивности) традиционно называют одну из категорий семантики высказывания, которая обладает функцией актуализации и детерминации имени, демонстрации его единственности в описываемой ситуации (определённость), либо выражения его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределённость) [18: 349]. Значения, входящие в семантическую зону детерминации «привязывают» какое-либо свойство к его носителям и «индивидуализируют» конкретных носителей данного свойства [15: 284].

Американский представитель когнитивной лингвистики У. Чейф, придерживавшийся подхода, при котором функционирование языка описывалось бы как результат взаимодействия лингвистических и психологических факторов, в своей работе относил «определённость» и «неопределённость» к одному из особых «статусов» имени, связанных со способами передачи содержания. Все эти «статусы» имеют отношение к тому, как говорящий оценивает способность слушающего понять то, что говорится, на основании определенного контекста [16: 276].

По мнению У. Чейфа, человеческое сознание хранит огромный запас знаний, и в каждый данный момент оно находится в определенном состоянии относительно этих знаний. Согласно его точке зрения, язык эффективно функционирует лишь когда говорящий учитывает наличие в сознании слушающего состояний такого рода. А само сообщение может быть принято без помех только тогда, когда говорящий приспособливает то, что он говорит, к тому, о чем, по его мнению, слушающий в данный момент думает [16: 277].

Говоря о категории дефинитивности, необходимо учитывать, что большинство представлений об отдельных объектах передается с помощью процесса категоризации. Категоризация — это подведение объекта

или процесса под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории [12: 42]. Так, существует какое-то множество объектов, которые можно отнести к одной и той же категории. Поэтому, как считает У. Чейф, для ситуации общения представляет интерес, думает ли говорящий, что слушающий уже знает и может отождествить тот референт, который имеет в виду говорящий. Если говорящий думает, что слушающий сумеет это сделать, то он наделит соответствующий предмет статусом определённости, если нет — статусом неопределённости [16: 293].

Таким образом, средства выражения категории дефинитивности можно отнести к способам, с помощью которых говорящий приспосабливает свою речь, чтобы довести свое сообщение до слушающего с учетом текущего состояния его сознания.

Категория определённости / неопределённости присутствует как в английском, так и в турецком языке. Данные языки являются абсолютно непохожими: они относятся к разным языковым семьям (турецкий язык входит в тюркскую группу алтайской языковой общности, английский — в индоевропейскую семью), различаются по грамматическому строю (турецкий — агглютинативный язык, английский — аналитический). Способы выражения определённости в сравниваемых языках не имеют особых сходств: в английском языке эту роль выполняет определённый артикль «the», в то время как в турецком языке определённый артикль отсутствует вообще, а определённость передается посредством морфологических средств других категорий.

Однако, несмотря на эти значительные различия, действительно стоит обратить внимание на то, что, независимо от способов выражения категории дефинитивности в каждом из рассмотренных языков, у носителей английского и турецкого языка возникает одинаковая коммуникативная потребность наделить тот или иной предмет статусом определённости или неопределённости для того, чтобы успешно донести свою мысль до слушающего и избежать коммуникативной неудачи.

Рассмотрим это на примерах:

*Don't spoil **your book**, for there is more in it than you know, and **the idea** is well worked out* (LW 473) 'Не порти свою книгу, поскольку она гораздо лучше, чем ты думаешь, и её задумка отлично проработана'. — Определённый артикль указывает на то, что в данном случае *the idea* относится к предыдущему контексту — слову *book*. Если бы вместо *the* стоял не-

определённый артикль *a* (*an idea* — “какая-то задумка” [неопр.]), то это бы ввело в замешательство, потому что данное слово было бы воспринято как новая информация, не связанная с первой частью предложения.

Müfettiş, öğrencilerinize bir şiir yazdırınız dedi. <...> Öğretmenimiz şiiri okumasını bitirdi (AN 12) ‘Инспектор сказал: “Попросите учеников записать стих”. Наш учитель закончил читать *это* стихотворение’. — Во втором предложении имеется в виду конкретное стихотворение, которое уже ранее было упомянуто в контексте, то есть коммуниканты о нём осведомлены.

Aunt March usually gave the sisters a present of twenty-five dollars at New Year's. That was only a month to wait and she had the money (LW 493) ‘На Новый год тётушка Марч обычно дарила каждой из сестёр по 25 долларов. Нужно было подождать всего месяц, и деньги были бы её’. — В данном примере *the money* отождествляется с теми самыми 25 долларами, которые были упомянуты в первом предложении с неопределённым артиклем *a* (т.е. ещё являются новой, неизвестной информацией). Несмотря на то, что во втором предложении использовано совершенно иное слово, артикль *the* как бы сигнализирует коммуникантам о том, что *the money* это не абстрактное понятие, не все деньги в целом, а именно конкретная сумма, упомянутая в предыдущем контексте.

Düşmana bakıyordum efendim... devince öğretmen şaşırdı: Ne düşmanı? Neler söylüyorsun? (AN 42) ‘Когда я сказал: «Я смотрел на врага, господин», учитель с удивлением спросил меня: «Какого врага? Что ты такое говоришь?» — А. Н. Кононов назвал это «логической определённо-стью», проявляющейся при повторном упоминании предмета, который только что назывался [11: 99].

You can't keep a secret (LW 49) ‘Ты не умеешь хранить какой-либо секрет’. *She behaves like a lady* (LW 87) ‘Она ведёт себя как леди’. — В данных примерах конкретика неважна, артикль *a* указывает лишь на то, к какому классу принадлежит слово, т.е. на его квалификацию. В рамках контекста индивидуальные особенности приведённых объектов не имеют значения.

Arkadaşları babama Ankara'da hem bir iş buldular, hem de kendi oturdıkları apartımanda boş bir daire (AN 9) ‘Друзья моего отца нашли ему в Анкаре и работу, и свободную квартиру в доме, в котором они проживают’. — Благодаря артиклю *bir* коммуникант понимает, что информация про работу (*bir iş*) и квартиру (*bir daire*) представлена как новая, она

не была упомянута ранее в контексте. Также подобное сочетание может свидетельствовать о том, что в рамках данного акта коммуникации подробности неважны: приведенные существительные можно воспринять как «какая-то квартира», «одна работа», и этой информации будет достаточно, то есть дальнейшая конкретизация не всегда обязательна.

Таким образом, опираясь на представления У. Чейфа о важной функции категории дефинитивности — способе передачи содержания, можно сделать вывод, что показатели данной категории преимущественно служат для точной передачи информации во время акта коммуникации, то есть выбор в пользу «определённого» или «неопределённого» состояния совершается, исходя из речевой потребности говорящего: употребляя тот или иной предмет в определённом состоянии, говорящий полагает, что из всех референтов, которые могут быть отнесены к данной категории объектов, слушающий может выбрать тот, который говорящий имеет в виду. Именно поэтому У. Чейф предполагает, что более удачным термином в этом случае было бы «отождествимое», а не «определённое» [16: 293]. Автор настоящей работы, опираясь на проанализированные примеры обоих языков, полностью разделяет данную точку зрения.

Таким образом, благодаря опыту когнитивной лингвистики было сделано заключение, что мотивы, которые движут носителями турецкого и английского языков, являются универсальными, несмотря на различные друг от друга средства выражения категории дефинитивности, а подход, предложенный У. Чейфом, позволяет уйти от привычного понимания «формального» или «немотивированного» употребления артиклей и дает возможность проанализировать каждый случай с точки зрения коммуникативной обоснованности. Следовательно, границы привычного объяснения того, когда коммуникат обращается к этой категории, были расширены.

В результате проведенной работы можно сделать вывод, что категория определённости / неопределённости нуждается в её дальнейшем изучении и переосмыслении с помощью способов, которые предлагает когнитивная лингвистика.

Источники:

1. Alcott Louisa May. *Little Women*. — New York: New American Library, 2004. — 861 p. (LW)
2. Nesin Aziz. *Şimdiki Çocuklar Harika*. — İstanbul: Nesin Yayıncılık A.Ş., 2005. — 189 s. (AN)

Литература:

3. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 550 с.
4. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
5. Плулунян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. — М.: Едиторная УРСС, 2003. — 332 с.
6. Чейф У. Данное, контрастность, определённость, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике / Сост. А. Е. Кибрика. — М.: Прогресс, 1982. — С. 275–314.
7. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. — 2-е изд., доп. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. — 687 с.

А. С. Митряшкин

Татары-липки во Второй Польской Республике (по материалам арабской печати)

Аннотация: В статье на основе анализа публикаций в ведущих арабских научно-просветительских изданиях 1930–1940-х гг. исследуется положение малочисленного этноса татар-липок на северо-восточных окраинах Второй Речи Посполитой (1918–1939). Рассматриваются приведенные арабскими авторами версии исторического появления тюрков на этой территории, сведения об их связях с соплеменниками из соседних государств (СССР и Литвы), особенностях жизненного уклада, а также роли в политической, образовательной и культурной жизни возрожденного польского государства.

Ключевые слова: татары-липки, Вторая Польская Республика, арабская печать, национальная политика, ислам.

A. S. Mitryashkin

Lipka Tatars in the Second Polish Republic (Based on the Materials of the Arabic Press)

Abstract: Based on the analysis of publications in the leading Arab scientific and educational publications of the 1930–1940s, the report examines the situation of the small ethnic group of Lipka Tatars on the northeastern outskirts of the Second Polish Republic (1918–1939). The versions of the historical appearance of the Turks-Tatars in this territory given by the Arab authors, information about their ties with tribesmen from neighboring states (the USSR and Lithuania), the peculiarities of their way of life, as well as their role in the political, educational and cultural life of the revived Polish state are considered.

Key words: Lipka Tatars, the Second Polish Republic, Arabic press, national politics, Islam.

Процесс образования на обломках крупнейших европейских империй новых государств после окончания Первой Мировой войны при-

влек пристальное внимание арабских писателей, журналистов и ученых того периода. Это объяснялось их стремлением, с одной стороны, познакомить общественность своих стран с явлениями новой политической реальности, а с другой, в условиях иностранного управления изучить и перенять определенный опыт национального строительства. Особый интерес они проявляли к этноконфессиональной политике формирующихся стран Восточной и Центральной Европы, в первую очередь, взаимоотношениям правительства и различных мусульманских меньшинств. В это время на страницах нескольких известных арабских газет и журналов выходит ряд публикаций, целью которых является освещение истории, социально-экономической, политической и культурной жизни единоверцев, находящихся на периферии земель «Дар ал-Ислама». Одним из таких народов были польско-литовские или белорусские татары, большая часть которых в межвоенный период оказалась в составе независимой Польши, присоединившей в 1919–1921 гг. территории Западной Белоруссии и Виленского края — традиционных земель проживания данной этнической группы.

В работе анализируются шесть статей, опубликованных в таких крупных арабских периодических изданиях 1-й пол. XX в., как «ал-Хилал», «ал-Маджалла ал-Джадида», «ар-Рисала» и «ал-Магриб». Обращение в рамках обозначенной темы именно к арабской прессе обусловлено ее высоким информационным потенциалом, важным для дальнейшего развития этнографических исследований рассматриваемого региона в довоенную эпоху. Кроме того, сведения, полученные из арабских публикаций, позволяют расширить имеющуюся фактологическую базу о контактах польских мусульман со странами Ближнего Востока, а также осветить весьма оригинальные точки зрения касательно происхождения татар-липок и истории их расселения на территории восточноевропейских государств. Следует сказать, что зачастую рассуждения арабских авторов о татарах основывались не на личных наблюдениях, а на произведениях европейских, прежде всего, английских, французских и польских исследователей. Время от времени и представители татарской интеллигенции, пытаясь заручиться поддержкой арабской общественности, присылали в редакции газет многочисленные письма и документы по истории своего народа, давали интервью местным журналистам, опираясь на которые публикаторы формировали уже свое мнение о жизни мусульман в составе Второй Речи Посполитой. В связи с этим

приведенные в одной заметке факты нередко противоречили сведениям из статьи другого журнала и т. д.

1 декабря 1932 г. в очередном выпуске марокканского журнала «ал-Магриб» (Марокко) появляется первая статья, посвященная описанию образа жизни, традиций и роли татар в становлении новой польской государственности — «Мусульмане Польши, Румынии и Болгарии» [5]. Информационное содержание данной публикации базировалось на работе французского этнографа Андре Бонами. В начале статьи приводятся сведения о численности татар в Восточной Европе. Бонами считает, что татарское население Польской Республики, сконцентрированное в районе городов Новогрудок и Вильно, не превышает 6 тысяч человек, в то время как в литовском Каунасе и советском Минске проживает примерно по 2 тысячи коренных татар [5: 24]. В статье отмечается, что раздел земель татар-липок между Польшей, Литвой и Советской Белоруссией в нач. 1920-х гг. стал для них настоящей трагедией и привел к фактическому разрыву некогда тесных отношений между частями одного народа. Власти Литвы запретили какую-либо переписку с гражданами Польши. В свою очередь, в СССР была предусмотрена и вовсе уголовная ответственность за подобные действия. Для польских татар таких ограничений не существовало, однако ввиду открыто враждебных отношений между тремя странами, они не могли более поддерживать связи с сородичами в ближнем зарубежье [5: 24]. По своему этническому происхождению татарское население Польши крайне неоднородно. Большинство из них считают себя потомками военнопленных, взятых литовским князем Витовтом (1350–1430) во время походов на земли Золотой Орды, однако существуют и весьма заметные группы кавказских, казанских и крымских татар, которые, несмотря на различия, в целом относят себя к единой тюркско-мусульманской общине страны. Как пишет Бонами, особую гордость у татар по сей день вызывает грандиозная битва при Грюнвальде (1410), в которой их предки в составе польско-литовского войска «под командованием эмира Джалал ад-Дина отличились невероятной храбростью и великодушием». С тех пор татарская община не раз доказывала свою преданность делу защиты государства от иностранных захватчиков [5: 24].

В царской России литовские татары-мусульмане имели широкие возможности для карьерного роста, особенно в военной сфере. В частности, до начала Первой Мировой войны представители татар-липок не-

редко становились офицерами Русской Императорской армии; четыре человека дослужились до генеральских чинов; один получил должность полковника Петергофского драгунского полка. Позднее многие из них примкнули к антибольшевистскому сопротивлению, сражаясь на стороне Польши в ходе войны 1919–1921 гг. [5: 24].

Польские татары, в отличие от своих дальних соплеменников, пьют вино и не практикуют многоженство, сохраняя традиции, установленные еще в XV–XVI вв., однако, как и все мусульмане, они не употребляют в пищу свинину. Татарская община в Польше очень консолидирована, все ключевые проблемы решаются на народных собраниях. Для урегулирования различных юридических вопросов, связанных с наследованием, заключением или расторжением брака, татары имеют право обратиться к местному имаму или в польский светский суд [5: 25].

Всего на территории Польши действует 16 мечетей, большая часть из которых расположены в г. Вильно и его окрестностях. Совсем недавно правительство одобрило проект строительства соборной мечети в столице — Варшаве, деньги на которую комиссия под руководством верховного муфтия Якуба Шинкевича (1884–1966) собирала со всех концов мусульманского мира. Например, пожертвование в размере 20 тысяч злотых (около 60 тысяч франков) выделил даже египетский король Фуад I (1868–1936). Однако, как пишет Андре Бонами, несмотря на стремление татар повысить значимость ислама в жизни республики, в стране до сих пор отсутствуют мусульманские религиозные школы по изучению Корана, также как и не в полной мере реализованы учебные программы, позволяющие улучшить грамотность татарского населения, которое «упорно заучивает арабский алфавит, а некоторые члены общины по сей день пишут по-польски арабскими буквами» [5: 25]. Единственный весомый шаг в этом направлении — перевод Корана на польский язык, осуществляемый тем же Якубом Шинкевичем. При этом арабским языком владеет лишь небольшое число татарских духовных лидеров, как правило, прошедших обучение в Каире или окончивших курсы восточных языков в Варшавском или Виленском университетах [5: 25].

Следующая публикация на рассматриваемую тематику вышла в 1934 г. в апрельском номере популярного египетского журнала «ал-Хилал» (Полумесяц) под названием «В Польше живут тысячи мусульман» [6]. Автор предвещает основную часть статьи своими размышлениями об истоках появления татар-липок на землях бывшего Великого

Княжества Литовского, а также о ходе их исторического развития в составе Речи Посполитой и в императорской России. По мнению писателя, их первые поселения в данном регионе возникли в сер. XIII в., когда «мусульмане, пришедшие с берегов Каспийского моря и Кавказа, совершили несколько последовательных вторжений, охвативших всю территорию Польши — от восточных до западных границ. Такие набеги совершались в 1241, 1259 и 1288 гг. После каждого нападения отдельные группы захватчиков селились на польских землях и создавали мусульманскую общину. Следы их населенных пунктов до сих пор сохранились по всей стране» [6: 702]. Затем произошла фактическая языковая полонизация пришлого тюркского населения, которая, однако, не привела к их полной ассимиляции и потере национальной идентичности. Несмотря на то, что в Средние века татары были вынуждены жениться на польских и литовских христианках, их дети всегда воспитывались строго в рамках исламских традиций. В это время татары прославились своей самоотверженностью на поле боя, участвуя во всех крупных сражениях Речи Посполитой XVI–XVIII вв. [6: 702]. Часто в период военных действий татарские воины составляли 20–25% от общей численности войска. Многие из них за военные заслуги впоследствии получили дворянские титулы. Как пишет автор, всего в границах польско-литовского государства XVI в. проживало около 200 тысяч мусульман, число которых начало стремительно сокращаться в XVII–XVIII вв. в эпоху упадка и раздела страны между великими державами. Несколько тысяч татар бежали в Крым и Турцию, спасаясь от преследований и «тяжелого ига» угнетения и мучений со стороны самодержавного тиранического режима царской России. После «освобождения» Польши и провозглашения независимости в 1918 г. новое правительство Юзефа Пилсудского (1867–1935) признало за местными мусульманами право на свободу вероисповедания, а также предоставило им определенный автономный статус в рамках существовавших общин [6: 703].

В отличие от предыдущей заметки, автор статьи в «ал-Хилал» указывает на высокую образованность татарского населения Второй Речи Посполитой, благодаря чему они «получили различные должности в армии и государственном аппарате. В настоящее время среди них немало офицеров, судей, преподавателей, врачей и чиновников». Однако все же большинство членов общины заняты в промышленности и сельском хозяйстве [6: 704].

Писатель подчеркивает, что благодаря содействию польских властей татары-мусульмане в последние годы заметно расширили свои связи со странами Ближнего Востока, в первую очередь, с Египтом и Турцией. Именно к последней они как тюрки испытывают наибольшую привязанность. Оттуда же татары начинают свой путь в хадж. Они до сих пор гордятся тем, что еще османские султаны уделяли большое внимание развитию ислама в Польше и что турецкий шариатский судья разрешал все крупные споры на их землях. Обучение исламским дисциплинам обычно проходит в Каире, в университете ал-Азхар, где, согласно сведениям автора статьи, по состоянию на 1934 г. обучается шесть студентов — польских татар. Деятели татарской интеллигенции принимают активное участие и в общеисламских мероприятиях. Наиболее видной фигурой в этом отношении был муфтий Якуб Шинкевич, присутствовавший на каирском панисламском конгрессе в 1926 г., а в 1930 г. он, намереваясь наладить контакты с крупными религиозными и политическими лидерами Востока, совершил масштабную поездку по Египту, Хиджазу, Палестине и Сирии. Другой известный представитель татар-липов, этнограф и историк Л. К. Кричинский (1887–1939) в 1925 г. был одним из почетных гостей египетской географической конференции и лично побывал на приеме у короля Фуада I, вручившего ему одну из самых почетных наград страны — орден Нила [6: 704].

Довольно любопытное сообщение о татарах-липовках было опубликовано 1 августа 1935 г. в египетском научном издании «ал-Маджалла ал-Джадида» (Новый журнал) под заголовком «Мусульмане в Польше» [3]. Заметка представляет собой интервью польского мусульманина по имени Мустафа Александр Лаш арабскому журналисту, в котором он дает свою оценку условий жизни татар в довоенной Польской Республике. На вопрос «сколько мусульман в Польше и имеют ли они представительство в национальном парламенте» он отвечает следующим образом: «На данный момент в Польше живет не более 12 тысяч мусульман. Поскольку их очень мало, они не имеют права выдвигать депутатов, хотя если в закон о парламентских выборах будут внесены поправки, то в будущем и у них появится возможность избрать своего представителя в Сейм. Однако, на самом деле, в Сенате есть человек, который выражает их интересы» [3: 93]. Александр Лаш также отмечает наличие в стране специализированных детских исламских учебных заведений. Как правило, такие школы обустроиваются при мечетях, а преподавание

в них ведут имамы и муэдзины. После окончания курса выпускник обязан поступить уже в государственную начальную школу. Для учащихся мусульман разрабатывается специальная образовательная программа по изучению ислама, продолжительность которой должна составить 2 часа в неделю [3: 93]. В конце интервью журналист затронул вопрос ущемления прав татар-липок по религиозному или национальному признаку, на что гость ответил: «В стране нет какой-либо дискриминации, все граждане равны перед Конституцией и законом. Мусульмане в Польше обладают всеми национальными правами. <...> Сегодня ничто не мешает польским мусульманам исповедовать религию своих отцов и дедов» [3: 93]. Примечательно также и то, что в 1930-е гг. среди татар-мусульман была окончательно искоренена неграмотность, однако доля людей с высшим образованием не превышала 15% [3: 94].

Не меньший интерес также представляют заметки, опубликованные в одном из крупнейших интеллектуальных изданий королевского Египта под названием «ар-Рисала» (Послание). Всего в этом журнале было напечатано три статьи, посвященных жизни, истории и национальным чаяниям татар-липок. Первая заметка, озаглавленная «Ислам в Польше», появилась на страницах «ар-Рисала» 2 ноября 1936 г. [1]. В ней коллектив арабских авторов цитирует отрывок из письма, присланного в редакцию журнала одним из читателей — польским татаринном, в котором он, характеризуя положение своего народа в 1930-е гг., называет этот период «Золотым веком ислама в Польше» [1: 1820]. В это время «из-за внимания со стороны государства и его поддержки религиозных прав мусульман» заметно улучшается уровень жизни местных татар. «Мусульмане признают, что именно благодаря существующему правительству и его щедрости они могут наслаждаться счастливой и спокойной жизнью...» [1: 1820].

Вторая статья, опубликованная 28 февраля 1938 г., представляет собой текст обращения «Общества по строительству Варшавской мечети» к арабам с просьбой пожертвовать деньги на закупку материалов для продолжения работ [4]. Автор говорит, что «наши мусульманские братья в Индии» уже оказали посильную помощь и содействие в возведении большой мечети Варшавы, и призывает египтян и другие арабские народы последовать их примеру [4: 357]. Он также готов предоставить в редакцию материалы по истории и культуре татарского народа, что позволит расширить знания местного населения об исламе в Польше.

Данная заметка в очередной раз отражает высокую степень взаимных связей татар-липок и населения всего мусульманского мира, установившихся благодаря бурной просветительской и дипломатической деятельности польской татарской интеллигенции.

Последнее сообщение появилось на страницах журнала «ар-Рисала» 29 января 1945 г. [2]. Сама статья в большей степени освещала этническую историю польско-литовских татар, а также особенности процесса их ассимиляции в Европе в Средневековье. Автор, базируясь на работе историка Л. Богдановича, утверждает, что основной проблемой в исследовании этого народа является отсутствие достоверных сведений о времени возникновения первых татарских населенных пунктов в северо-восточных районах Польши. В частности, он говорит о существовании документов, свидетельствующих об их появлении на этих землях еще до 1392 г. [2: 111]. Помимо чисто военных функций татарская община Восточной Европы в XV–XVI вв. часто играла роль посредника между католической Речью Посполитой и исламским миром. Татары настолько часто посещали Ближний Восток, что среди них, наряду со злым, свободно ходили арабские и османские монеты. Тогда численность польских мусульман достигла исторического максимума — более 100 тысяч человек [2: 111–112].

Выводы

Анализ содержания статей из довоенной арабской печати позволяет сделать несколько ключевых выводов: Во-первых, в личных беседах с арабами татары-липки неоднократно именовали предвоенные 1930-е гг. как «Золотой век ислама в Польше». Вопреки распространенному в Советской России мнению об установившемся в Варшаве «антинародном режиме», который якобы подвергает другие народы невыносимому угнетению, татары всегда указывали на отсутствие каких-либо притеснений и сегрегации со стороны центральных властей, а также отмечали факт постоянной финансовой и политической поддержки мусульманской общины польским руководством. Во-вторых, татары считают себя частью польской нации, но не мыслят себя вне исламского мира, постоянно говоря о необходимости более тесного взаимодействия со странами Ближнего Востока. В-третьих, арабская печать зачастую дает крайне противоречивые сведения о численности польских татар, а также об истории их появления на этих землях. По одним данным, татарское население республики не превышает 6 тысяч человек, по другим оно при-

ближается к 12–14 тысячам. Некоторые авторы, стремясь подчеркнуть улучшение условий жизни мусульман в составе Польши, заявляют об их угнетенном положении во времена Российской империи, однако реальных исторических свидетельств неравноправия татар-липок в эпоху господства самодержавия не обнаружено.

Литература:

1. Ал-Ислам фи Булуниа. [Ислам в Польше] // Ар-Рисала. Каир. — 1936. — №174. — С. 1820.
2. Ал-Муслимун фи Буланиа. [Мусульмане в Польше] // Ар-Рисала. Каир. — 1945. — № 604. — С. 111–112.
3. Ал-Муслимун фи Булуниа. [Мусульмане в Польше] // Ал-Маджалла ал-Джадида. Каир. — 1935. — №8. — С. 93–94.
4. Джем‘ийат Бина’ Джамии‘ Фарсуфия. [Общество строительства мечети Варшавы] // Ар-Рисала. Каир. — 1938. — № 243. — С. 357.
5. Муслиму Булуниа ва Руманиа ва Булгариа. [Мусульмане Польши, Румынии и Болгарии] // Ал-Магриб. — 1932. — № 5. — С. 24–25.
6. Фи Булуниа Алуф мин ал-Муслимин. [В Польше живут тысячи мусульман] // Ал-Хилал. Каир. — 1934. — № 6. — С. 702–704.

A. V. Obraztsov, A. S. Suleymanova

Некоторые особенности структуры романа «Шик» А.Х. Гюрпынара

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей структуры культового, классического романа Хюсейна Рахми Гюрпынара «Шик». Особенное внимание привлекает заключение / эпилог, написанное другом и наставником автора — Ахмедом Митхатом. Заключение предлагает радикально иную, по сравнению с текстом романа, развязку и концовку фабулы произведения, что предвосхищало литературные эксперименты будущего.

Ключевые слова: Хюсейн Рахми Гюрпынар, «Шик», структура романа, Ахмед Митхат, заключение / эпилог.

A. V. Obraztsov, A. S. Suleymanova

About of Some Features of the Structure of the Novel “Chic” Written by Hüseyin Rahmi Gürpınar

Abstract: The article tells about of some features of the structure of the classic novel “Chic” written by Hüseyin Rahmi Gürpınar. The conclusion/epilogue written by the author's friend and mentor, Ahmed Mithat, attracts special attention. The conclusion suggests a radically different end of the plot compared to the original text. This strategy anticipated the literary experiments of the future.

Key words: Hüseyin Rahmi Gürpınar, ‘Chic’, the structure of the novel, Ahmed Mithat, the conclusion, the epilogue, the structure of the classic novel.

Хюсейн Рахми Гюрпынар (17 августа 1864 г. – 8 марта 1944 г.) — признанный классик современной турецкой литературы и нет нужды подробно останавливаться на его биографии, которая и без того хорошо известна. Остановимся лишь на некоторых любопытных фактах. Его отец — адъютант султана Мехмед Саит-паша — одно время был командующим округом Эрзурума. В три года Хюсейн Рахми потерял мать. Служил по гражданским ведомствам до 1908 г., а потом полностью посвятил себя литературе. Первое сочинение написал в 12 лет — пьесу,

которая пропала во время пожара и не сохранилась. Первые рассказы выходят в 1884 г. Первый роман — «Шик» был написан в 1886–1889 гг.

Гюрпынар считается первым, кто пошел по пути упрощения литературного языка. Писатель никогда не был женат и детей не имел. Жил с 1912 г. на острове Хейбелиада в окружении дальних родственниц (тетушка и ее дочь) и друга детства — полковника Садыка. В 1914 г. недолго занимался деятельностью театрального общества Стамбула, даже написал несколько пьес, но быстро охладил к драматургии. Потом, сосредоточившись исключительно на литературе, жил затворником, лишь изредка выбираясь в Стамбул. В 1936–1943 гг. был избран депутатом национального парламента от Кютахьи. Хюсейн Рахми похоронен на Хейбелиада, где сегодня в его особняке открыт музей. Перу писателя принадлежит более 70 произведений в разных жанрах. Среди его работ встречаются и детективы «Отрубленная голова» (*Kesik baş*, 1921), «Упорство» (*İkdam*, 1942), и готические романы «Восставший из могилы шехит» (*Mezarından kalkan şehit*, 1928), «Демон-людоед» (*Gulyabani*, 1913) [6: 38–41]. Однако будучи по своим философским воззрениям реалистом и натуралистом с оттенком материализма [2: 292], Гюрпынар предпочитал вполне рациональные пути разрешения интриги. Большинство его произведений можно отнести к группе, которая в турецкой традиции носит название «внутрисемейного романа» (*Ev İçi Romanı*) [5] и предполагает межличностный и, часто, поколенческий конфликт. Видимо, это и привело к тому, что Гюрпынар был самым читаемым турецким автором середины XX века. Популярности его работам добавляло еще и то, что они сдобрены изрядной долей юмора с элементами социальной сатиры, в чем исследователи видят влияние наставника и друга Гюрпынара — Ахмеда Митхата (1844–1912). Читатели отметили живость, естественность и непосредственность диалогов героев [4: 16].

Еще одной особенностью Гюрпынара было то, что многие свои романы он издавал лишь через 2–3 года после написания: «Гувернантка» (*Mürebbiye*, 1897/1889), «Непостоянный» (*Şipsevdi*, 1908/1911), «Демон-людоед» (*Gulyabani*, 1911/1913) и т. д. Некоторые же и через 20 лет: «Разве смерть освобождение?» (*Ölüm bir kurtuluş mudur*, 1931/1954).

Несмотря на впечатляющую творческую плодовитость и редкое разнообразие сюжетов, самым популярным романом Гюрпынара остается его первый роман «Шик» или «Зеркало или Шик» (*Ayna yahut Şik*). Автор указывает, что роман был издан в 1889 г., а со второго издания 1919 г.

публикуется с предисловием (Mukaddime). Здесь автор рассказывает несколько анекдотичную историю публикации романа, который был написан, по словам автора, в 1886–1887 гг., т.е. еще в пору ученичества Гюрпынара. Закончив этот роман, автор отправил рукопись выдающемуся турецкому литератору, издателю и просветителю Ахмеду Митхату, чьим поклонником автор считался, но знакомы они не были. И автор не представлял себе характера известного мастера.

На следующий день Хюсейн Рахми встретил приятеля, который держал в руках «Терджуман-и Хакикат» — одну из самых авторитетных газет того времени, редактором которой и был как раз Митхат. «Хорошая новость, твое произведение понравилось», — приветствовал Хюсейна друг. Тот же принял это за шутку, но в разделе «Публичные объявления» газеты прочел: «Нам в редакцию поступила достойное внимания и одобрения произведение под названием «Шик» за авторством Хюсейна Рахми-бейэфенди, которого и просят оказать честь зайти в редакцию» [1: 4]. Не все знаменитые литераторы того времени удостоивались такого приглашения. Предстать перед властителем дум Митхатом? Собравшись с духом, молодой автор пошел по объявлению, но застал Митхата лишь в карантинном отделении Управления здравоохранения в Галате. По словам Гюрпынара эта встреча состоялась так: «Первый же вопрос был: «Ты кто, сынок?». «Я автор романа «Шик» Хюсейн Рахми...». Я был напуган. Эфенди смотрел с недоверием. Иронично сказал: «Сынок, твой рот еще молоком пахнет. А этот роман — труд мастера. Ни твое перо, ни твое красноречие, ни твой опыт не позволили бы написать это. Это очевидно. Ты можешь лишь стремиться к этому. Но в одиночку ты этого сделать не мог. Тебе кто-то помог. Отец? Старший брат? Приятель? Кто? скажи...» [1: 5].

Далее Гюрпынар пишет следующее: «Но таковых лиц не было. В то время мой отец, Сайт-паша, служил в Янье, и я каждую неделю писал ему письма. Мой отец прочел мое письмо знакомым и показал мою фотографию: «Вот наш мальчонка, который это написал». Знакомые сравнили и говорят: «Быть не может, Ребенок не мог написать такое, Вас, паша, обманывают». Отец, убедив знакомых, дал мне такой совет: «Сынок, Рахми, в твоих письмах стиль опытного секретаря. Я не хочу предполагать, что ты подписался под строками, написанными другим. Пусть фразы неровные и с ошибками. Это не беда. По-моему, это следствие твоей искренности» [1: 6].

По мнению Гюрпынара, его отец почти повторил слова Митхата: «Я был огорчен. Ахмет Митхат сказал мне тоже самое. Я был зол и не мог и слова сказать. Выкатились две слезы и вместо ответа пришла печаль. Эти чистые и невинные слезы тронули эфенди¹. Он сказал: “Не плачь, не плачь. Я тебе верю. Но так хорошо начавшийся роман, в конце не соответствует началу. Исправь это. Потом издадим”. В сильном возбуждении, печали и безнадёжности я закончил свой труд. И вот я уже начал писать статьи и заметки по несколько раз в неделю. В газетах меня [напротив] хвалили за детскую непосредственность» [1: 6].

В предисловии Гюрпынар продолжает: «Я не видел такого трудного начала ни у кого в те печальные и горестные времена отсутствия спроса на литературу. «Шик» вышел в Терджумане как роман с продолжением. И вдруг стал известен благодаря похвалам эфенди. Мои писания обрели спрос» [1: 6].

Закачивается предисловие следующим образом: «Когда сегодня через 30 лет я вновь просмотрел то сочинение, я увидел в зеркале прошлого свою беспечную, счастливую, веселую, освещенную тусклым светом, туманную, далекую, слегка с гнильцой юность. Какие наивные строки, какие поверхностные суждения, какие детские шуточки, какие примитивные изображения.

Чтобы не портить детской живости произведения, я оставляю как есть всю искренность высказываний, всю болтовню, некоторую непристойность и грубость.

Те симпатии и уважение, которых достиг этот мой рассказ, вызвали мое удивление, и я спросил о причине этого у эфенди, а он ответил: «Сынок, похоже, из твоей головы выйдет еще много вещей. Главное достоинство произведения — заставлять читателей хохотать», ведь знаменитый Мольер написал свою пьесу [«Летающий лекарь» (Le Médecin volant, 1653)], когда был молод. Твой герой — предтеча Мефтун-бея из «Непостоянного», который появится через семнадцать лет [1: 7]».

Напомним, что, среди прочего, автор сообщает, что Митхат советовал усилить финал романа. Однако роман заканчивается главой «Парк Тепебаши», где полиция арестовывает Шохрета за кражу ценностей в доме приятеля. Место действия весьма примечательно, тем более, что его больше нет. Когда-то здесь было небольшое кладбище района Бейоглу, все укрытое кипарисами (“Küçük Mezarlık” или “Petit Champdes

¹ К имени Митхата-литератора часто добавляют «эфенди», чтобы избежать путаницы с другим Митхатом — царедворцем и реформатором.

Mort²). После пожара 1870 г. (Pera Yangını), на месте кладбища был разбит публичный парк с кофейнями, включая знаменитый «Гарден», театрами, казино². Место стало особенно популярно, когда здесь стал давать публичные концерты (в 1880 г.) султанский оркестр (Muzika-yi Nümâyün) под руководством Гуателли-паши³. В 1979 г. парк опять сгорел и его больше не отстраивали.

Селим Илери (Ali Selim İleri, 30.04.1949) назвал роман «Шик» — романом-прогулкой (gezinti romanı) по Стамбулу конца XIX в. [3: 40]. И, видимо, не случайно финал романа разворачивается в месте, которое в те времена называли «Сердцем Бейоглу». В духе несколько наивного «назидательного символизма» «европейничание» молодого турка заканчивается в «сердце» европейского Стамбула, которое некогда было кладбищем, и на котором оказались похоронены все надежды наивного героя Шохрета.

Однако в книге далее есть еще и раздел «заклучение, эпилог» (Natime), которое и по стилю, и по языку отличается от текста романа.

Из авторского примечания становится известно, что эта небольшая главка добавлена Ахмедом Митхатом собственноручно, как он выразился: «В виде личного вклада/пожертвования» (tebergüan) [1:107]. Что лишний раз дает возможность обратить внимание на роль личностного аспекта в развитии т. н. «новой» турецкой литературы.

² В ранний республиканский период, видимо, именно здесь, в Тепе Баши, прошли первые джазовые концерты в Турции.

³ Каллисто Гуателли (итал. Callisto Guatelli; 1819–1899) — итальянский композитор и дирижер, работавший в Турции. Родился и учился в Парме. Окончил музыкальную школу по классу контрабаса, но владел многими инструментами (скрипка, фортепиано и др.), брал уроки вокала у Антонио де Чезари (1797–1853). Самостоятельную карьеру начал руководителем хора в 1846 г. 18 декабря 1846 г. дал сольный фортепьянный концерт для султана Абдулмеджида, о чем писали стамбульские газеты. Гонорар составил 5 тыс. курушей и присвоение звания каймакама. В 1856 г., после смерти Джузеппе Доничетти, возглавил османский Императорский оркестр и управлял им в течение двух лет, после чего его сменил Пизани, а Гуателли возглавил Дворцовый оркестр, однако спустя десять лет он вновь возглавил Императорский оркестр. Был преподавателем музыки, в т. ч. давал уроки игры на фортепиано Абдул Хамиду II. Написал в 1861 г. церемониальный марш для султана Абдул-Азиза — «Азизие Марши», выпустил два сборника фортепианных обработок традиционной турецкой музыки, в том числе мугам султана Селима III «Шаркы» (Şarkı), а также сборник из 24 турецких песен «24 Agie Nazionali e Canti Popolari Orientali, Antichi e Moderni». В 1863 г. написал «Османский парадный марш» (Osmanlı Sergi Marşı), а в 1875 г. написал для Абдул-Азиза «Султанский марш», который некоторое время исполнялся как Османский гимн. Получил звание паши.

«Хатиме» начинается с продолжения итога авторского текста: «В ходе разбирательства, после судебных и следственных процедур, в соответствии с требованиями закона, Шохрет признан не подлежащим осуждению и заключению» [1:107]. По мнению автора, такой фантастический результат лишь усиливает назидательную пользу рассказанной истории. «Что же касается выдуманной личности нашего Шохрет-бея, то разве нет множества примеров среди реальных людей такого рода? Украл у своей матушки серьги и собираясь продать их ювелиру Бедросу, разве не совершил он то же самое, что промотать отцовский капитал, что и делают многие из «шиков»? В нашем повествовании мы довели Шохрета, с чем все согласны, до тюрьмы. Однако этот естественный результат, в реальности оказывается еще трагичнее. Заключение — это своего рода ограничение действий. Результатом чего становится бесчестие, к которому примешивается мрак узилища, где никого не настигают проклинающие их взгляды. Из прочего же: голод, нагота, босые ноги, непокрытая голова, в глазах друзей и врагов человек до конца жизни будет презираемым. Даже в воображении и фантазии от таких картин волосы станут дыбом» [1: 108].

Финальное объяснение позиции мастером: «Да сохранит в неприкосновенности Всевышний нашу молодежь от бедствий на этом пути. Аминь!» [1: 108].

Таким образом, мы имеем перед собой роман с двумя взаимоисключающими финалами, причем, написанными разными авторами. Такое завершение произведения было весьма необычно для турецкой литературы XIX в и предвосхищало грядущие эксперименты модернизма и постмодернизма.

Литература:

1. Gürpınar H. R. Şık. Tutuşmuş Gönüller. — İst.: Everest, 2013.
2. Enginün İ. Cumhuriyet Dönemi Türk edebiyatı. — İst.: Dergah Yay, 2010.
3. İleri S. Edebiyatımızda sevdiğim romanlar kılavuzu. — İst.: Everest, 2018.
4. Kurdakul Ş. Çağdaş Türk Edebiyatı. C. 2. — İst.: Bilgi Yay., 1992.
5. Şen V. Ahmet Hamdi Tanpınar'ın 'Huzur' Romanındaki Mekân Unsuru Üzerine Bir İnceleme Denemesi // ETÜ Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. — S. 15. — Ekim 2022. — S. 202–228.
6. Uğur V. 1980 sonrası Türkiye'de popüler roman. — İst.: Koç Üni. Yay., 2013.

А. М. Первушин

Образ турок и турецкая угроза глазами Мартина Лютера

Аннотация: Становление Османской империи на геополитической арене Европы в XV–XVI вв. не прошло без внимания великих умов христианского Запада, которые не раз высказывали свое отношение к бытовавшему образу «кровожадного» турка. Данная статья содержит попытку восполнить недостающие пробелы в изучении вопроса противодействия турецкой угрозе на примере позиции Мартина Лютера — одного из самых ярких и противоречивых деятелей эпохи Ренессанса.

Ключевые слова: Мартин Лютер, Османская империя, имагология, турецкая угроза, экспансия, протестантизм, ислам.

А. М. Pervushin

The Image of the Turks and the Turkish Threat through the Eyes of Martin Luther

Abstract: The formation of the Ottoman Empire in the geopolitical arena of Europe in the 15th–16th centuries did not pass without attention of the great minds of the Christian West, who more than once expressed their attitude to the prevailing image of the «bloodthirsty» Turk. This report contains an attempt to fill in the missing gaps in the study of the issue of countering the Turkish threat on the example of the position of Martin Luther, one of the most striking and controversial figures of the Renaissance.

Key words: Martin Luther, Ottoman Empire, imagology, Turkish threat, expansion, Protestantism, Islam.

Падение Константинополя под ударами осман в 1453 г. обозначило важную веху в мировой истории. Экспансия турок на европейском континенте стала весомым конфронтационным и одновременно интеграционным фактором формирования европейской этнической идентичности

в целом и современных европейских наций в частности. Огромный научный интерес представляют реакции на становление Османской империи на рубеже XV–XVI вв. современников тех событий — великих умов христианского Запада. Среди них одно из центральных мест занимают сочинения немецкого христианского богослова и церковного реформатора Мартина Лютера.

Представление о турках жителей средневековой и постсредневековой Европы часто проявляется в современном процессе изучения общих тенденций взаимодействия цивилизаций Востока и Запада [2; 3; 4; 6; 8]. Так называемые «турецкие книги» Мартина Лютера, в которых тот рассуждает о необходимости войны против турок, — не открытие для научного мира. Тем не менее, критически мало исследований, которые давали бы целостный обзор представления о турках в трудах Мартина Лютера [1; 5; 7; 9]. Прделанная исследовательская работа — попытка восполнить недостающие пробелы в изучении вопроса противодействия турецкой угрозе на примере позиции этого христианского богослова.

Источниковая база исследования включает в себя не только «турецкие книги» Мартина Лютера [16; 11; 15], но и те его работы, которые выражают отношение к «турецкой угрозе» и зачастую остаются в стороне от научных изысканий современных исследователей [10; 14; 13; 17; 12]. В их число входят и знаменитые «95 тезисов».

Бесспорно, Мартин Лютер является одним из центральных исторических деятелей в истории Германии и значимой фигурой для всей мировой истории. Встав во главе немецкой Реформации и сделавшись для немецкого народа живым символом протеста, лидером, способным не только защитить интересы немецких князей от Папы Римского, но и нести просвещение низшим слоям населения, Мартин Лютер должен был стать и так называемым «рупором эпохи», ибо написанные им слова действовали, как показала история, не хуже самого сокрушительного оружия. Немалая часть его литературного наследия — полемические трактаты, полные описаниями происходящих в Европе первой половины XVI в. катаклизмов. Немецкий богослов пытался многие из них осветить с точки зрения своего понимания христианской морали. К оным катаклизмам относился и так называемый «турецкий страх» или — в более частом употреблении — «турецкая угроза» (Türkengefahr), которая символизировала упаднические общественные настроения в германских землях и Италии, вызванные расширением Османской империи после падения Константи-

нополя. Однако взгляд Мартина Лютера на реалии своего времени менялся в зависимости от исторических обстоятельств, что доказывают труды, относящиеся к разным годам его жизни. В том числе его представления о турках подвергались «проверке временем».

Чрезмерная воинственность султана Мехмеда II, которая наводила страх на весь христианский Запад, прервалась с его смертью. Почти на 30 лет Европа осталась наедине с глубочайшим кризисом католической церкви и апокалиптическими настроениями, подкрепленными «турецким страхом» в народе. За время, пока Турция не устраивала серьезных военных кампаний в Европе, там успело смениться целое поколение, появились новые интеллектуалы (среди которых был и Мартин Лютер), в обществе произошли коренные перемены — началась Реформация. Поэтому турецкая угроза трактовалась порой европейцами уже совсем не так, как в прошлом веке. Ярчайшее тому доказательство — первоначальное отношение к туркам Мартина Лютера.

Рассматривая работы этого деятеля немецкого Ренессанса по степени наличия антитурецких высказываний, можно поделить их на сочинения, написанные до 1528 г., и сочинения, написанные после. Первые — малоизвестны и почти не подвергаются анализу в исследовательской литературе. Такими трудами являются: «Могут ли воины принадлежать к богоспасаемому сословию» (1526) [13], «Разрешение споров о достоинстве индульгенций» (1518) [14] и, наконец, знаменитые «95 тезисов» Мартина Лютера или «Диспут о декларации достоинства индульгенций» (1517) [10]. В этих произведениях реформатор сдержанно выражается по поводу турецкой угрозы, не разделяет «турецкого страха», а тем более рвения Святого Престола созвать воинов со всей Европы и устроить полноценный крестовый поход против турок. Основная мысль в этих сочинениях — несопротивление карающей христиан за их грехи руке Господа [14: 535].

О причинах толерантной лютеровской риторики можно судить исходя из исторического фона и отдаленности турецкой угрозы от немецких княжеств. Мотивы же виттенбергского монаха вставать в резкую оппозицию Святому Престолу, по мнению некоторых исследователей, скорее политико-экономические, а не идеологические: М. Лютер рассматривал призывы к крестовому походу против турок как попытку папства манипулировать императором и князьями [18: 492].

Вторая половина источников написана после 1528 г., когда римско-турецкие отношения начали обостряться с приходом к власти в Турции

Сулеймана I Законодателя. После завоевательных успехов турок в Венгрии, падения Родоса, потрясшей современников битве при Мохачеи, наконец, окончательного подчинения Боснии, Герцеговины и Словении в 1527–1528 гг. ни у кого в Европе не оставалось сомнений в опасности амбиций армии турецкого султана. Тогда немецкий богослов выразил уже несколько иное мнение. Он смело говорит о ведении оборонительной войны против турок, называя её «справедливой» [16: 109], и, продолжая подчеркивать свое неприятие крестового похода, пытается осторожно оправдать оборонительное противостояние туркам [16: 127]. Сочинения, написанные после 1528 г., объединяет также то, что Мартин Лютер в них начинает рисовать перед читателем довольно негативный образ турок, часто критикуя их верования и образ жизни [16: 122–128].

Неясно, к какой из названных групп относить сочинение 1526 г. «Могут ли воины принадлежать к богоспасаемому сословию», из-за того, что заключение в нем довольно двусмысленно. Автор, с одной стороны, намекает на возможность войны с турками «как равный против равных», а с другой стороны, подчеркивает, что уже «ясно выразил свою позицию» в более ранних источниках [13: 661–662]. Более того, по хронологии это сочинение, хоть и написано в 1526 г. и не связано напрямую с турецкой угрозой, но опубликовано после битвы при Мохаче, которая потрясла многих христианских мыслителей, в том числе и Мартина Лютера. Таким образом, если следовать обозначенному делению на ранние и поздние труды, то это сочинение переходное между менее и более радикальными работами.

Своеобразным исключением из правила в силу своей аполитичности (по сравнению с прочими источниками) является написанное Лютером «Предисловие» к труду Георгия Венгерского «Книга об обрядах и обычаях турок» [17]. Эта работа, хоть и опубликована в 1530 г. сразу после самого, пожалуй, радикального по отношению к османской экспансии труда — «Армейской проповеди против турок» [11], не проклинает турок безосновательно, а в некоторых местах даже признает достоинства их образа жизни перед христианским. Неявная, но все же вызывающая вопросы контрастность изображения Мартином Лютером образа турок в этих двух его работах 1530 г. издания обусловлена неодинаковостью целей оных. «Армейская проповедь против турок» является трудом явно политико-полюемическим, а «Предисловие», — скорее, богословским. Оно демонстрирует читателю, чем турок-мусульманин отличается от немца-христианина и почему религиозное рвение турка проигрывает

христианской вере: «Да сияют (в своем благочестии) турки, да светятся (в истинном знании) паписты, нет в них веры, но притом полно других постыдных преступлений, они являются мерзостью перед Богом и ненавидимы людьми» [11: 208]. Эта мысль, пожалуй, является одной из центральных во всем «турецком» творчестве Мартина Лютера, так как отлично демонстрирует логику в формировании его отношения как к туркам, так и к католикам, а также то, что первые в его понимании не равны вторым по форме, но равны по сути.

На основании «Предисловия» Мартина Лютера можно предположить, что книга о жизни и обычаях турок за авторством Мартина Лютера выглядела бы примерно так же, как труд самого Георгия Венгерского: была бы объективна, выделяла бы как отрицательные, так и положительные черты в турецком характере, и с точки зрения протестантской морали обосновывала бы неправоту религиозных убеждений мусульман. В подтверждение этой гипотезы можно вспомнить, что Мартин Лютер был искренне заинтересован в последнем и ради этой цели содействовал в 1542 г. переводу Корана на немецкий язык. Поэтому справедливым будет замечание, что образ турка в работах виттенбергского монаха сильно зависел от характера оных и мог искусственно очерняться автором в целях политической пропаганды.

Кроме того, нельзя судить о коренном отличии образа турка в более ранних работах М. Лютера от более поздних. В последних к основной характеристике турецких захватчиков — «бичу Божьему» [14: 535; 18: 493] — автором лишь добавляются другие негативные черты [11: 173]. Первые три из названных источников (датированные до 1528 г.) были посвящены довольно отвлеченным от турецкой угрозы темам, поэтому сложно сказать, насколько М. Лютер изменил свое видение турок как таковых. Ни в одном из трудов реформатор даже не выражает надежды, что турки вообще способны услышать Слово Божие и воспринять Евангелие. Как метко выразился А. В. Доронин: «Лютер тоже представлял турок как орудие Господа <...> однако он и мысли не допускал об их богоизбранности и возможной эволюции в христианство» [1: 16]. Поэтому есть основание утверждать, что лидер немецкой Реформации не акцептировал богоизбранность турок через словосочетание «бич Божий» и не менял своего отношения к ним на протяжении всей своей жизни, но лишь дополнял их образ теми чертами, которые желал подчеркнуть для этико-религиозного воздействия на своего читателя.

Антипапская повестка в рассмотренных источниках также выступает как неизменный тезис: во всех сочинениях Мартин Лютер выражает крайнее неприятие Папы Римского и его инициатив, в числе которых основная — крестовый поход против турок. Такая более чем естественная риторика реформатора представляет интерес в том ключе, что в работах, написанных после стояния турецкого войска под Веной в сентябре 1529 г., Мартин Лютер будто бы идеологически уравнивает турецкую угрозу с папским произволом. Так, например, в «Боевой проповеди против турок» он описывает турецкую угрозу и опасность, исходящую, в его понимании, от Папы, в контексте протестантской эсхатологии как предвестников «последних времен» [11: 171, 180]. В более ранних же трактатах угроза, исходящая от Святого Престола первостепенна по отношению к турецкой угрозе, ибо турки в качестве божественной кары, согласно М. Лютеру, были не причиной, но следствием бесчинств понтифика и грехов его братии [10: 235; 14: 535].

Примечательно, что, несмотря на всю ненависть к Папе, всегда лояльный светским властям Мартин Лютер сразу после осады султаном Сулейманом Вены (то есть в опасной для протестантских княжеств ситуации) занимает крайнюю точку зрения и призывает ко всем праведным (по его мнению) христианам объединиться под защитой императора Священной Римской империи [11: 174, 180]. Получается, что вследствие идейного раскола, существующего в христианском мире с началом Реформации, нарушился единый антитурецкий фронт, однако это не помешало Мартину Лютеру в критические моменты высказываться в пользу подчинения центральной власти в лице императора-католика. Таким образом, антитурецкие труды «отца немецкой Реформации» оказали истине немалое влияние на этапы противостояния католической и протестантской светских властей и их консолидацию перед лицом общего врага — османского султана (сначала на заключение Нюрнбергского религиозного мира 1532 г., а затем и Аугсбургского 1555 г.).

Подводя итог сравнительному анализу, становится ясным, что в сочинениях Мартина Лютера о турках и войне с Османской империей (вопреки мнению многих исследователей [1: 25; 5: 285]) нет идеологического единства. С одной стороны, в изученных источниках наличествуют тезисы, которые красной линией проходят через все «турецкие» сочинения немецкого реформатора. Такими статичными идеями являются: антипапская повестка, негативное отношение к наступательной

войне (крестовому походу), общий образ турка как «бича Господнего», а также убежденность в общем упадке нравственности, о которой становится понятно из лютеровских увещаний нравоучительного характера к читателю. С другой стороны, есть причины говорить об эволюции взглядов Мартина Лютера на турецкую угрозу, основанной на отношении богослова к оборонительному сопротивлению и к войне под эгидой императора. Главный мотив Мартина Лютера выражать свое мнение на тему войны против Порты — историческая необходимость, подкрепленная общеевропейским «турецким страхом». Стоит признать, что писать о турках и посвящать турецкому вопросу целые произведения, названные затем «турецкими книгами», реформатора вынуждали не только временами опасный исторический контекст, но и одновременно как личная неприязнь, так и личный интерес к туркам и их вере.

Литература:

1. Доронин А. В. Падение Константинополя в 1453 году и турецкая угроза в ренессансной публицистике // Новая и новейшая история. — 2015. — № 3. — С. 3–25.
2. Жигалова Н. Э. Турки и турецкая угроза в византийской исторической литературе XV в.: Дисс. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2018. — 223 с.
3. Зубкова Д. А. Конструирование образа турка в письмах Энея Сильвия Пикколомини (Папы Пия II) // Материалы XXXIX Всероссийской научн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» / Под ред. А. Ю. Прокопьева. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — С. 362–368.
4. Линькова Е. В., Аксенова А. А. Образ турка-османа и оттоманского господства в произведениях русских и французских путешественников XIX века // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. — 2018. — Т. 10. — № 1. — С. 31–41.
5. Лурье З. А. Мартин Лютер и Эразм Роттердамский о войне с турками: к вопросу о религиозной идентичности в рамках конфессиональной Европы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2014. — Т. 15. — № 1. — С. 282–287.
6. Мигаль А. С. Мусульманский мир в представлениях западноевропейских интеллектуалов эпохи Просвещения: Дисс. ... канд. ист. наук. — Ростов-на-Дону, 2019. — 229 с.

7. Солак О. Образ турецкого народа в европейской культуре // Коммуникативные технологии в системе современных экономических отношений: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию БГЭУ / Под ред. Е. А. Вильчицкой и др. — Минск: БГЭУ, 2008. — С. 75–77.
8. Сурков И. Е. Образ Мехмеда II в сочинениях византийских историков Дуки и Критовула // Студенческая наука и XXI век. — 2019. — № 1–2 (18). — С. 148–149.
9. Gürsoy. Y. Martin Luther über die Türken // Research Gate // URL: https://www.researchgate.net/publication/322525809_Martin_Luther_uber_die_Turken (Проверено 06.09.2022).
10. Luther M. Desputatio pro declaratione virtutis indulgentiarum // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. — Bd 1 / Hg. J. K. F. Knaake. — Weimar: Hermann Böhlau, 1883. — S. 233–238.
11. Luther M. Eine Heerpredigt wider den Türken // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. — Bd 30/2 / Hg. J. K. F. Knaake. — Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1909. — S. 160–197.
12. Luther M. Erhalt uns, Herr, bei deinem Wort // Kleines Gesang- und Gebetbuch. St. Louis, Mo.: Concordia Publishing House, 1940 // URL: <https://hymnary.org/hymn/KGUG1940/34> (Проверено 06.09.2022).
13. Luther M. Ob Kriegsleute in seligem Stande sein können // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. — Bd 19 / Hg. J. K. F. Knaake. — Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1897. — S. 623–662.
14. Luther M. Resolutiones disputationum de indulgentiarum virtute // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. — Bd. 1 / Hg. J. K. F. Knaake. — Weimar: Hermann Böhlau, 1883. — S. 525–628.
15. Luther M. Vermahnung zum Gebet wider den Türken // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. — Bd 51 / Hg. J. K. F. Knaake. — Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1914. — S. 585–625.
16. Luther M. Vom Kriege wider die Türken // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. — Bd 30/2 / Hg. J. K. F. Knaake. — Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1909. — S. 107–148.
17. Luther M. Vorwort zu dem Libellus de ritu et moribus Turcorum // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. — Bd 30/2 / Hg. J. K. F. Knaake. — Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1909. — S. 205–208.
18. Roper L. Der Mensch Martin Luther: Die Biographie / Übersetzt aus dem Englischen von H. Fock und S. Müller. — Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2016. — 736 S.

Ю. В. Псянчин

Дж. Г. Киекбаев и вопросы классификации говоров башкирского языка

Аннотация: Статья Дж. Г. Киекбаева «Башкирские диалекты и краткое введение в их историю» (1958), не потеряла своей актуальности и сегодня. Позиция автора строится на комплексном подходе, усиливающем системный метод как в описании истории изучения башкирских диалектов, так и в вопросах классификации говоров. Автору удалось определить изоглоссы каждого говора, проанализировать их отличительные фонетические особенности, морфологию и лексику. Данная классификация говоров впервые строится на строгом научном подходе.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, говор, классификация говоров, системный метод, комплексный подход, изоглосса, фонетка, лексика, морфология, лексика.

Yu. V. Psysanchin

J. G. Kiekbaev and Questions of Classification of Dialects of the Bashkir Language

Abstract: The article by J. G. Kiekbaeva “Bashkir dialects and a brief introduction to their history”, published in 1958, has not lost its relevance today. The author's position is based on an integrated approach that reinforces the systematic approach both in describing the history of the study of Bashkir dialects and in the classification of dialects. The author was able to determine the isoglosses of each dialect, analyze their distinctive phonetic features, morphology and vocabulary. This classification of dialects is based on a strict scientific approach for the first time.

Key words: Bashkir language, dialect, dialect, classification of dialects, systemic approach, integrated approach, isogloss, phonetic, vocabulary, morphology, vocabulary.

Первый доктор филологических наук из числа башкир, языковед-тюрколог Джалиль Гиниятович Киекбаев (1911–1968) [3: 135–137] из-

вестен в отечественной лингвистике не только как ведущий специалист по исторической фонетике в области кыпчакских языков, но и своими работами по башкирской диалектологии [4: 76–77]. В течение ряда лет башкирские языковеды ориентировались на классификацию диалектов, предложенную проф. Дж. Г. Киекбаевым еще в 1958 г. Она была представлена в статье «Башкирские диалекты и краткое введение в их историю» [1], опубликованной в сборнике статей «Ученые записки». Серии «Башкирская филология», № 2.

Дж. Г. Киекбаев признавал два диалекта: южный и восточный [1: 40–44]. Южный диалект распадается на пять говоров: а) основной южный говор, или ик-юшатырский говор [1: 46–47]; б) средний говор, или инзерско-зилимский говор [1: 47–50]; в) зигановский говор [1: 50–52]; г) демско-караидельский говор [1: 52–53]; д) северо-западный говор, или смешанный говор [1: 53–54]. Как видим, официально признаваемый сегодня северо-западный диалект башкирского языка здесь имеет лишь статус говора.

Восточный диалект состоит из четырех говоров: а) ай-яицкий говор [1: 55–56]; б) сакмарско-кызыльский говор [1: 56–58]; в) аргаяшский говор [1: 59–61]; г) синаро-карабулакский говор [1: 61–66].

Классификация говоров Дж. Г. Киекбаева является знаковой по мнению другого башкирского языковеда Н. Х. Максютовой и предвещает собой третий период в истории изучения диалектов башкирского языка [2: 5]. Именно идеи 1958 г. способствовали исследованию говоров в монографическом плане. Это был первый в истории башкирского языкознания строго системный подход в классификации говоров родного языка.

Литература:

1. Киекбаев Ж. Ф. Башкорт диалекттәре һәм уларҙың тарихенә кыскаса инеш // Ученые записки БГУ. — Вып. III. Башкирская филологическая серия. — 1958. — № 2. — С. 37–80.
2. Максютова Н. Х. Введение // Образцы башкирской речи / Ред. Н. Х. Максютова. — Уфа, 1988. — С. 5–9.
3. Псянчин Ю. В. Джалиль Киекбаев — первый доктор филологии (к 110-летию со дня рождения) // Ватандаш (Соотечественник = Compatriot). — 2021. — № 10. — С. 134–140.
4. Ученый и писатель Джалиль Гиниятович Киекбаев: Библиография. — Уфа, 2011. — 128 с.

М. М. Репенкова

Современная турецкая фантастика как часть массовой культуры

Аннотация: В статье анализируется место современной турецкой фантастики в массовой культуре страны. Доказывается, что национальная фантастическая литература разделяется на жанры, среди которых доминирующее значение приобретают научная фантастика, фэнтези и антиутопия. Особое внимание уделяется субжанрам фэнтези. Приоритет отдается самому массовому субжанру городской фэнтези (С. Йемни, С. Атасой, Г. Эликбанк, Ф. О. Шеран и др.), который имеет национальные корни (Гиритли Али Азиз Эфенди, Ахмет Митхат Эфенди и др.). Доказывается, что фэнтези «меча и волшебства» представлена немногочисленными именами (Б. Мюстеджаплыоглу, О. Учар, А. Арас и др.) и ориентирована на западноевропейскую фэнтезийную традицию (Д. Р. Р. Толкиен, К. С. Льюис, У. Ле Гуин, А. Сапковский). Турецкая «темная» или «ужасная» фэнтези еще только начинает формироваться в литературе страны (С. Эрсин, Г. Огют), но она уже обозначила свои типологические признаки. В статье приводится обзор турецких издательств, публикующих национальную фантастику, а также перечень турецких телевизионных фантастических фильмов, вышедших с 2000-х гг. на экраны.

Ключевые слова: турецкая фантастическая литература, фантастические жанры и субжанры, городская фэнтези, фэнтези «меча и волшебства», «темная» фэнтези.

Maria M. Repenkova

Contemporary Turkish Fiction as Part of Popular Culture

Abstract: The article analyzes the place of contemporary Turkish fiction in the country's popular culture. It proves the genre variety of national fiction, with science fiction, fantasy, and dystopia playing the dominating role. Particular attention is paid to fantasy subgenres. Priority is given to the most widespread subgenre of urban fantasy (S. Yemni, S. Atasoy, G. Elikbank, F.O. Sheran, etc.), rooted in the national heritage (Giritli Ali Aziz Efendi, Ahmet Mithat Efendi, etc.). The article also emphasizes that the “sword and sorcery” fantasy genre is represented by few authors (B. Müstecaplıoğlu, O. Uchar, A. Aras, etc.) and stems from the Western

European fantasy tradition (J. R. R. Tolkien, C. S. Lewis, U. Le Guin, A. Sapkowski). Turkish “dark” or “horror” fantasy is just beginning to take shape in the country's literature (S. Ersin, G. Ögüt), but its typological features are already developed. The article provides an overview of Turkish publishers of national fiction, as well as a list of Turkish TV fiction films released since the 2000s.

Key words: turkish fiction, fiction genres and subgenres, urban fantasy, “sword and sorcery” fantasy, “dark” fantasy.

В современной турецкой массовой литературе фантастика с 2000-х гг. превратилась в одно из самых популярных и даже, можно сказать, мейнстримовских понятий. Среди фантастических жанров проявляется четкая дифференциация. Научно-фантастическую литературу представляют произведения Кутлухан Кутлу, Гюльбике Берккам, Хакана Балджи, Севги Сайгы, Гюркана Улучхана, Мехмета Берка Йалтырыка, Али Асланкана, Бельмы Фырат и др. [2: 34]. Из научной фантастики выделяется субжанр альтернативной истории, представителями которого являются Халит Какынч и Гюльтен Дайыоглу. Гюльтен Дайыоглу написала роман «Сумеречные птицы» (Alacakaranlık Kuşları, 2005), Халит Какынч — роман «Купол Земли» (Yerkubbe, 2015) [4: 57–72].

С 2000-х гг. начинает интенсивно развиваться фэнтези. Турецкие исследователи, как правило, называют его фантастическим романом [9; 11: 306–310; 12: 15–17; 13: 27–28; 14; 15] и разделяют на два вида в зависимости от соотношения в нем реальности и фантастики. Первый вид совершенно не связан с реальностью. В нем создаются фантастические страны и народы (например, эпопеи «Властелин Колец» и «Сильмариллион» Д. Р. Р. Толкиена). Во втором виде реальность сохраняется, но в нее активно входят нереальные, фантастическо-волшебные элементы (например, Ян Потоцкий «Рукопись, найденная в Сарагосе») [14: 19]. Известный турецкий прозаик, автор первых национальных романов-фэнтези Б. Мюстеджапыоглу называет романы, относящиеся к первому виду, «фантастическими художественными повествованиями» [14: 19].

Турецкая фэнтезийная литература представляет читателю оригинальную картину мира. В ней чудеса переплетаются с реальностью, при этом чудеса не объясняются рационалистически, как в научной фантастике [4]. В турецкой фэнтези реальность предстает в волшебном облике потому, что в этом читателя с помощью художественных средств убеждает писатель: реальность такова и таковой была всегда и «в силу своей “чуждости” не могла адекватно восприниматься рационалисти-

ческим сознанием эпохи» [1: 102]. Писатели представители турецкой фэнтези словно бы иронизируют над привычным нам миром: мы занимаемся наукой, а в мире существует дьявол, герой не верит в вампиров, а сам гибнет при особых обстоятельствах, исключая иные трактовки.

Однотипность модели мира, создаваемой фэнтези, отнюдь не исключает разнообразие вариантов (субжанров/жанровых форм) этого типа (жанра) фантастики. В турецкой фэнтези мы можем наметить по крайней мере три большие группы произведений, различающиеся по представлению «чудесного» в реальной действительности. На первом месте по количеству имен писателей, обращающихся к этому субжанру, стоит «городская фэнтези»: Садык Йемни «Растворитель» (Çözücü, 2003) и «Святой» (Yatır, 2005), Ахмет Азиз Чонгарлы «Змеиная скала» (Yılankayası, 2006), Сибель Атасой «Язвительно хихикающий красный месяц» (Sırtkan Kırmızı Ay, 2006), Гюльшан Эликбанк «Лжецы и возлюбленные» (Yalancılarve sevgililer, 2015) [4: 405–410], Фонда Озлем Шеран «Смертный час» (Ecel, 2014), Догу Юджель «Несуществующие» (Varolmayanlar, 2011) [5], Мехмет Йашин «Часы изгнания» (Sınırdışı Saatler, 2003), Мурат Уйуркулак «Тол: Роман мести» (Tol: Bir İntikam Romanı, 2002) и «Хар: Роман светопреставления» (Har: Bir Kıyamet Romanı, 2005), Левент Мете «Волшебники» (Büyücüler, 2003) и «В мозгу Рики» (Rika'nın Beyninde, 2005), Осман Коджа «Король Субан» (Kral Suban, 2004), Сезгин Каймаз «Крепость-темница» (Zindankale, 2004), Й. Хакан Эрдем «Книга Дувдувани» (Kitab-ı Duvduvani, 2004) и «Время обрушилось» (Zaman Çöktü, 2006), Мине Согют «Пять квартир Севим» (Beş Sevim Apartmanı, 2004) и «Красное время» (Kırmızı Zaman, 2006), Бурак Эльдем «Тебя защитят талисманы» (Seni Nilsimler Korur, 2004), Оркун Учар «Красный проповедник: Дерзулия» (Kızıl Vaiz: Derzulya, 2007), Ферат Юнлю «О.Ч.Н.: Организация по чистке от неподходящих» (M.A.T.: Münasebetsizleri Ayıklama Teşkilatı, 2006), Джан Армаган Этхемоглу «Последняя сказка» (Son Masal, 2004), Зафер Сёнмез «Скрытая страна: Гердеккайя I» (Saklı Ülke: Gerdekkaya I, 2002) и «Молодые боги: Гердеккайя II» (Genç Tanrılar: Gerdekkaya II), Бахаэттин Кабахасаноглу «Вчера случилось очень плохая вещь (Dün Çok Kötübir Şey Oldu, 2007) [14: 337–338].

В «городской фэнтези» «чудесное» входит в современную городскую жизнь, наполняя ее совершенно новым, необычным содержанием. Город имеет сюжетобразующее значение в этом виде фэнтези. «Городские фэнтези» часто несут в себе дополнительные оттенки других жан-

ров массовой литературы — готического, детективного, конспирологического, любовного романов, а также жанров «высокой» словесности — философского романа, романа воспитания [5; 8].

На втором месте стоит менее многочисленная фэнтези «меча и волшебства», или «героическая фэнтези», — Барыш Мюстеджаплыюглу, Оркун Учар, Альп Арас, Гёктуг Джанбабаи др. [3: 237–257]. В ней чудеса погружены в обстановку выдуманных стран и народов, чаще всего облачены в средневековый антураж (замки, рыцари, султаны, янычары и т. п.), что придает приключениям положительных героев, борющихся со злом, особый шарм и привлекательность. Отечественный исследователь Е. Н. Ковтун считает, что подобная фэнтези «эксплуатирует присутствующий современности интерес к мифологическим моделям мира — естественно, переосмысленным на основе накопленных наукой сведений об архаичной мифологии и принципах мифологического мышления» [1: 107]. Если у истоков турецкой «городской фэнтези» стоит национальная литература с элементами фантастики (Гиритли Али Азиз Эфенди «Фантазии божественного откровения / Знаки божьей милости / Видения от Бога» (Muhayyelât-iledünn-ilâhi-Giridi Ali Aziz efendi, 1796/97), Ахмет Митхат Эфенди «Танцовщица» (Çengi, 1822), Шехбендерзаде Филибели Ахмет Хильми «Глубины мечты» (A'mak-ı Hayâl, 1910), Хюсейн Рахми Гюрпынар «Демон» (Gulyabani, 1913), Пеями Сафа «Кресло мадемуазель Норальи» (Matmazel Noraliya'nın Koltuğu, 1949)) [4], то у истоков фэнтези «меча и волшебства» находятся исключительно западные произведения (мифологические эпопеи Д. Р. Р. Толкиена «Сильмариллион», «Хоббит», «Властелин Колец», сказочный цикл К. С. Льюиса «Хроники Нарнии», произведения У. Ле Гуина «Волшебник Земноморья» и А. Сапковского «Ведьмак», книги Д. Роулинга и Ф. Пулмана). Последние были представлены качественными переводами на турецком книжном и кинорынках. Фильмы по трем книгам Д. Р. Р. Толкиена «Властелин колец» били рекорды просмотров в Турции в 2001–2003 гг., а фильмы по семи книгам Д. Роулинг о Гарри Поттере — в 2001–2010 гг. 1 декабря 2007 г. был выпущен в прокат первый фильм «Северное сияние. Золотой компас» трилогии Ф. Пулмана «Темные начала», который вызвал огромный интерес у турецкого зрителя [14: 44–45].

Турецкая фэнтези «меча и волшебства» представлена немногочисленными именами. Пионером выступает Барыш Мюстеджаплыюглу, который впервые написал в этом жанре цикл романов «Легенды стра-

ны Перг» (Perg Efsaneleri): «Легенды Перг 1: Трус и чудовище» (Perg Efsaneleri 1: Korkak ve Canavar, 2002), «Легенды Перг 2: Тайна Мердерана» (Perg Efsaneleri 2: Merderan'ın Sırrı, 2002), «Легенды Перг 3: Болотистая страна» (Perg Efsaneleri 3: Batakılık Ülke, 2003), «Легенды Перг 4: Алфавит богов» (Perg Efsaneleri: Tanrıların Alfabetesi, 2005). Вторым фэнтезийным циклом этого автора стали три романа о стране шаманов: «Страна шаманов» (Şamanlar Diyarı, 2012), «Время первооткрывателей. Страна шаманов 2» (Kaşifler Zamanı. Şamanlar Diyarı 2. Kitap, 2013), «Во имя свободы. Страна шаманов 3» (Özgürlük Uğruna. Şamanlar Diyarı 3. Kitap, 2014) [3: 237–256; 17].

Другим писателем, задумавшим написать фэнтезийный цикл романов «меча и волшебства», стал Оркун Учар. Из цикла «Триада Злобного» (Habis Üçlemesi) он опубликовал лишь первый роман «Триада Злобного I. Дерзуля. Бунтовщик» (Habis Üçlemesi I Derzulya: Asi, 2005). Также лишь первый роман из задуманного четырехчастного цикла «Серия волшебных легенд» (Büyülü Efsaneler Serisi) был опубликован Альпом Арасом. Роман вышел под заголовком «Серия волшебных легенд I. Книга: Кровь эльфа» (Büyülü Efsaneler Serisi I. Kitap: Elf Kanı, 2005). В жанре фэнтези «меча и волшебства» написан роман Гёктуга Джанбаба «Легенды северных материков: Песня озана» (Kuzey Kıtalar Efsaneleri: Ozanın Şarkısı, 2007) [14: 71–72].

На третьем месте находится фэнтези, которую обычно именуют «ужасной» или «черной/темной» фантастикой (от английского названия dark fantasy). Этот субжанр фэнтези еще только начинает развиваться в турецкой литературе. Поэтому мы можем назвать лишь двух его представителей: Сайгына Эрсина с его романами «Господство Зюльфийяра» (Zülfikâr Hükümü, 2005) и «Буря сорока» (Erbain Fırtınası, 2006) [7: 718–725] и Гюндюза Огюта с романами «Два берега реки» (Nehrin iki Yakası, 2003) и «Житель Агхарты, два берега реки II» (Aghartalı, Nehrin iki yakası II, 2018). Чудесная реальность в них вторгается как в современность, так и в неопределенного времени древность в двух своих ипостасях — в виде двух противоположных волшебных сил Добра и Зла, которые ведут непримиримую борьбу. Добрым и «светлым» волшебникам противостоят «темные» силы зла — вампиры, злые духи-демоны, боги, ожившие мертвецы, колдуны, управляющие целыми народами тираны — «черные» волшебники, описанные как в персонифицированной форме, с особыми подробностями, так и в персонифицированной.

Своими истоками «темная» фэнтези восходит к тюркскому фольклору (сказки, былички¹), исламской мифологии (легенды о народных святых, праведниках). Турецкий исследователь Вели Угур справедливо отмечает, что «в этих произведениях представители двух противоположных полюсов дополняют друг друга. Они больше стараются уравновесить друг друга, чем победить другую сторону. И эта борьба бесконечна» [16: 139]. Ему вторит американский литературовед Кат Фильмер, который сравнивает существование двух противоборствующих лагерей (Добра и Зла) в такого рода фантастических произведениях с существованием двух противоположных начал инь и янь в даосской философии: одно не может существовать без другого [10: 137]. Присоединяется к этому выводу и российский литературовед, исследователь русской фэнтези Е.А. Сафрон, которая подчеркивает в ней «принципиальную неразрешимость конфликта между Добром и Злом» [8: 243].

В начале XXI в. появляется и первый турецкий роман в жанре антиутопии — «Последний остров» (Son Ada, 2008), который написал известный беллетрист Омер Зюльфю Ливанели [3: 59]. Позднее выходит книга Айше Шаса «Бабуинский роман» (Şebek Romani, 2004), написанная в этом же жанре. Но об этом жанре можно сказать, что он еще только начинает формироваться в турецкой литературе.

В стране наметился круг издательств, публикующих фантастическую литературу: «Yarı Kredi Yayınları», «İthaki», «Arka Bahçe ve Laika», «Metis», «Karakutu», «Can», «Epsilon», «Phonix», «Altıkırkbeş», «Say». Некоторые из них специализируются исключительно на фантастике, а для других фантастика лишь одна из составляющих их деятельности [14: 45].

В интернете распространены турецкие сайты, на которых печатаются фантастические рассказы и романы, а также критические статьи о фантастике: fantastikedebiyat.com, fantastikdunya.com, fantastikkurgu.com, fantastikkultur.com, frp.net, xasiork.sistemynet.com [14: 45].

После 2000 г. турецкая фантастика активно экранизируется. Как правило, фантастические элементы в ней сочетаются с элементами фильмов ужасов, детективов. Подобные фильмы выходят на различных телевизионных каналах: канал АТМ — «Селена» (Sekena), «Мечта и реальность» (Hayal ve Gerçek), «Черный жемчуг» (Kara İnci); канал FOX TV — «Три

¹ Быличка — несказочная проза, народный демонологический рассказ, суеверное повествование, связанное с персонажами из низшей мифологии (разного рода духи, домовые, ожившие мертвецы, привидения, вампиры и т. п.). Как правило, рассказчик встречается с ними и оказывается, таким образом, свидетелем их существования.

милые ведьмы» (Üç Tatlı Cadı), «Тряпичная кукла» (Bez Bebek); канал SHOW TV — «Мой самый лучший друг» (En İyi Arkadaşım); канал STAR — «Неопытная ведьма» (Acemi Cadı); канал D — «Моя заколдованная мама» (Sihirli Annem) [14: 45].

Среди турецкой публики распространены фантастические настольные и интернет-игры типа «World of Warcraft». Например, в 2007 г. число их участников достигло 4 млн, а доход — 30 млн лир. В некоторых университетских клубах проводятся мероприятия, связанные с Днями фантастической литературы (доклады студентов, интернет-игры) [14: 46].

Литература:

1. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 308 с.
2. Репенкова М. М. Турецкая литература на рубеже XX–XXI веков. Основные парадигмы. — М.: Наука: Вост. лит-ра, 2016. — 231 с.
3. Репенкова М. М. Турецкие писатели переходной эпохи. Литературные портреты. — М.: Наука: Вост. лит-ра, 2020. — 327 с.
4. Репенкова М. М. У истоков современного турецкого фэнтези // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — Вып. 3. — С. 691–697.
5. Репенкова М. М. Художественные особенности турецкой городской фэнтези // Восток (Oriens). — 2021. — №2. — С. 104–122.
6. Репенкова М. М. Художественные особенности фантастического повествования Халита Какынча // Вестник Московского университета. — Серия 13. Востоковедение. — 2021. — № 2. — С. 57–72.
7. Репенкова М. М. Поэтика фэнтезийной прозы Сайгына Эрсина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Вып. 3, — С. 718–725.
8. Сафрон Е. А. Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX – начала XXI веков.: Дисс. ... д-ра филол. наук. — Саранск, 2021. — 437 с.
9. Ecevit Y. Türk Romanında Postmodernist Açılımlar. — İstanbul: İletişim Yayınları, 2004. — 241 s.
10. Filmer K. Skepticism and Hope in Twentieth Century Fantasy Literature.—Ohio: Bowling Green University Popular Press, 1992. — 137p.

11. Gürsoy Ü. Fantastik Anlatım ve Nazlı Eray // Türk Yurdu. — 2000. — С. 20. — №153–154. — S. 306 – 310.
12. İnci H. Aziz Efendi'nin Reddedilen Mirası Türk Romancısının Gerçeklik'le Savaşı // Kitaplık. — 2005. — № 80. — S. 15–17.
13. Mert N. Nazlı Eray ve Düşlemi // Varlık. — 1983. — № 910. — S. 27–28.
14. Özlük N. Türk Edebiyatında Fantastik Roman. Doktora tezi. — İstanbul, 2010. — 404 s.
15. Toyman Y. Ö. Nazlı Eray'ın Roman Dünyasında Düşü ve Büyülü Gerçekliğin Kurgusu ve Fantastik Unsurlar. – İsparta: Süleyman Demirel Üniversitesi, 2006. — 178 s.
16. Uğur V. Türk Edebiyatında Fantastik Roman // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. — 2011. — № 3. — S. 133–154.
17. Üzmer M.A. Barış Müstecaplıoğlu'nun Eserlerinde Fantastik Unsurları. Yüksek Lisans Tezi. — İstanbul, 2019. — 113 s.

M. M. Репенкова

Турецкая «темная» фэнтези на примере романа Гюндюза Огюта «Два берега реки» (2003)

Аннотация: В статье анализируется поэтика фэнтезийного романа Гюндюза Огюта «Два берега реки» (Nehrin İki Yakası, 2003), хронотоп которого неопределен. События разворачиваются в незапамятные времена в рамках безымянного, выдуманного пространства вокруг огромной реки, над которой правят «темные силы». Доказывается, что сюжет романа определяет борьба «темных» и «светлых» сил, что в целом характерно для субжанра «темной» фэнтези. «Черному» миру на берегу реки противостоит «белый» мир света Подземной Страны Агхарты, в которой живут Проводники Света, старающиеся привнести в мир людей на земле положительную, «светлую» энергию. Исследование образов романа приводит к выводу, что Зло в произведении имеет неперсонифицированный характер, Добро же, наоборот, индивидуализировано.

Ключевые слова: Гюндюз Огют, «Два берега реки», турецкая «темная» фэнтези, борьба Добра и Зла, индивидуализация образов.

Maria M. Repenkova

Turkish Dark Fantasy on the Example of Gündüz ogüt's Novel «Nehrin İki Yakası» (Two Sides of the River, 2003)

Abstract: This study focuses on the poetics of the fantasy novel «Nehrin İki Yakası» (Two Sides of the River, 2003) by Gündüz Oğüt. The timeline of the book is vague, with events unfolding in time immemorial within a nameless, fictional space around a vast river ruled by "forces of the darkness." The study argues that the plot of the novel is shaped by the struggle between the forces of darkness and light, which is common in the subgenre of dark fantasy. The «dark» world beside the river is contrasted by the «white» world of the Underground Land of Agharta, where the Light Guides live, who try to bring positive, light energy to the world on the surface. Research into the characters of the novel suggests that the Evil within the book is depersonalised, while the Good, on the contrary, is personified.

Key words: Gündüz Oğüt, Nehrin İki Yakası, Turkish dark fantasy, Struggle between Good and Evil, Individualisation of imagery.

Турецкая «темная» фэнтези выдвигает на первый план борьбу «темных» (Зло) и «светлых» (Добро) сил, которая не всегда заканчивается победой сил Добра. Разнообразие сюжетных линий достигается в основном за счет вариативности хронотопа: в какое время и где происходят заявленные в произведении события. Чаще всего действие подобных романов разворачивается в современных турецких городах, как можно увидеть, например, в дилогии Сайгына Эрчина «Закон Зюльфийара» (Zülfikar'ın Hükümü, 2005 [1]) и «Буря Сорока» (Erbain Fırtınası, 2006 [2]). В данной статье будет представлен роман, хронотоп которого неопределен, т. е. пространственно-временные рамки произведения нельзя отнести к какому-либо конкретному времени и месту. В романе Гюндюза Огюта «Два берега река» (Nehrin İki Yakası, 2003)¹ показано безымянное, выдуманное пространство вокруг огромной реки, один берег которой населяет безымянный народ: «В очень давние времена на берегу одной реки жил один забытый народ. Эти люди, ведущие закрытый образ жизни, существовали под управлением Совета. Их жизнь была подчинена определенным правилам, не известно кем и когда установленным. Эти правила, которые находились под контролем консервативной группы людей, называемой Осуществляющие Правила, составляли гарантию их общественного порядка. По сути же, каждый член этого сообщества был преданным исполнителем упомянутых правил. Правила состояли из запретов. Во главе всех запретов шла река. Поскольку река была признана проклятой, то приближаться к реке, касаться воды было строго запрещено. Существовало глубокое убеждение, что вошедший в ее воду, коснувшийся воды трагически погибает. В связи с этим и другой берег реки считался запретным местом. Было настолько естественно, что люди на протяжении всей жизни не думали и не говорили о противоположном берегу реки, не спрашивали про него, что считалось как будто бы этого противоположного берега вообще не существует» [3: 9].

Народ, сколько себя помнил, занимался двумя делами: добывал пропитание и работал на руднике. Рудокопы делились на три группы: копающие руду, заготовители дров для огромной печи, и, наконец, разжигающие печь у большой расщелины, называемой Проклятым Колодецем, бросающие руду в огонь, а затем переливающие раскаленное варево в Проклятый Колодец. Заполнить этот колодец было невозможно, он был бездонным. Никому даже в голову не приходило спрашивать, зачем они

¹ Роман иллюстрирован художником Ремзи Шаном. Черно-белые рисунки дают развернутое представление о развивающихся сюжетных коллизиях..

это делают, потому что это тоже было запретным вопросом. Поговаривали, что если колодец не заполнять раскаленным варевом, то из него выйдет проклятие, которое станет причиной смерти всех.

Черный Совет, правящий над жителями речного побережья, держал людей в постоянном страхе. Нарушивший правила и запреты подвергался суровому наказанию с помощью «черных» стражников и «черных» волшебников. Все это составляло «темный» мир Осуществляющих Правила — клана, непонятно как возвысившегося над другими кланами этого народа. Никто не мог убежать от деспотии «темных» сил, которыми везде были расставлены ловушки и силки против тех, кто захочет воспротивиться Осуществляющим Правила. И лишь один безымянный юноша (его имя Агхаринтай становится известным только к середине романа) воспротивился Осуществляющим Правила. Он захотел переплыть реку, противоположный берег которой называли «Страной Мертвых», захотел найти того человека, который в прошлом также перешел реку и затем пропал. Осуществляющие Правила назвали юношу Проклятым Безумцем, сначала изгнали из общества, потом поймали, пытали и выбросили его тело, посчитав, что убили, но он выжил и переплыл на другой берег реки. Там он и нашел того, кого искал — перешедшего когда-то реку старого Танку, вместе с которым и еще несколькими друзьями они отправились на поиски волшебной Водяной Двери, единственного прохода в Подземную Страну Агхарту.

«Черному» миру на берегу реки противостоял «белый» мир света Подземной Страны Агхарты, в которой жили Ученые и Монахи Света, а также кандидатки в Монахини Света. Все они были Проводниками Света, старающимися привнести в мир людей на земле положительную, «светлую» энергию в виде дрожаний и колебаний земной поверхности, отворотить людей от войн и деспотии. Души Проводников Света проявлялись в некоторых родившихся на земле младенцах, которые по мере вырастания становились опасными для Осуществляющих Правила. «Светлые/белые» дети вырастали в бунтарей, нежелающих мириться с запретами и правилами (старик Танка, юноша Агхаринтай, ребенок-мальчик Кам). «Темные силы» помечали их лбы шрамами от ожогов. Ученые Подземной Страны построили огромное количество туннелей под землей, все входы в которые закрыли. Единственный открытый вход в Подземную Страну Агхарту осуществлялся только через Водяную Дверь. О ее нахождении знала лишь одна Мо-

нахиня Света Аргения, которую Осуществляющие Правила держали в Пещере Наказаний и пытали. Тайну волшебной двери девушка не выдавала. Роман насыщен волшеббно-фантастическими событиями и необыкновенными героями, что неоспоримо свидетельствует о его фэнтезийной основе.

Обратимся к творческой биографии автора романа. Гюндюз Огют родился в Анкаре в 1966 г. В 1987 г. он стал выпускником кафедры скрипки Государственной консерватории Университета девятого сентября в Измире. В 1990-е гг. он начал писать пьесы и скетчи для радио. Затем он обратился к написанию романов, рассказов и исследований на психологические темы. С 1987 г. по настоящее время Г. Огют работает в Измирском государственном симфоническом оркестре, поэтому игра на скрипке остается для него основной сферой деятельности. В 2005 г. он основал Анатолийское общество смычковых инструментов, которое устраивает образовательные концерты в школах, проводит литературные мероприятия и музыкальные мастер-классы. Документальный фильм Г. Огюта «Дети с солнечными глазами» (Güneş Gözlü Çocuklar, 2018–2019), в котором повествуется о концертах, проведенных Анатолийским обществом смычковых инструментов в деревенских школах с целью музыкального просвещения детей, был удостоен большого количества наград. Г. Огют является членом Ассоциации искусства фэнтези и научной фантастики (ФАБИСАД). Его перу принадлежат сборники рассказов: «Путешествие к свету» (Işığa Yolculuk, 1996), «Разрушающий судьбу» (Kader Vozucu, 2014), «Тайна Сказочной горы» (Masal Dağı'nın Sırtı, 2005), «Дверь странностей» (Acayıplikler Kapısı, 2020). Он — автор нескольких романов: «Приносящие рассвет» (Şafağı Getirenler, 2000), «Два берега реки» (2003) и его продолжение «Житель Агхарты, Два берега реки II» (Aghartalı, Nehrin İki Yakası II, 2018), роман для детей «Персиковое дерево» (Şeftali Ağacı, 2020). Г. Огют написал исследования на тему духовного мира людей: «Прорицания и прорицатели» (Kehanetler ve Kahinler, 1997), «Воспользуйтесь вашими мечтаниями» (Rüyalarınızdan Yararlanın, 2001).

Возвращаясь к роману «Два берега реки» можно сказать, что в борьбе «темных» и «светлых» сил образы первых даны общими, абстрактными мазками: это что-то отвратительное и бесформенное, наподобие аллегорической черной тучи, окутавшей народ. Из темной массы Осуществляющих Правила несколько более подробно выделяются «чер-

ные» охранники, которые издеваются над людьми, бьют их и оскорбляют. У некоторых из них даже есть портретные характеристики. Вот, например, какими предстают перед маленьким избитым Каном его мучители-охранники: «Кан с ненавистью смотрел вслед людям, которые удалялись от него. Они выглядели очень устрашающе с черными башлыками на головах и в длинных черных одеяниях, доходящих до самых пят. По сути, своими лицами, покрытыми толстым слоем грязи, поверх которой были нанесены черные линии растительной краски, они напоминали странных существ» [3: 123].

Образы «светлых» более индивидуализированы, это конкретные герои — юноша Агхаринтай, его старый наставник Танка, непокорный мальчик Кам, его брат Кама и жена брата (кандидатка в Монахиню Света Сунамар), Монахини Света/Проводник Гаиах-ана (Белая Ведьма, которая провела всю свою жизнь в Лесу Света) и Аргения, дух наставника Танки Хулатх.

Старый Танка рассказывает духовному ученику Агхаринтаю историю своего рода Тиртанка, который привел многие племена на территорию реки после Потопа, поскольку там были плодородные земли. Долгое время они жили в мире и благополучии, пока власть не взяли Осуществляющие Правила. Увести из этих земель недовольных оказалось нелегким делом, многих правители ловили и сурово наказывали [3: 105].

Танка рассказывает юноше Агхаринтаю и историю появления «темных» сил на земле. В древние времена живые существа не могли жить на земной поверхности, поскольку солнечные лучи их обжигали. Поэтому все они, в том числе и люди, жили под землей. Под землей было проложено множество туннелей, чтобы обеспечить проход в любое место. Постепенно условия на поверхности земли стали пригодны для жизни. Поэтому многие племена вышли из-под земли. Жизнь на поверхности была более яркой и разнообразной, но на людей обрушились несчастья, поток негативной энергии, так как слои земли выполняли функцию фильтра, процеживающего негативную энергию, не позволявшего ей проникнуть внутрь земли. На поверхности люди лишались этого щита. Их сердца огрубели, воцарились вражда, эгоизм, невежество. Начались бесконечные войны. Те, кто был на поверхности, ненавидели тех, кто был под землей. В туннели стали направлять воинов, чтобы уничтожить подземных людей, поскольку те, со своими знаниями, покушались на

несправедливый строй тех, кто был на поверхности. Взрывы в туннелях привели к катаклизмам на поверхности: Великий Потоп, Великое переселение народов. Люди на поверхности все больше стали жить кланами. Некоторые кланы взяли власть в свои руки. Появились правящие классы (Осуществляющие Правила) и рабы. Осуществляющие Правила боялись и ненавидели Подземную Страну Агхарта, где жизнь означала знание, равные права для всех. Жители Агхарты закрыли туннели и стали жить так, чтобы помочь тем, кто на поверхности. Они стали учителями для людей земли, носителями правды. Но в людях на поверхности земли продолжали расти негативные чувства, питаемые страхом перед правителями и их запретами. На землю словно опустилась ночь. Свет знания уступил место тьме. Осуществляющие Правила праздновали победу, они закрыли все выходы подземных людей на поверхность земли. Только последнюю дверь они не могли найти. Тогда подземные люди стали приходить на землю в душах рождавшихся на земле младенцев. Проводниками Света являлись и Монахини Света с кандидатками в Монахини Света, которые тоже были связаны с подземным миром [3: 114–119].

Как и в любой фэнтези, в «темной» фэнтези большое место занимают чудеса и волшебство. Все представители «светлых» сил могут отделять свое тело от сознания/души и совершать астральные путешествия. Причем эти путешествия совершаются не только во сне, но и в состоянии бодрствования. Агхаринтай вместе с Танкой совершают такое путешествие в Пещеру Наказаний, где лежит измученный пытками «черных» охранником маленький Кам, чтобы поддержать мальчика [3: 76–77]. В эту же пещеру летает душа Агхаринтая, когда там издеваются над его возлюбленной Монахиней Света Аргенией. Во время таких путешествий герои видят свои собственные тела, лежащие на земле и ощущают, как их души парят в воздухе. Парит над своим истерзанным телом и Гаиах-ана, когда «черные» охранники приходят в ее хижину в Лесу Света и убивают пожилую Монахиню Света. Гаиах в этот момент полностью потеряла свою связь с телом, закончила земное существование в Тонком Мире земли. Теперь она стала Звездной Монахиней. До завершения своего земного пути Гаиах успела сообщить молодой кандидатке в Монахини Света Сунамар, что земля окружена линиями священной энергии, эти линии сохраняются Учеными Подземной Страны, они заставляют течь всеобщую жиз-

ненную энергию в эти линии-трубы, которые выходят на поверхность. Одна из точек выхода энергии на поверхность — Проклятый Колодец, который стремятся затопить раскаленной и расплавленной рудой Осуществляющие Правила. Но это «темным» силам не удастся. Энергия Света проявляется на земле в трех формах — любовь и самопожертвование, надежда и доверие, мечтания.

Положительные герои, Проводники Света могут влиять на сны других людей, препятствовать отрицательному воздействию сна на человека. Старый Танка «вошел» в сон Агхаринтая. Он привел свое сознание в соответствие с видениями юноши, когда тот тяжело дышал под черным облаком. Танка создал пучок света, разрушивший черное облако и защитил своего юного друга: «Танка сконцентрировался и привел свое сознание в соответствии с теми видениями, которые возникли в голове спящего Агхаринтая. То, что увидел старик, его совсем не обрадовало. Агхаринтай тяжело дышал, находясь внутри черного облака. Словно он был накрыт сверху темного цвета шатром. Он нуждался в помощи. Танка оглянулся по сторонам, не зная точно, что ему делать. Вдруг напротив него появился пучок света. Свет сосредоточился на Агхаринтае и начал литься с головы юноши вниз, по его ногам. Он лился, лился, лился... Свет рассекал черное облако вокруг Агхаринтая, и постепенно пространство вокруг юноши раскрылось и просветлело. Прозрачный, текучий свет превратился в некие создания, которые образовали круг. Танка узнал одного из них, это был его наставник Хулатх, стоявший в середине круга. Круг, состоящий из Хулатха и множества других созданий, являющихся Проводниками Света, постепенно расширялся и увеличивался. В конце концов, темный колпак, который пленил в себе Агхаринтая, с сильным шумом лопнул и исчез» [3: 126–127].

Кроме того, Танка постоянно встречается в астрале и ведет беседы со своим наставником Хулатхом, которого давно нет в живых: «В тот момент Танка вздрогнул от мыслей, которые проявились в его сознании. “Спокойно, Танка... Во Вселенной ничего не происходит само по себе и без связи с другими...” Он почувствовал озноб от слов Хулатха. Он закрыл глаза и поднял голову. Среди ярких видений он увидел круг, состоящий из множества светящихся существ, среди которых в этом Тонком Мире был и Хулатх. На него словно бы вылился поток любви. “Танка, оставайся спокойным... Но в то же время будь и серьезным... Существует то, что нужно сделать нам всем. Если это будет сделано, то

стрела попадет в свою цель... Все друг с другом связано... Дыхание, которое ты пропускаешь через свои легкие — это дыхание всей Вселенной. Земля, по которой ты ступаешь, связана с почвой всех стран. Вода, которую ты пьешь, — это часть океана. Небо, которое ты видишь, находится в тебе. Сверкающее солнце — это огонь твоего сердца”. Слова наставника, воспринятые Танкой, утихомирили все его волнения. В нем вновь проявились спокойствие и уверенность, которые он не чувствовал вот уже многие годы. В сознании молнией промелькнула волнующая его мысль: “Что и сколько я должен рассказать Агхаринтаю?” Обстоятельный ответ с большим количеством разъяснений не заставил себя ждать: “Все должно произойти естественно. Если потребуется, то ты сможешь все объяснить без волнения. Время от времени тебе может понадобиться помощник для объяснения некоторых вещей. Особенно это касается снов и видений Агхаринтая. Но ни в коем случае не забудь следующего: они, эти видения строго организованы и предопределены. Каждый должен делать то, что ему выпадает. Но никто не может оказывать давления на другого. У каждого есть свобода выбора. Смотри не вмешивайся. Ты не сможешь облегчить достижение Агхаринтаем его цели, ибо это выше тебя и выше его самого. Эту цель он уже выбрал, хотя в настоящий момент он еще сам этого не осознал. Только когда он осознает до конца свою цель, он сможет ее осуществить. А цель эта — достичь народа Подземной Страны Агхарта и обеспечить его выход на дневной свет”. Танка уважительно воспринял слова, переданные мысленно ему его проводником. Всю силу их воздействия на себя Танка даже точно не мог сразу осознать. Впрочем, так было всегда, на протяжении многих лет, когда он общался со своим наставником. Внезапно Танка забеспокоился, сможет ли он снова мысленно оказаться рядом с наставником, если жизнь поставит его перед трудным выбором?» [3: 112–113].

Агхаринтай может предвидеть события. При встрече с незнакомым человеком он заранее знает его имя, даже если это имя ему никто не говорит. Так происходит знакомство юноши с Танкой [3: 104–105], с Монахиной Света Гаиах [3: 211]. Находясь в трансе, Агхаринтай узнает и свое собственное имя, а также то, что он представитель древнего рода Подземной Страны Агхарта: «Старик Танка подошел к нему и сел, он положил руку на лоб молодого человека и начал беззвучно что-то бормотать. Прикосновение старика пошло юноше на пользу. Он, сделав движение рукой, свидетельствовавшее, что ему стало лучше, постарал-

ся что-то сказать, но слова, родившиеся в нем, он не мог выплеснуть наружу. Он снова попробовал ...“А...Аг...Агхаринтай,” — смог произнести. При каждом повторении слова, что-то происходило в глубинах его души. Он встал на ноги, быстро раздувая грудь, развел руки в стороны и во все горло закричал: “Агхаринтай!” Его голос эхом отозвался в сводах пещеры. Человек, находящийся напротив Танки, мог бы вытащить тайны, спрятанные в глубине собственной личности, мог бы открыть двери Подземной Страны? Танка не был в этом уверен. Но он теперь точно знал, что этот юноша действительно из рода Агхарта, что он — личность, имеющая прямое отношение к Подземной Стране, он — ее член» [3: 109].

Роман завершается тем, что народ реки восстает против Осуществляющих Правила и ждет возвращение Агхаринтая, чтобы он возглавил восстание. Юноша возвращается, вновь переплывает бурлящую реку. Против него Черный Совет направляет волшебство: охранники стреляют в него стрелами из черных змей. Но стрелы не попадают в юношу, поскольку появляется в небе Белый Дракон и поглощает все стрелы. «Темные» силы в страхе разбегаются. «Волшебство разрушено, белое волшебство победило черное волшебство. Черные волшебники и стрелки в ужасе бегут, а огромный Белый Дракон исчезает также быстро, как он и появился» [3: 297]. Осуществляющие Правила уходят из этих мест и народ становится свободным.

Монахиня Света Аргения появляется в воздухе в виде птицы, потом оборачивается белым дельфином и уносит своего возлюбленного Агхаринтая в бурные потоки реки. Народ не знает, что с влюбленными произошло потом. Поговаривают, что они через Водяную Дверь зашли в Подземную Страну, где с ними происходили различные приключения. Также ходят слухи о том, что выйти из Подземной Страны Агхаринтай не может, потому что выход осуществляется только через Огненную Дверь, которая все еще под контролем Осуществляющих Правила. Но народ ждет возвращения юноши, называя его своим спасителем и избавителем от клана Осуществляющих Правила. Они ждут его нового прихода, даже называют даты этого события .

В заключении можно сказать, что основные принципы «темной» фэнтези сохраняются в романе Г. Огюта. Главная интрига произведения строится на противостоянии Добра и Зла. В отличие от романа С. Эрсина Зло имеет неперсонифицированный характер, добро же, наоборот,

проявляется в индивидуализированных образах. И, наконец, элементы фольклорной поэтики (волшебная сказка, быличка, легенда) проявляются на всех уровнях художественного текста.

Литература:

1. Ersin S. Zülfikar'ın Hükümü. — İstanbul: KaraKutu, 2005. — 373 s.
2. Ersin S. Erbain Fırtınası. — İstanbul: KaraKutu, 2006. — 390 s.
3. Öğüt G. Nehrin İki Yakası. — İstanbul: Yitik Ülke Yayınları, 2020. — 300 s.

Р. И. Сагдеева

**Типологические особенности английского языка
как препятствие для успешного его освоения
носителями турецкого языка**

Аннотация: Данная работа посвящена анализу турецкого и английского языков с точки зрения их морфологической классификации, а также их типологическому сравнению и выявлению природы ошибок, которые могут возникнуть у носителей турецкого языка при использовании английского.

Ключевые слова: турецкий язык, английский язык, морфологическая классификация языков, типологическое сравнение языков.

R. I. Sagdeeva

**Typological features of English as an obstacle to its
successful acquisition by native Turkish speakers**

Abstract: This work is devoted to the analysis of the Turkish and English languages from the point of view of the morphological classification of languages, as well as their typological comparison and identification of the nature of mistakes that may occur in Turkish speakers' speech when using English.

Key words: Turkish language, English language, morphological classification of languages, typological comparison of languages.

В связи с последствиями глобализации и развитием межкультурных отношений за последние пятьдесят лет в Турции резко возросла потребность в изучении иностранных языков, главным образом английского, который за полвека приобрел статус мирового языка и тем самым создал условия для активного его изучения туркоговорящими. Однако несмотря на осознание турками важности освоения этого языка, Турция причисляется к странам с низким уровнем владения английским языком, занимая 69 [1] и 70 [2] места в разных рейтингах. В Интернете можно найти множество статей на турецком языке с заголовками «Почему мы

всё никак не можем выучить английский язык?» Сами турки, пытаясь ответить на данный вопрос, относят к причинам неверный подход к обучению, неэффективную и устаревшую методику преподавания, нехватку практики и многое другое [3]. Однако мало кто задумывается о том, что их родной язык и изучаемый относятся к разным языковым семьям, различаются по морфологическим типам и языковому строю. Поэтому типологическое сравнение данных языков, то есть анализ их структур, синтаксического и морфологического строя поможет выявить природу совершаемых турками ошибок.

Существует два основных вида классификации языков — генеалогическая и типологическая. Основное различие между ними состоит в том, что первая базируется на понятии языкового родства, а вторая — на понятии сходства формального и/или семантического.

При типологической классификации языков принимаются во внимание как морфологические, так и синтаксические признаки. Однако в наибольшей степени разработана морфологическая классификация, т. е. классификация языков по их морфологическим особенностям, поскольку изменения слов, являющиеся объектом изучения морфологии и составляющие морфологическую сторону языка, служат для выражения определенных синтаксических отношений.

Появление первых морфологических классификаций языков связано с именами братьев Шлегелей и Вильгельма фон Гумбольдта. В результате их деятельности было принято разделение языков на изолирующие, флективные, инкорпорирующие и агглютинативные.

Наряду с морфологической классификацией языков их разделяют и в соответствии со строем в зависимости от способа выражения грамматических значений: вне слова (аналитический способ) и внутри слова (синтаксический способ).

Далее будут рассмотрены только те категории, которые различаются в турецком и английском языках настолько, что вызывают допущение ошибок в английской речи носителями турецкого языка. Хотелось бы отметить, что использованные далее примеры взяты из реальной английской речи турок, зафиксированной и размещенной в сети Интернет в формате видеоматериалов.

1. Категория определенности / неопределенности

В турецком языке категория определенности/неопределенности является «скрытой» и, как и в английском языке, может выражаться по-

разному. Несмотря на то что в турецком языке нет системы артиклей, за формой основы количественного числительного *bir* закрепилось значение неопределенного артикля, соответствующего английскому *a/an*. Тем не менее, в действительности при использовании английского языка туркоговорящими было замечено допущение ошибок, связанных с использованием (неиспользованием) неопределенного артикля:

She's very important teacher [4] (ождается неопределенный артикль: *She's a very important teacher*)

She is English teacher [5] (ождается использование неопределенного артикля: *She is an English teacher*).

Что касается категории определенности, в английском языке она в том числе может выражаться с помощью определенного артикля *the*, которому нет аналога в турецком языке. Видимо, носителю турецкого языка будет понятно, что надо использовать артикль *the*, когда необходимо определить прямое дополнение, которое он оформил бы винительным падежом в турецком предложении, например:

Kerem kitap aldı (=Kerem bought a book).

Kerem kitabı aldı (=Kerem bought the book).

Однако во всех других случаях, предположительно, использование носителями турецкого языка определенного артикля *the* может вызвать трудности.

2. Категория множественности (числа)

Основное значение категории числа в английском языке — противопоставление единичности и множественности предметов (под множественностью имеется в виду количество свыше одного), в то время как форма с аффиксом *-lar* в турецком сигнализирует о разнородности, множественности предметов. Турецкое имя существительное, лишенное показателя множественности, не представляет количественного значения, то есть оно может подразумевать собой как единицу, так и множество предметов. Кроме того, в английском языке имеется подкатегория исчисляемости / неисчисляемости, которая в турецкой грамматике не выделяется. Такая особенность английского языка может повлечь за собой появление ошибок в речи туркоговорящих:

A really non sense informations about BTS [5].

Существительное *information* относится к неисчисляемым, поэтому не может использоваться в форме множественного числа.

3. Категория рода и одушевленности / неодушевленности

Несмотря на то что категория рода в английском языке окончательно исчезла к концу среднеанглийского периода (XIV–XV вв.), в языке остались местоимения, указывающие на биологический пол или неодушевленность (*he, she, it*), в то время как в турецком языке категории рода и одушевленности / неодушевленности отсутствуют совсем, что в теории может привести к ошибкам турок в использовании английских личных местоимений 3 лица.

4. Категория склонения

В турецком языке объектные отношения между компонентами высказывания передаются с помощью аффиксов падежей. В силу того, что в английском языке система падежей утратилась (за исключением личных местоимений) и что его традиционно причисляют к аналитическим, в нем эти отношения передаются с помощью служебных частей речи (предлогов, союзов, частиц, артиклей). Другими словами, объектные отношения между компонентами высказывания в турецком языке передаются синтетическим способом, а в английском языке — аналитическим. Обилие чаще всего не взаимозаменяемых друг друга английских предлогов, а также отсутствие четкого их соответствия турецким падежам приводит к допущению ошибок туркоговорящими при использовании английского языка:

*The fans wrote me **from** Twitter* [6] (калька с турецкого: *Twitter`dan yazdi*; правильный вариант: *They wrote me **on** Twitter*).

I listened them a lot [5] (правильный вариант: *I listened to them a lot*).

Таким образом, среди именных категорий английского языка наиболее трудными для освоения и использования носителями турецкого языка являются категория склонения, определенности / неопределенности, множественности (а именно подкатегория исчисляемости / неисчисляемости), а также категория рода и одушевленности/неодушевленности.

Литература:

1. Рейтинг стран по уровню владения английским языком // <https://nonews.co/directory/lists/countries/english-proficiency-index> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Крупнейший в мире рейтинг уровня владения английским языком // <https://www.ef.ru/epi/> (дата обращения: 15.03.2022)
3. Neden düzgün İngilizce öğrenemiyoruz // <https://www.cnnturk.com/yasam/neden-duzgun-ingilizce-ogrenemiyoruz?page=3> (дата обращения: 15.03.2022).
4. İngilizcesi Nasıl? Türk Oyuncuların İngilizcelerine Tepki // YouTube // https://www.youtube.com/watch?v=IzP3saelWf4&ab_channel=Re%C5%9Fat%C3%96ren
5. İngilizcem Nasıl? Cambly de Ücretsiz Kendimi Deniyorum. Canlı İngilizce Diyalog-Konuşma. Speaking // YouTube // https://www.youtube.com/watch?v=2XQFLl6JtU4&ab_channel=KOLAY%C4%B0NG%C4%B0L%C4%B0ZCEwithus
6. Türk Ünlülerin İngilizcesi Nasıl? [Видеозапись] // YouTube // https://www.youtube.com/watch?v=w5lRrAC60LY&ab_channel=Re%C5%9Fat%C3%96ren

Г. А. Серкина

К вопросу о происхождении кухонной чаши-пиалы и современных ритуальных сосудов тюрков

Аннотация: Жизнь первобытных людей открывается перед нами все больше и больше благодаря археологическим находкам — предметам из обихода древних людей. Но не меньше помогают приоткрыть плотную завесу первобытной истории и другие источники — это письменные памятники древних цивилизаций. Но также существуют методы экстраполяции и переноса, которые помогают воссоздавать и реконструировать жизнь древних людей.

Ключевые слова: череп, чаша (пиала), антропофагия, голова, культ предков.

G. A. Serkina

To the Question of the Origin of the Kitchen Bowl-Piala and Modern Ritual Vessels of the Turks

Abstract: The life of primitive people opens up to us more and more thanks to archaeological finds — objects from the everyday life of ancient people. But no less help to open the dense veil of primitive history and other sources — these are written monuments of ancient civilizations. But there are also extrapolation and transfer methods that help to recreate and reconstruct the lives of ancient people.

Key words: skull, bowl, anthropophagy, head, ancestor cult

Многие наши обычные бытовые вещи и предметы за долгое время использования стали настолько привычными и уже ничем не примечательными в своей обыденной функциональности, что никто не догадывается, что до своего широкого вхождения в быт они имели длительную историю использования в сакральной сфере. К ним относятся популярные в Азии округлой формы чаши без ручки — пиалы. Форма пиалы — самая древняя, которая буквально повторяет форму первичного сосуда, которое человечество стало использовать на заре своей истории — че-

ловеческого черепа (полусферического свода черепа). Все остальные сосуды округлой формы, которые известны нам на сегодняшний день, являются репликами пиалы на разной стадии видоизменения. Трансформация — результат приспособления под специализированные нужды в определенной сфере — либо за счет увеличения размера, либо за счет добавления дополнительных деталей (ручка, поддон, ножка, носик, крышка) и декора. К таким сосудам, развившимся из первичной полусфероидной чаши (пиалы), следует отнести большинство чаш и сосудов Евразии, все они имеют округлую форму: древнерусские братины, чары, ковши, енды, котлы кочевников, узбекские коса (каса), кубки и многие др. Если первичная чаша (пиала) и развившиеся из нее формы на ранних исторических этапах использовались главным образом при определенных обстоятельствах, относящихся к обрядовой жизни, то со временем они все чаще используются в качестве обычной посуды. Исключение составляют лишь якутские чороны (от «чара» — «большая чаша» в тюрко-монгольских языках), которые и поныне используются в основном в праздничных церемониях, относящихся к сфере плодородия. Форма чорона напоминает форму рюмки, однако своими размерами достигает размеров ведра. Все перечисленные сосуды, начиная с прототипа (черепа), первоначально использовались исключительно для принятия священных напитков. Священными напитками древних людей являлись напитки белого цвета — молочные напитки и алкогольные напитки молочного происхождения, а также человеческая кровь.

Такой элемент первобытной культуры, как каннибализм, дожил до нашего времени, лишь затаившись в глухих и недоступных уголках планеты, в стороне от цивилизации — где-нибудь в джунглях Меланезии. Тем не менее следы былой антропофагии продолжают сохраняться и в цивилизованном мире. Они проглядывают через тысячи прозаичных для современного человека мелочей, которые стали для него привычными и обыденными. Они проглядывают в бытовых предметах и обычаях, которые кажутся странными на первый взгляд, например, в обычае избавления от волос буддийских монахов или в тонзуре католического духовенства. У древних людей эпохи земледелия человеческие волосы рассматривались как своего рода образ дождя. Древнегреческие подростки при достижении совершеннолетия отправлялись в Дельфы и посвящали свои волосы богу. У туркмен был обычай

бросать в воду череп с написанными на нем именами сорока плешивых в качестве жертвы Буркату с просьбой о дожде. В то же время охотничьи народы рассматривали скальпы с волосами как божественное средство защиты. Только избранные воины у индейцев шайеннов могли носить «метаксегрин» — священную рубаху со скальпами врага.

Наделение кусочками ткани или одежды усопшего пожилого человека участников церемонии у тюрков Средней Азии — это своего рода парафраз скифского обычая угощать соплеменников кусочками тела умершего [1: 20]. Исходя из этнографического материала, можно наблюдать, что подобное отношение проявлялось не ко всем покойникам, а только к тем, кто был должжителем и прожил правильную с точки зрения традиционного общества жизнь. То есть являлся своего рода символом плодородия: имел много детей, процветающее хозяйство, отличался отменным здоровьем и пользовался по своим внутренним качествам уважением соплеменников. Поэтому такой обычай на похоронах, когда раздают кусочки ткани (обряд йыртыш), накрывавшей табут (деревянные носилки, на которых несут покойного к месту погребения), и его одежду, является по своей сути распределением благодати и кута (счастливой судьбы) покойного среди сородичей. Этот обычай есть рудимент древнейшего по своему происхождению культа предков, когда вместо захоронения тело старого члена рода поедали его потомки — дети и внуки. Таким способом, по мнению общества, которое исповедовало обязательность передачи потомкам жизненной силы и положительных качеств личности усопшего, эти важные для выживания качества должны были циркулировать только внутри рода, тем самым усиливая его могущество. К культу предков следует отнести также и межевые ограждения. В то время как славяне помещали кости покойника после его сожжения на межевые столбы, которые охраняли границы разных владений, другие народы для охраны помещали черепа. И казахи, и тюрки Средней Азии втыкали во всех местах, где выращивалась любая сельскохозяйственная культура, охранные жерди, увенчанные черепом животного (лошади, верблюда или коровы). Цель, которая преследовалась при этом, — уберечь посевы от сглаза [2: 61]. Как видим, первоначальный древний обычай охранения предком своей родовой территории от вторжения чужаков со временем претерпел значительные изменения, подвергся радикальным нововведениям, включая закладываемую смысловую семантику. Башкиры помещали в каче-

стве охраны череп коня над бортью, на воротах своего домовладения, также на отдельно стоящих шестах.

Об использовании человеческих черепов в качестве чаши существуют, как письменные свидетельства, представленные китайскими хрониками династий и античными авторами, так и этнографический материал. Но что касается археологических источников, то тут по понятным причинам доказательства практически отсутствуют. Однако недавно английскими археологами были обнаружены в пещере Гоф (Сомерсет, Англия) человеческие кости и черепа, радиоуглеродный анализ определил их возраст – 14700 лет (верхний палеолит) [3: 1]. Прижизненные манипуляции с ними говорят о существовании каннибализма среди обитателей пещеры. Ретуширование и удаление ненужных частей (изломы) у черепов свидетельствуют о том, что они были подвергнуты обработке, чтобы придать черепам форму, которая более удобная для эксплуатации, то есть форму чаши.

Многочисленный материал о жизни древних людей, представленный археологическими находками, древними письменными источниками, обращениями к жизни людей архаизирующих культур в современном мире, свидетельствует о том, что между антропофагией и культом предков прослеживается тесная связь. Однако полагать, что они возникли одновременно, будет ошибочным. Любой культ (обожествление) мог возникнуть лишь на стадии возникновения религиозных зачатков. Довольно трудно представить, что предки людей, стоящие по уровню своего развития ближе к животному миру, чем к человеческому социуму, могли осознавать нечто абстрактное. Религиозные отношения возникают лишь при развитии абстрактного мышления у древних людей. Для дорелигиозного человечества характерно конкретное мышление, которое опирается исключительно на реальность: что вижу и ощущаю, то и существует. Поэтому предельной включенностью в реальность можно считать именно тело человека — абсолютно реальное, конкретное, доступное для изучения. Тело становится для древних людей своего рода мерилем всех вещей при освоении ими окружающего пространства. Первоначальная цветовая шкала заключала в себе лишь два ахроматических цвета — белый и черный. Белый цвет олицетворял цвета телесных жидкостей с положительными свойствами (молоко, семя). Поскольку черный цвет не имеет прямой связи с телом, то, скорее всего, на его появление в ориентационной системе первобытного человека

могло повлиять в первую очередь смена дня и ночи. Красный цвет появляется позднее, во всяком случае, в виде ее материального субститута — красной охры, которой неандертальцы обсыпали тела мертвых. Этот факт свидетельствует о появлении зачатков религии у неандертальцев, а, значит, зарождения у них абстрактного мышления. Во всяком случае, об этом можно уверенно утверждать, опираясь на исторические аналогии: народы Средневековья продолжали обсыпать своих покойников красной охрой, тем самым желая им нового перерождения. Это говорит о живучести и сходстве, а также о возможной преемственности представлений о крови как о символе жизни, несмотря на громадный временной разрыв. Этим можно объяснить живучее у многих народов убеждение в том, что предок возрождается / воплощается в теле своего потомка. Это одна из причин ритуального поедания тела умершего его потомками. Другая причина заключалась в том, чтобы его жизненная благодать сохранялась в роду. Этим ритуальным обстоятельствам соответствует предметная атрибутика.

Еще одна вероятная причина появления культа черепов — это стремление забрать / отобрать благодать у чужих, у иноплеменников. Можно предположить, что такое явление могло возникнуть как месть или как средство унижить и подчинить себе чужое племя. Кроме того, боги многих древних архаичных культов требовали человеческих жертвоприношений, судя по гекатомбам в доколумбовых культурах. Вероятно, во избежание истребления собственного рода и племени, предпринималась охота за головами соседнего племени. Так, солорцы (Восточная Индонезия) утверждают, что их высшее божество еще в незапамятные времена повелело им воевать и охотиться за головами, чтобы ему в качестве жертвоприношения приносились черепа. Голова, по представлениям древних народов, является вместилищем жизненной силы, жизненной сути самого человека, его благодати. Поэтому в религиозных представлениях большинства народов голова приобрела сакральный статус. Так, через испытание крови врага из его же черепа пребывавшая там сила и благодать автоматически переходила к триумфатору. О голове как о важном трофее говорят артефакты материальной культуры кочевых народов. Так, к коню всадника на орлатской пластине приторочена истекающая кровью голова врага [4: 91]. Фигурные подвески из кожи, в стилизованной форме передающие человеческую голову, украшали седло пазырыкцев [5: 57]: живые головы, которые подвешива-

лись к седлу, со временем проявились как орнамент. Многочисленные свидетельства письменных народов Евразии также зафиксировали этот обычай, распространенный у кочевых народов. В китайских летописях сообщается о том, что после победы над юэцжи в 164 году их победитель — сюннуский шаньюй сделал из черепа поверженного правителя жертвенную чашу [6: 21–22].

Такой же обычай зафиксирован у поздних кочевников – болгар. Болгарский князь Крум, разбив византийскую армию в 811 году, из черепа павшего императора Никифора I сделал себе чашу. Похожий обычай существовал у инков, которые из черепов убитых врагов делали чаши для вождей, предварительно украсив поделочными камнями, бирюзой и золотом.

Литература:

1. Ивик О. Еда Древнего мира // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=172110&p=20&ysclid=18b9v5d8jb742800888> (Проверено 21.09.2022)
2. Кармышева Дж. Х. Земледельческая обрядность у казахов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки / Отв.ред. В. Н. Басилов. — М., Наука, 1986. — С. 47–70.
3. Bello S. M., Parfitt S. A., Stringer Ch. B. Earliest Directly-Dated Human Skull-Cups // URL: https://www.researchgate.net/publication/50228267_Earliest_Directly-Dated_Human_Skull-Cups/link/0f59ce91382967fd9cb1eef3/download (Проверено 21.09.2022)
4. Яценко С. А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // Вестник Древней Истории. — 2000. — № 4. — С.87–104.
5. Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). — М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961. — С. 88.
6. Зуев Ю. Восточные связи приаральской страны Яньцай (Абзойи) // Культура кочевников на рубежах веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации: Тезисы докладов Международной конференции. Алма-Ата, 5–7 июня 1995. — Алма-аты, 1995. — С. 21–22.

К. А. Слипчик

Отношения Турции и Центральной Азии на современном этапе

Аннотация: В статье рассматривается влияние пантюркизма на политику тюркоязычных стран в наши дни. Тема работы является актуальной, поскольку внешняя политика современной Турции в отношении государств с преобладающим тюркским населением характеризуется как «неопантюркизм». Актуализация пантюркизма, причем не только в плане связки Турция–Азербайджан, но и в отношении стран Центральной Азии, требует, наряду с рассмотрением фактов недавнего времени, детального анализа.

Ключевые слова: пантюркизм, неопантюркизм, Турция, Центральная Азия, Организация тюркских государств, Туран.

К. А. Slipchik

Relations between Turkey and Central Asia at the Present Stage

Abstract: This article examines the influence of pan-Turkism on the politics of the Turkic-speaking countries today. The topic of the work is relevant, since the foreign policy of modern Turkey in relation to states with a predominantly Turkic population is characterized as “neopan-Turkism”. The actualization of pan-Turkism, not only in terms of the Turkey-Azerbaijan connection, but also in relation to the countries of Central Asia, requires, along with consideration of recent facts, a detailed analysis.

Key words: pan-Turkism, neo-pan-Turkism, Turkey, Central Asia, The Organization of Turkic States, Turan.

В основе внешней политики Турецкой республики всего периода существования лежат геополитические интересы, не связанные напрямую с экономикой или культурой. Интересной особенностью центральноазиатского региона является способность сохранения политической стабильности даже при условии возникновения крупного геополитиче-

ского противостояния. Однако все участники этой игры пытаются заполучить те или иные преимущества в одностороннем порядке.

В наше время Турция пытается выстроить отношения с обеими странами, которые имеют огромное влияние в Центральной Азии, — Россией и Китаем. Однако после недавних событий в Нагорном Карабахе возникает вопрос, сможет ли Турция и дальше балансировать между всеми сторонами. Россию и Турцию связывают общие интересы, но, принимая во внимание все исторические и геополитические события, которые происходили между Россией Турцией, сложно что-либо прогнозировать [2: 38].

В текущей ситуации главная цель внешней политики Турецкой республики — это превращение в такую державу, которая будет принимать участие в решении всех проблем глобальной безопасности и мирового порядка. «Президент Эрдоган на конгрессе партии ПСР заявил, что “Турция будет увеличивать количество друзей”, и подчеркнул, что “у Анкары нет предпочтений перед Западом или Востоком, а есть желание найти золотую середину”» [1].

Во-первых, для Анкары Центральная Азия не является регионом первоочередной важности, скорее «целью второго порядка», во-вторых, этот регион подходит для проведения прагматичной политики, которая включает в себя влияние других мировых центров, и, в-третьих, это пространство, с помощью которого Турция продвигает свои интересы, создавая и развивая пути и механизмы коллективного и двустороннего сотрудничества в Центральной Азии, что в перспективе может гарантировать соблюдение её интересов.

Одним из результатов тесного стратегического сотрудничества между Турцией и странами Центральной Азии и Азербайджаном могло бы стать создание организации с принципами и целями, аналогичными принципам и целям НАТО. Усилия в этом направлении предпринимаются уже много лет, наряду с выработкой возможных общих позиций и членского состава. Этой инициативой станет так называемая «Туранская армия».

27 октября 2020 г. турецкая газета *Turkiye Gazetesi* опубликовала материал под заголовком «Путь — Туранская армия». В статье турецкие военные высказывают общее мнение, что конфликт в Нагорном Карабахе, во время которого была задействована турецкая военная техника, может стать началом развития идеи армии Великого Турана.

«Армия Турана» — это военный союз между тюркоязычными странами [7]. Поездка Хулуси Акара в Казахстан, по мнению ряда авторов, также считается одним из шагов к достижению этой цели [7]. По мнению старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН Виктора Надеина-Раевского Анкара действительно активизировалась и ищет пути развития идей пантюркизма [3]. Он отмечает, что пантюркизм стал крайне популярным в Турции. Партия националистического движения стоит на позициях пантюркизма и солидарна в этом с президентом Реджепом Эрдоганом. «Эрдоган играет на их пропаганде, их агитации, их сторонниках, организации этих сторонников, потому что собственная электоральная база у него не столь велика. Без них большинства он бы не собрал, поэтому делает такую ставку. То есть интерес здесь не только внешнеполитический, но и внутривластный», — говорит эксперт [3].

На данный момент главным союзом тюркоязычных стран является созданный в 2009 году Тюркский совет, объединивший всех стран-представителей тюркского мира, за исключением Туркменистана. «До сегодняшнего дня мы говорили: “Одна нация — два государства”. Вчера я заявил, что теперь мы стали одной нацией, пятью государствами. Дай Бог, Туркменистан тоже примкнет к нам, и таким образом мы станем одной нацией, шестью государствами, усилим совместное сотрудничество в регионе», — заявил Эрдоган после очередного собрания совета, прошедшего в октябре 2019 г.

«Путь к пантюркизму — всегда путь военный, путь вытеснения других народов и национальностей. Это примитивная, но очень непростая в осуществлении идея. Создать этот Великий Туран, конечно, невозможно. Но в попытках создать его будет пролито очень много крови», — отметил Надеин-Раевский [3].

Создание еще одного военного союза может оказать негативное влияние на существующее стратегическое сотрудничество, поскольку военные союзы принципиально выступают против друг друга. Турция является членом НАТО, Казахстан и Кыргызстан являются членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которой Россия играет ключевую роль. Учитывая все это, создание нового стратегического партнерства означало бы расторжение прежних договоренностей. В настоящий момент сложно представить выход Турции из НАТО, так как Организация Североатлантического договора является своеобразной защитой страны от России. Теперь бытует мнение,

что девиз Азербайджана и Турции «одна нация два государства» теперь должен перетекать в форму «одна нация шесть государств» [6: 347–348]. Это важное заявление для будущего тюркского мира. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу недавно посетил Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. В ходе этих визитов было подписано много соглашений о сотрудничестве. Вновь министр национальной обороны Турции Хулуси Акар посетил Казахстан в рамках военного сотрудничества. Затем Турцию посетил вице-премьер, министр иностранных дел Казахстана Мухтар Тилеуберди [5].

В ходе официальных встреч на различных уровнях турецкое руководство использовало любую возможность, чтобы подчеркнуть важную роль своей страны в новых геополитических условиях. По словам премьер-министра Турции Сулеймана Демиреля, стратегическая роль Турции как стабильного члена НАТО в этом нестабильном регионе становится все более важной в системе региональных отношений после окончания холодной войны [8: 9]. Активная политика Турции в отношении тюркоязычных стран Центральной Азии заручилась поддержкой на Западе, особенно в Соединенных Штатах, поскольку Турция представляла собой хорошую альтернативу в регионе в качестве западного союзника, противостоящего Ирану, Китаю и Российской Федерации, которые стремились усилить свое влияние в центральноазиатском регионе [9: 73].

Учитывая все вышесказанное, фактическое создание Армии Великого Турана не кажется таким уж надуманным. Военное сотрудничество Азербайджана и Турции вполне может охватить и другие страны региона.

Уже можно констатировать превращение Турции в полноценную региональную державу. Для республик Центральной Азии пантюркизм является скорее методом, с помощью которого можно решить проблемы внутри страны, и отчасти возможностью торга в будущих переговорах с Москвой и Пекином, а с другой стороны, неоосманизм, который скрывается за пантюркизмом, является настоящей угрозой для народов этих республик.

В 2021 г. лидер турецкой парламентской партии националистического движения Девлет Бахчели вручил президенту Турции Реджепу Тайипу Эрдогану карту «Тюркского мира». А в феврале турецкий государственный телеканал TGRT выпустил карту, прогнозирующую расширение зоны влияния Анкары на юг России, что вызвало критику со стороны

депутатов Госдумы. Однако вряд ли Турция сможет существенно повлиять на Россию, считает востоковед Алексей Малашенко. Карта «тюркского мира» включает в себя некоторые регионы юга России (Кубань, Ростовская область, республики Северного Кавказа), Крым, Восточную Сибирь, а также Азербайджан, Казахстан, Балканы, Киргизию, Узбекистан, Синьцзян Уйгурский автономный район Китая, часть территорий Монголии и Ирана. Красным цветом отмечены Турция, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан. Оранжевым — некоторые страны Балканского полуострова, часть Ирана, южные районы России, а также большая часть Сибири и западная часть Монголии. Алтай, Якутия и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая отмечены желтым цветом. Что означают эти цвета, в подписи к опубликованной фотографии не указано.

11 февраля 2022 г. президент Эрдоган принял делегацию Совета аксакалов Организации турецких государств. На приеме Эрдоган подписал соответствующий президентский указ о Шушинской декларации, которая была принята на Генеральной ассамблее Великого национального собрания Турции. В декларации уделяется внимание таким вопросам, как политическое сотрудничество, экономические и торговые отношения, культура, образование, спорт, энергетическая безопасность и другие сферы.

Турция внимательно следит за событиями, которые происходят в Центральной Азии и которые могут стать причинами будущих конфликтов. Так, например, недавно произошел конфликт на границе Киргизии и Таджикистана. Однако реакция Анкары оказалась сдержанной: «Как Организация турецких государств, мы осуждаем применение оружия против гражданских лиц». К своим заявлениям Амреев добавил, что необходимо принять необходимые меры для предотвращения дальнейшей эскалации напряженности на границе двух соседних стран.

Литература:

1. Баталова А. Десять лет «арабской весны». 31.03.2021 // URL: <https://tengrinews.kz/opinion/desyat-let-arabskoy-vesnyi-1093/> (Проверено: 20.09.2022).
2. Грозин А. В. Политика Турции в постсоветской Центральной Азии: подходы, институты, перспективы // Постсоветский материк. — 2021. — 2 (30).

3. Грязев А. Армейская дружба: как Турция ищет союзников в Средней Азии // Газета.ру. 28.10.2020 // https://www.gazeta.ru/politics/2020/10/28_a_13337641.shtml?updated (Проверено: 20.09.2022).
4. Çare Turan Ördusu. 27.10.2020 // URL: <https://m.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/741999.aspx> (Проверено: 20.09.2022).
5. Tomar C. Turkish Council: From one nation to six states, Kazakhstan, Uzbekistan, Azerbaijan, Kyrgyzstan, as well as Hungary to participate in informal Turkish Councilsummit. 01.04.2021 // URL:<https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-turkish-council-from-one-nation-to-six-states/2195343> (Проверено: 20.09.2022).
6. David Biro. The Turan Army. Opportunities for a new military cooperation led by Turkey // Nuova AntologiaMilitare. — 2021. — 8:2. — P. 347–348.
7. Organization of Turkic States // URL:<https://www.turkkon.org/en/turk-konseyi-hakkinda>
8. Demirel S. Newly Emerging Centre // Turkish Review. — Winter1992. — Vol. 6. — No. 30.
9. Chotoev Z. The Turkish Factor in the Evolution of the Central Asian Republics // Central Asia and the Caucasus. — 2003. — No. 2 (20).

*N. N. Telitsin***Intikul'dan bir runik yazıtı üzerine****On a Runic in Scription from Intikul**

Abstract: The monument was found in the summer of 2016 by Anna Mukhareva, an employee of the Kemerovo University, while examining the burial mounds of the Tagar archaeological culture (I millennium BC) in the steppe on the border of Khakassia and the Novoselovsky district of the Krasnoyarsk Territory, not far from Lake Intikul (Intikol).

The runic inscription consists of two vertical lines and 28 characters, applied in thin carved lines on one of the barrow slabs over the figures of deer. Judging by the manner of execution, the deer drawings were made at the same time as the inscription — in the Middle Ages. Mukhareva made a drawing of the images she discovered. However, some signs of the inscription carved into two vertical lines remained unclear.

Key words: runic, ancient Turkic monuments, khakass, qyrqyz.

Sunulan makale, Kemerovo Üniversitesi'nden Anna Mukhareva tarafından 2016 yılında, Khakassia ve Krasnoyarsk Bölgesi'nin Novoselovsky bölgesi sınırında Intikul Gölü (Intikol) yakınında bulunan Tagar arkeolojik kültürünün erken aşamasına ait mezarlık höyüklerinden birini incelerken bulunan ilginç bir yazıtı odaklanacak [Osawa 2017: 55].

Mezarlık; 1986 yılında SSCB Bilimler Akademisi Arkeoloji Enstitüsü'nün Leningrad Şubesi'nin, Tes, Bolshaya ve Malaya Inya (Minusinsk bölgesi) köyleri arasındaki bölgeyi araştıran bir keşif gezisinin sonucu olarak tanınmış oldu.

Yayınlanmış sonuçlarında şu açıklama bulabiliriz: “Krasnoyarsk Bölgesi'nin güneyinde, Intikol Gölü'nün 3,5 km doğusunda bulunan Tagar mezarlığında bir höyük kazıldı. Mezarlık alanı, ana grubun 1 km batısında yer alan 0.5–1.5 m yüksekliğinde sekiz höyük ve 3 m yüksekliğinde bir höyükten oluşmaktadır [3: 220–221].

Höyüğün çitinde diktirilmiş olan, 110×90×17 cm boyutlarındaki kırmızımsı-kahverengi kumtaşından birinde iki satırdan oluşan işaretlerden ibaret bir yazıt vardır. Ortalama olarak yüksekliği yaklaşık 2 cm, genişliği yaklaşık

1 cm olmak üzere ilk satır 15 işaret ve 26 cm yüksekliğinde, ikinci satır ise 13 işaret ve 23 cm yüksekliğindedir. Her iki satır da taşın tabanından yukarıya doğru ve geyik figürlerinin üzerine çizilmiştir [15: 53]. A. Mukhareva tarafından derlenen ve daha sonra T. Osawa tarafından rafine edilen çizime göre, yazıt 28 kesme-ışaretinden ibarettir.

T. Osawa, yazıtın IX–XX yy. tarihlendirilerek aşağıdaki şekilde okunmasını önerdi:

Transliterasyonu:

Q R Y G R : R K N : T U Š T M

T Š T G : B D G U T U R U D

Transkripsiyonu:

qaryagar : erkin : tuštım

tašteg : bänjutoruŋ

Tercümesi:

Kar yağıyor, (ben) erkin düştüm.

Taş gibi (sen) ebedi yeniden doğ!

Araştırmacıya göre metnin kendisi, bilinen eski Qırqız kitabeleri arasında “erkin” başlığı bulunmadığından, birçok açıdan oldukça alışılmadık ve önemli çıktı.

İlk bakışta, böylesine küçük bir metnin hem tarihsel ana hatlarını hem de sözlüksel ve morfolojik özelliklerini analize ederken özel dikkat gösterilmesi gereken iki gerçek/yorum olmasa bile, böyle bir varyanta karşı çıkmak zordur.

Bunlardan biri tarihsel ve ‘*erkin ~ irkin*’ tabiriyle ilgilidir. Sözkonusu başlık, “Türküt öncesi” döneminkiler de dahil olmak üzere göçebeler arasında bulunmakta [10: 77; 9: 80–94; 14: 356–357; 6: 225], “Türkütler” döneminde ise, Uygur-Oğuz konfederasyonuna bağlı birçok Teles kabilesinin (Bayırqu, Dolange, Qurıqanlar vb.) başları tarafından taşınmaktaydı [14: 356]. Çin yıllıklarında *erkin* başlığının si-jin 俟斤, i-jing (乙斤), ze-jing (頡斤) unvanlarına karşılık gelmesi çok ilginç bir gözlemdir [1; 20: 137].

Sonuç olarak, bozkırların göçebe nüfusu arasında geleneksel unvanlardan biri olan söz konusu unvan, Juanjuan (IV–VI yy.), Birinci ve İkinci Türk Kağanlıkları (VI–VIII yy.), ve yıkılmalarından sonra Uygur Kağanlığı (VIII–IX yy.) yüksek resmi bir unvan olmuştur. “Eski Türk” döneminde, idari sistemde *elteber*’den daha düşük bir konuma sahip olan ve 10.000’den az askeri olan aşiret liderleri tarafından taşınıyordu [12: 293–322; 13: 31–56]. Ayrıca “... kitanlar arasında, bu kabileyi oluşturan sekiz klanın her birinin başında erkin unvanına sahip bir baş vardı” şeklinde bir söz de bulabiliriz. [11: 345–346].

Ancak Yenisey Qırqız boyları ile ilgili olarak, *erkin* unvanı hakkında bilgi ancak Qırqızların Uygur Kağanlığına boyun eğmesinden sonraki olaylardan söz edildiğinde bulunabilir. “Xin Tangshu” [17]’e göre, “Uygur egemenliği” döneminde Qırqız hükümdarı “yeni” Bilge Tong Erkin (毗伽頡頡斤 — Pí jiā dùn xié jīn) unvanını aldı [Bknz: 2: 355]. Görünen o ki bu unvan, “... 758’de Qırqızların ağır bir askeri yenilgisiyle ilişkilendirilen Qırqız hükümdarının ikincil konumunu gösteriyordu, çünkü Uygur hakimiyetinden önce ve ondan kurtulduktan sonra Yenisey Qırqızlarının hükümdarı unvanı daha yüksek idi” [15: 55].

T. Osawa’yı takip ederek, İntikul Gölü yakınlarındaki yazıtı IX–X yy. tarihlersek, o zaman, Qırqız hükümdarını aşağılamak için “düşmanlar tarafından empoze edilen” ve 840’ta Uygur egemenliğinden kurtulduktan hemen sonra “elden çıkarttırılan” unvanı kullanma olasılığı sorusu ortaya çıkıyor. Qırqızlar tarafından *erkin* unvanının kabul edilmediği olayı, şu gerçeğiyle doğrulanabilir: Yenisey anıtlarının hiçbirisinde ne Qırqız Kağanlığı’nın oluşumundan önce ne de varlığı sırasında Qırqız boylarının unvanlarından bahsederken belirtilmemiştir. Demek ki “Qırqız döneminde” unvanın belirtilen etnosla ilgili olarak kullanılması mümkün olmazdı.

İkinci gerçek/yorum T. Osawa tarafından önerilen çeviriden kaynaklanır. Sözlüksel-morfolojik bir analiz yaparken, öncelikle metnin ilk satırındaki zamanların korelasyonunu kaçırmamak gerekir: **qaryagar : erkin : tüştim.**

yag-ar ise “geçmiş olmayan” (“şimdiki-gelecek”, “geniş”) zaman, 3. tekil şahıs, “geleceğe uzanan sıradan bir eylem” ifade eder [8: 83; 16: 404–405].

tüŝ-ti-m — “geçmiş” zaman, bir eylemin gerçekliğini herhangi bir ek anlam yüklenmeden açık anlamı olan, 1. tekil kişi [Krş: 8: 82–83].

Aktarılan olayların zamansal ilişkilerinde koordinasyonun olmadığı bir yerde olayların aktarımını tasavvur etmek zordur: “... *genelde kar yağar... Ben erkin düŝtüm...*”. Bu durumda Türk dili sözdizimine uygun bir modelinin kullanılması beklenir: ilk olay sonrakini belirtmektedir. Bu bağlamda *yagar*’ın bir tümleç olmasını beklemek daha mantıklı olacaktır, yani başka bir ana olayı veya durumu açıklayan veya tamamlayan bir olay/olgu. Buna dayanarak, *yagar* biçimi, ‘*none-finite*’ (veya ‘*infinite*’) bir fiil biçimi olarak düşünülmelidir.

Eski Türk anıtlarının metinlerinde, *-r*’nin ‘*none-finite*’ biçim olarak kullanılması, yalnızca *-r erkän* morfemli ulaç biçiminin bir parçası olarak ulaç rastlanmaktadır [18: 10–18; 7: 341, 458, 478; 19: 179–230]. Bu metinde böyle bir biçimin bulunduğunu varsayarsak, metnin ilk satırı “*qar yagar erkän tüŝtim*”, yani ‘*kar yağınca düŝtüm*’ şeklinde yorumlanabilir. Ayrıca *erkin* olarak okunmuş olan ‘:rkn:’, *erkän* olarak da yorumlanabilir. Sözcüklerin ayrı yazılışı, yani sağda ve solda “kelime ayırıcıları”nın bulunması, onu ayrı bir kelimeye kısıtlama için “kesin bir kural” teşkil edemez. Yenisey runik için, leksem ve yardımcı morfemleri ileten işaretler arasında bile bir “*kelime ayırıcıları*”nin rastlanmaktadır (Örneğin, E 1, E 6 [5: XXIII] ve diğerleri).

Özel önem *tüŝtim* fiilinin tahliline vermeliyiz. Önerilen okunması ile hemfikir olurken, aynı zamanda *tüŝ-* fiilinin taşıdığı anlam ve anlatılanları da incelemeye çalışacağız.

Yukarıda anılan yazıda belirtildiği gibi (G. Clauson'a atıfta bulunarak), *tüŝ-* fiil formu genellikle “*buluşmak*” ve “*yerleşmek, geri çekilmek, attan inmek, düşmek*” anlamına gelir, yani ‘*tosettledown, toretire, withdraw, todismount, fall*’ [15: 55].

Eski Türkçe sözlükte benzer varyantlar verilmektedir: 1. ‘*düşmek, yere düşmek*’, 2. ‘*inmek, attan inmek*’, 3. ‘*durmak, mola vermek*’, 4. ‘*düşmek (diş hakkında)*’, 5. ‘*düşmek (dolu)*’, 6. ‘*-lık olmak, düşmek*’ [5: 582]. ‘*Yok olmak*’ veya ‘*ölmek*’ anlamı, bilinen anıtların metinlerinde not edilmemiştir.

İncelenen metinde *tüŝ-* fiilinin, yazarı tarafından bir yolcunun kar yağışı nedeniyle yolculuğu sırasında mola vermesi durumunu anlatmak için kullanıldığı varsayılabilir.

Diğer bir itiraz da ikinci mısradaki *törüŋ*’ün çevrilmesine ilişkindir. ‘*(Sen) yeniden doğacaksın*’ çevirisi: *törüŋ*’ün, *törü-* fiilinin emir kipi olduğu gerçeğiyle çelişir, yani 2 çoğul şahıs *-ŋ/-ŋiz*’dir.

Yukarıdaki tartışmayı özetleyerek, aşağıdaki çeviriyi sunuyoruz:

qar yagar erkän tüštim

taš teg bänü törün

‘kar yağarken durdum (dinlemek için?)

taş gibi ebedî olun(uz)’

Bu yorum çeşidi, eski zamanlarda bu topraklarda yaşayan halklar arasında ortaya çıkan ve daha sonra modern Hakaslar arasında korunan geleneksel görüşleri dikkate almamızı sağlar [4: 256–267].

Кынакча:

1. Babayarov G. B., Kubatin A. V. Drevnetyurkskie tituly i epitety na sogdoyazychnyyh monetah Srednej Azii epohi rannego srednevekov'ya // Mir Bol'shogo Altaya. — 2016. — T. 2. — № 4–2. — S. 897–917.
2. Bichurin N. YA. Sobraniesvedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. T. I. — M.: L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. — 382 s.
3. Bokovenko N. A., Kuz'min N. Yu., Kurochkin G. N., Pavlov P. G., Savinov D. G. Raboty Sredneenisejskoj ekspedicii // Arheologicheskie otkrytiya 1986 goda. — M.: 1988. — S. 219–223.
4. Burnakov V. A., Cydenova D. C. Obrazy kamnya i kurgana v religiozno-mifologicheskikh vozzreniyah hakasov (konec XIX – XX vek) // Vestn. Novosib. gos. un-ta. — Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. — T. 13. — № 3: Arheologiya i etnografiya. — S. 256–267.
5. Drevnetyurkskiy slovar' / Redaktory V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcerbak. — L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969. — 678 s.
6. Clauson G. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. — Oxford: Oxford University Press, 1972. — 989 p.
7. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. — Leiden: Brill Academic Publishers, 2004. — 575 r.
8. Kondrat'ev V. G. Grammaticheski stroj yazyka pamyatnikov drevnetyurkskoj pis'mennosti VIII–XI vv. — L.: Izd-vo LGU, 1981. — 192 s.
9. Kradin N. N. Obshchestvennyj stroj ZHuzhan'skogo kaganata // Istoriya i arheologiya Dal'nego Vostoka. — Vladivostok, 2000. — S. 80–94.
10. Kychanov E. I. Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov. — M.: Vostochnaya literatura, 1997. — 320 s.

11. E Lun-li. Istoriya gosudarstva kidanej (Cidan' gochzhi) / Perevod s kitajskogo, vvedenie, komentarij i prilozheniya V. S. Taskina. — M.: Nauka, 1979. — 608 s.
12. Mori M. 護雅夫. On the Ssü-li-fa 俟利發 (Iltäbär) and the Ssü-chin 俟斤 (Irkin) Titles of the T'ieh-lê 鉄勒 Tribes. Tōyō Gakuhō [東洋學報] (Reports of the Oriental Society). — 1963. — Vol. 46. — No. 3. — P. 293–322 (in Japanese with English abstract on p. 1).
13. Mori M. On Chi-li-fa 俟利發 (Eltäbär/Eltäbir) and Chi-chin 俟斤 (Irkin) of the T'ieh-lê 鉄勒 Tribes. Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture [Tōhō Gakkai (東方学会)]. — 1965. — No 9. — P. 31–56.
14. Nikiforov V. M. Titul Erkin // Etnogenez i kul'turogenез v Bajkal'skom regione (srednevekov'e). — Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN, 2010. — S. 355–363.
15. Osawa T., Muhareva A. N., Esin YU. N. Novaya runicheskaya nadpis' na severe Minusinskoj kotloviny // Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya. — № 1 (17). — 2017. — S. 53–56.
16. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Morfoloгиya. — M.: Nauka, 1988. — 560 s.
17. Sin' Tanshu (新唐书. 中华书局出版社, 1975). Novaya istoriya dinastii Tan. Chzhunhua shuczyuj chuban'she, 1975.
18. Telicin N. N. K karakteristike deeprichastij v drevneujgurskom yazyke // Sovetskaya tyurkologiya. — 1987. — № 6. — C. 10–18.
19. Telitsin N. N. Infinitnye formy glagola v drevneujgurskom yazyke // Oчерki po teoreticheskoj grammatike vostochnyh yazykov: sushchestvitel'noe i glagol. — SPb., 2011. — S. 179–230.
20. Tishin V. V. Fragment kitajskogo istochnika o tyurkskoj titulature (pe-revod i komentarij) // Vostok (Oriens). — 2019. — № 3. — S. 137.

С. М. Терещенко

Система штрафов и наказаний в Османской империи в XVI в. на основании канун-наме Сулеймана I

Аннотация: Используя данные канун-наме, можно заключить, что при Сулеймане I велась активная законотворческая деятельность. Помимо прочего, значительно был дополнен уголовный кодекс, содержание которого свидетельствует о высоком уровне разработки вопросов штрафов и наказаний в Османской империи. Также в этой отрасли права видно, насколько влиятельными были светские законы в Османской империи, поскольку, наряду с шариатскими наказаниями, активно применялись дискреционные наказания тазир.

Ключевые слова: Османская империя, Сулейман I, уголовное право, кануны, шариат, мусульманское право, история, востоковедение.

S. M. Tereshchenko

The System of Fines and Penalties in the Ottoman Empire in the 16th Century Based on the Law Code of Suleiman I

Abstract: Judging by the kanun-name compiled during the reign of Suleiman I an active legislative work was carried out at that time. The criminal code, among other issues, was significantly expanded. Its content attests to the high development level of the fines and penalties system in the Ottoman Empire. What is more, this branch of law testified to the great influence of the kanuns in the Ottoman Empire, since discretionary punishment stazir were actively use dalong with Sharia punishments.

Key words: Ottoman Empire, Suleyman I, penal law, legislation, kanun, sharia, Islamic law, history, oriental studies.

Эпоху Сулеймана I долгие годы будут вспоминать как период расцвета Османской империи, а сам султан войдет в историю как Законодатель — кануни. Подобное восприятие было связано с правовыми реформами, оформлением государственных институтов, активностью государственных служащих. В этот период происходит пересмотр

и систематизация законов империи. Законодательная деятельность, которая велась на протяжении всего существования государства, была упорядочена и сведена воедино при Сулеймане I; после него султанское правотворчество уже не было столь масштабным.

Было найдено большое количество списков канун-наме Сулеймана. Наиболее вероятно, что сведение законов империи в единый канун-наме происходило во второй четверти XVI в. [6: 29, 51–52]; кодекс, составленный не ранее 1538–1539 гг. [2: 82], был провозглашен в 1540-х гг. [7: 186–187]. Этот канун-наме неоднократно дополняли в течение правления Сулеймана I [4: 9]. Данный свод содержит три главы, в первой из которых описаны штрафы и наказания, действовавшие в империи. Эта глава состоит из четырех разделов: 1) о штрафах и наказаниях за прелюбодеяние; 2) о наказаниях за разбой, драку и убийство; 3) о наказаниях за питье вина, воровство и насилие; 4) о телесных наказаниях и штрафах [4: 9].

В уголовном кодексе Сулеймана I содержатся как все разделы уголовных кодексов других султанов, так и новые положения. В целом в этом своде не только дополнены и более подробно объяснены предыдущие законы, но и рассмотрены сферы, которые раньше практически не были затронуты.

Прежде всего это касается вопросов содомии и сексуальных извращений, статьи о которых практически отсутствуют в канун-наме Селима I, где есть только одно законоположение касательно скотоложства [4: 33], а также общее указание («если кто-то предастся разврату и порокам...» [4: 35]). В свою очередь в кодексе времен Сулеймана I отдельно рассмотрены штрафы для женатых или неженатых, для тех, кто достиг или не достиг совершеннолетия, а также в зависимости от их достатка [11: 103]. Другим примером может служить дополнение положений о лжесвидетельстве, подделке документов; наличие закона о нарушении поста в Рамадан [11: 121–122].

В отличие от канун-наме Мехмеда II (1444–1446, 1451–1481) и Баязида II (1481–1512), где разделение на главы основано на виде наказания (в первой части удары и/или штрафы; во второй — смертная казнь и тяжкие формы применения телесных наказаний), была несколько изменена структура кодекса — свод законов Сулеймана составлен исходя из характера преступления. Законы, рассматривающие схожие вопросы, были по большей мере сведены вместе. Можно также отметить лексические изменения — в положениях времен Сулеймана I употреблены араб-

ские термины там, где раньше использовались тюркские слова (*cāriye* вместо *karavaş* (рабыня), *cebr* вместо *güç* (сила)) [8: 30–31].

Йозеф Шахт, ведущий западный исследователь исламского права, *фикха*, отмечает, что в исламе общей концепции уголовного права как таковой нет. Понятия вины и уголовной ответственности мало разработаны, как и смягчающие обстоятельства; отсутствует какая-либо теория касательно покушений на преступление, пособничества, совпадения (виновного намерения и виновного волевого действия). С другой стороны, область наказаний, *укуба*, где установлено различие между видами правовых санкций, была разработана в достаточной мере [10: 187].

Однако необходимо отметить, что утверждение об отсутствии информации относительно покушений на преступление и сговора представляется не вполне верным непосредственно в случае с законами империи времен Сулеймана I (примечательно, что в списке канун-наме Селима I положений о покушении нет [4]). Так, в османском уголовном кодексе 1540-х гг. присутствуют статьи, рассматривающие наказания именно за намерение — покушение — совершить преступление. К примеру, описаны меры наказания для тех, «кто проникнет в [чужой] дом с *намерением совершить прелюбодеяние*», «со злым умыслом», «с целью похитить женщину» — несмотря на то, что само преступление не было совершено, по закону их ждало то же наказание, что и совершивших его [11: 97].

В целом наказания в мусульманском праве можно разделить на три группы: пресекающие, отмщающие и назидательные [1: 275–276]. Первый вид наказаний — *хадд* (حَدٌّ, мн.ч. حُدُودٌ; букв. ограничение, пресечение); это наказания, налагаемые за преступления против нравственности и общественного порядка, на которые есть какие-либо указания в Коране и сунне [5: 261]. Вторая группа *укуба* включает в себя *кысас*, *диа*, *каффару*¹ [3: 189, 88] и применяется в случае преступления против жизни и здоровья людей [1: 275]. Наконец, третий вид наказаний в фикхе — это дискреционное наказание *тазир* [9: 210], т. е. назидательное наказание за нарушение общественного порядка, которое налагается либо по приговору суда, либо по решению правителя [5: 221].

К преступлениям, за совершение которых могли применить хадд, относятся прелюбодеяние (*зина*), ложное обвинение в прелюбодеянии (*казф*), употребление алкоголя (*шурб аль-хамр*), воровство (*сарика*) и

¹ Кысас — возмездие однородным действием.

Диа — плата или компенсация за пролитую кровь (как за увечье, так и за убийство).

Каффара — действие, выполненное во искупление совершенного греха.

разбой на дороге (*кат ам-тарик*) [9: 210]. В то же время, совершивших прелюбодеяние наказывали штрафом, «при условии, что они не были приговорены к смертной казни [через побивание камнями]». Если это был женатый мужчина или замужняя женщина-мусульманка, то, в зависимости от их достатка, они должны были выплатить штраф в 300, 200, 100 или 50–20 акче² (размер их состояния — 1000, 600, 400 акче или меньше, соответственно). Штраф для неженатых мужчин, а также вдов и незамужних девушек составлял 100, 50 и 30 акче с учетом тех же разделений по их достатку. Согласно канун-наме, наказанием за кражу является отсечение руки или — в том числе если ценность украденного меньше *нисаба*³ — удары и штраф [11: 95–96, 111–113].

Как можно судить из приведенных выше примеров, наказания хадд, предписанные непосредственно шариатом (побивание камнями, отсечение руки и тд.), использовались наряду с тазиром (удары и/или штрафы). Ханафитские правоведы, цитируя высказывание Пророка: «Предотвращайте [исполнение] установленных наказаний [т.е. хадд], насколько это возможно», установили строгие правила судебных процедур, из-за которых осудить за эти правонарушения стало трудным или, в случае с прелюбодеянием и употреблением вина, практически невозможно. Привлечение к ответственности за прелюбодеяние, к примеру, требует строго определенных по форме показаний четырех свидетелей-мужчин, добросовестность которых проверяется судьей. Оторванность от реальности хадда значительно повлияла на имплементацию — наказание за эти преступления во многом регулировались светским правом [9: 210–211].

А. С. Боголюбов, советский историк-арабист, также обращает на это внимание: «По староосманскому праву хадд могло быть заменено крупным денежным штрафом, и этот порядок воспринят законодательствами многих исламских государств» [5: 261].

Второй вид наказаний (т.е. отмещающие) представляет собой в большей мере форму компенсации, которая восстанавливает статус-кво между виновным в деянии и потерпевшим (или его/ее семьей, в случае

² Акче — валюта османов. Первый акче был отчеканен в Бурсе в 1328 г., во времена Орхана Гази. Эта монета была изготовлена из серебра 90 карат и весила 1,2 грамма (6 каратов). Серебряный калибр монеты со временем уменьшался, ее стоимость постепенно снижалась, и она была изъята из обращения в 1697 г. (при Мустафе II). После этого османской валютой стал куруш [12: 53].

³ Минимум имущества, с которого выплачивают закят, налог в пользу нуждающихся мусульман [1: 226].

убийства). Последний также имеет возможность помиловать преступника или примириться с ним [9: 211]. В случае, если кысас или диа не были востребованы, преступник выплачивает штраф, размер которого зависит от его дохода [11: 105–106]. Это наказание может применяться в случае убийства, нанесения вреда здоровью или имуществу.

Преступления, которые влекут за собой наказание *тазир*, составляют третью категорию, в первую очередь охватывающую проступки, которые не попадают ни под какие другие разделы наказаний — такие как содомия, сексуальные извращения или употребление опиума. Именно судья (или правитель) определяет карательные меры, целью которых является не компенсация, а непосредственно сдерживание и наказание виновных [9: 211–212]. Несмотря на это, тазир нередко применялся в качестве наказания и за другие преступления.

Как можно заключить из сказанного выше, в уголовном разделе канун-наме Сулеймана значительное количество нарушений получило подробное рассмотрение. Свод полностью включил в себя результат законотворчества предшественников кануни, а также ранее не затронутые вопросы. Важно отметить, насколько широка была сфера применения тазира в Османской империи. К этому вид наказания часто обращались в случае, если наказания хадд, положенные по шариату, не были приведены в исполнение, что случалось нередко. Возможность применения тазира, которая почти всегда была у кадиев, дало им свободу действий и привела к определенному отрыву от фикха.

Литература:

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Анвар, 2007. — 340 с.
2. Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. — М.: Наука, 1975. — Т. II.
3. Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман — М.; СПб.: Диля, 2016. — 512 с.
4. Книга законов султана Селима I / Пер., коммент. А .С. Тверитиновой. — М.: Наука, 1969. — 158 с.
5. Прозоров С. М. Ислам. Энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1991. — 315 с.
6. Уланова Д. Д. Фетвы как источник мусульманского семейного права в Османской империи в конце XV – начале XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. — СПб.: СПбГУ, 2014 — 271 с.

7. Finkel C. *Osman's dream. The story of the Ottoman empire.* — New York: Basic Books Publishing, 2006. — 834 p.
8. Heyd U. *Studies in old Ottoman criminal law* / Ed. by V. L. Ménage. — Oxford: Clarendon Press, 1973. — 340 pp.
9. Imber C. *Ebu's-su'ud: The Islamic Legal Tradition.* — Stanford, California: Stanford University Press, 1997. — 304 pp.
10. Schacht J. *An introduction to Islamic law.* — Oxford : Clarendon Press, 1964.
11. *The Ottoman criminal code* // Heyd U. *Studies in old Ottoman criminal law* / Ed. by V. L. Ménage. — Oxford: Clarendon Press, 1973. — P. 95–131.
12. Yerasimos M. *500 Yıllık Osmanlı Mutfağı* — İstanbul: Boyut Yayın Grubu, 2019.

М. М. Токарева

Ушедшая Россия продолжает жить в Стамбуле

Аннотация: в 1918 г. в Стамбул прибыли первые русские, которых события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война вынудили покинуть родину. В Турции их называли «Beyaz Ruslar» («белые русские»). Принято считать, что на берег Босфора прибыло около 200 000 русских беженцев. Несмотря на то, что большинство из них покинуло Стамбул уже к концу 1920-х гг., рассеявшись по всей Европе, то короткое время, проведенное в Стамбуле, изменило их жизнь и вместе с тем оказало значительное влияние на город и оставило заметный след в его истории.

Ключевые слова: белая эмиграция, «белые русские», Стамбул, история, балет, искусство, мода.

М. М. Tokareva

The Departed Russia Continues to Live in Istanbul

Abstract: In 1918, the first Russians, whom the events of 1917 and the ensuing Civil War forced to leave Russia, arrived in Istanbul. In Turkey they were called “Beyaz Ruslar” (“White Russians”). It is generally accepted that about 200,000 Russian refugees arrived on the shore of the Bosphorus. Although most of them had left Istanbul by the late 1920s, dispersing across Europe, their short time in Istanbul changed their lives, and in doing so, had a significant impact on the city and left a lasting mark on its history.

Key words: White emigration, “White Russians”, Istanbul, history, ballet, art, fashion.

Российская империя в начале XX в. — могущественное государство на мировой арене. Несмотря на это, нарастающие конфликты в обществе, экономический кризис, и напряжение внутри государства приближали его конец. История, разворачивающаяся на страницах того времени, во многом предопределила ход дальнейших событий. Разразившаяся

ся русско-японская война 1904–1905 гг. и ее последствия значительно ухудшили положение государства. Предполагалось, что «маленькая победоносная война» (В. К. Плеве) должна отвлечь народ от имеющихся проблем, вызвав подъем патриотических настроений, и тем самым усилив авторитет власти. Однако план не был реализован, а реалии приняли совершенно другой оборот. За этими событиями последовали две революции, которые окончательно подвели империю к ее очевидному концу. Последовавшая за этим Гражданская война 1917–1922 гг. сыграла решающую роль в формировании, так называемой, белой эмиграции [3: 57].

Единственный путь, благодаря которому можно было выбраться из России, проходил через Стамбул, именно он оказался самым коротким и безопасным. Среди новоприбывших были представители самых разных слоев общества: от аристократии, буржуазии, духовенства и крупных чиновников до бедных людей. Значительную часть составляла творческая интеллигенция: музыканты, актеры и актрисы театров, балетные танцоры, писатели и художники [1: 110].

Как правило, «белые русские» стремились поселиться в районе Бейоглу на ул. Пера. На этой же улице расположилось посольство Российской империи, которое было антикоммунистическим и не уступило новому режиму. Консульство помогало бежавшим из страны: люди искали пропавших без вести родственников, друзей и знакомых по составленным Консульством спискам, что впоследствии стало неким образом жизни русских.

1920–1924 гг. — можно считать периодом густого засилья русских в Бейоглу. Бывшая имперская элита зарабатывала на жизнь не столь изысканными способами. Вчерашние генералы, князья, герцоги с женами и дочерьми, потомки королевского рода, и их знакомые: нынешние садовники, швеи, художники, домработницы, водители такси, механики и гувернантки. Бывшим представителям российской аристократии пришлось начинать новую жизнь с самых низов социальных слоев [3: 140].

Русская мода

Образ жизни русских вызывал интерес у турецких граждан, привлекающая своей необычностью и новизной. Влияние, которое оказывали новоприбывшие, концентрировалось, в основном, на повседневной жизни, моде и развлечениях. Русские по прибытию в город, продавали все свои дорогие меха и платья. Женщины, знакомые с шитьем, открывали различные ателье, где создавали одежду по европейскому образцу, по

той моде, которую они знали всю жизнь. В свою очередь, это пришлось по вкусу турчанкам, тем самым, они стали отказываться от османской в пользу новой, русской [2: 88].

Для турчанок голубоглазые, светловолосые русские женщины были удивительны и интересны. Среди населения их одежда считалась последним пиком европейской моды, поскольку она представляла разительный контраст с османской. В силу тяжелых условий приходилось обрезать коротко волосы, а также покрывать их платком. Данный образ получил у турчанок название «Русская голова» («Рус баши»). Образы русского стиля занимали особое место в журналах моды того времени [2: 86].

Русские организации

Идея удивительного развлечения пришла в головы русских в силу необходимости выжить в чужом городе — они решили развлекать публику «тараканьими скачками». Поскольку содержать лошадей для новоприбывших было деятельностью очень дорогой, организация скачек представлялась невозможной. Тараканы же более неприхотливы в еде и уходе, но не менее зрелищны. [3: 136] Чебышев вспоминал: «Огромная зала с колоссальным столом посередине. Стол заменяет ипподром. Это кафародром. На нем устроены желобки, по желобкам бегут тараканы, запряженные в проволочные колясочки. Вокруг жадная, любопытствующая толпа с блестящими глазами. Самые настоящие, черные тараканы, изумительно крупной величины. “В банях собираем”, — объясняют владельцы. [...] Выдачи тотализатора доходили до ста лир ([до] тысячи франков)» [4: 136–137].

Однако не только бедностью и нищетой можно охарактеризовать русскую жизнь в Стамбуле. Была и другая сторона османской столицы, которую выстроили более обеспеченные российские семьи. Как выразилась Татьяна Моран: «русские придали городу элегантность [...] придали ему петербургский шик» [3: 171].

Открывались различные увеселительные и развлекательные заведения с пестрящими названиями: «Медведь», «Петроград», «Кремль», «Золотой петушок», «Русский уголок» и др. Одними из самых знаковых можно назвать рестораны «Георгий Карпыч», «Режанс», «Тюркуаз» и кафе-кондитерскую «Петроград» [3: 172]. Ресторан «Режанс», открытый лишь в 1930 г., стал излюбленным местом М. К. Ататюрка, президента Турецкой Республики. Можно сказать, что это заведение стало некой неотъемлемой частью города [3: 171].

Судьба ресторана «Георгий Карпыч» сложилась иначе. Посетителями данного заведения, в основном, были европейцы и русские. Популярное заведение европейского образца привлекло внимание властей, которые и предложили владельцу переехать из Стамбула в Анкару. О своем знакомстве с владельцем ресторана в книге «Стамбул, Анкара, Измир» написал Лев Никулин, прибывший в Турецкую Республику в 1933 г.: «У ресторанов “Анкара Палас“ и у “Карпыча” стоят машины с флажками посольств. Эфенди [тур. «господин»] Карпыч, бывший студент Лазаревского института [восточных языков] в Москве, сдержанно жалуется на дела. Он переехал из Стамбула в Анкару: начальство хочет иметь в столице хороший, европейский ресторан. Но жители Анкары предпочитают здоровую, национальную кухню; они привыкли к маленьким столовым, где все на виду и утварь блестит, как приборы лаборатории, и пахнет лимонами и жареной черноморской кефалью. Одни иностранцы ходят к эфенди Карпычу» [3: 173].

Такой же важной частью стала и кафе-кондитерская «Петроград», которая была открыта еще в 1923 г. на ул. Пера. Это заведение работало и днем, и ночью без перерыва, что очень нравилось жителям города, поскольку зачастую кондитерская спасала тех, кто опаздывал на последний пароход в Кадыкёй. Помимо русских, это место очень любили и сами стамбульцы, здесь собирались местные литературные знаменитости, такие как Саит Фаик, Ахмед Хамди Танпынар, Нихат Сары Орик и другие. Впоследствии кафе переименовали в «Анкару» [1: 114].

Люди искусства в османской столице

Русские познакомили Стамбул не только со своей национальной кухней и ее наиболее яркими блюдами, но и с русским искусством. Турки наслаждались русскими голосами. Беженцы из России — музыканты, певцы, танцовщики — распространяли европейскую и русскую музыку и культуру, благодаря чему турецкая общественность получила возможность познакомиться ближе с культурой закрытого доселе мира. «Русский балет, оперетта, опера и русские концерты были вереницей художественных вечеров [...] на которые так часто сходились жители Перы, восхищавшиеся музыкальным и артистическим гением русских людей. [...] Огромно было влияние русских и на ночную ресторанный жизнь на Босфоре», — писал Г. Рагозин [3: 185].

В турецкой культуре весьма популярна точка зрения, что с европейским балетом турецкую публику познакомила Нинетт де Валуа, британ-

ская балерина ирландского происхождения. В 1931 г. она создала Лондонский Королевский балет, в 1947 г. благодаря усилиям Нинетт была создана Национальная балетная школа в Турции. По этой причине, именно Валуа признается основательницей балетного искусства Турции [3: 188].

Несправедливо замалчивается работа выдающихся русских балерин. Имя одной из них — Лидия Красса-Арзуманова или Лейла Арзуман. Лидия Арзуманова прожила в Стамбуле до конца своих дней. Балерина прибыла в Стамбул в 1921 г. и открыла здесь балетную студию. В 1941 г. Арзуманова при Народном доме района Эминёню создала школу танца, а в 1944 г. ее воспитанники выступили в Анкаре по торжественному случаю, приуроченному к 12-й годовщине Народных домов, благодаря чему Лидию Арзуманову признали как мастера хореографии. Стоит отметить, что это был первый балет на музыку турецкого композитора, тогда еще начинающего, а ныне признанного классика Аднана Сайгуна. Спектакль произвел огромное впечатление на зрителей и имел большой успех. Арзуманова впоследствии стала ставить балет на турецкую музыку: «Сад цветов», «Деревенская свадьба», «Сон Инджи», «Буря». Лидия Красса-Арзуманова скончалась в возрасте 89 лет, проведя свои последние годы жизни в доме любимой ученицы, Ыылдыз Алпар [3: 188].

Русские покидают город

С 1921 г. начались первые высылки белоэмигрантов.[3: 226] Большая часть белых русских продолжила свой путь в Сербию, Болгарию, Румынию и Грецию. Тогда же Стамбул покинуло около 60 000 человек. Осенью 1922 г. было принято постановление об ограничении срока пребывания русских беженцев в стране пятью годами, т. е. до 1927 г. Беженцам предоставлялся выбор: либо покинуть страну, либо принять турецкое гражданство. Весьма большое число одиноких русских женщин принимали мусульманскую веру, после чего могли выйти замуж за турка и получить гражданство. Мусульманами становились и беженцы-мужчины. К 1926 г. общее число русских беженцев составляло около 4000–5000 человек. В последние годы все чаще появлялись пропагандистские настроения среди газет, с просьбами о немедленной высылке русских [3: 248].

В одной из статей редактор газеты “Икдам” Ахмед Джевет писал об отношении турок к русским беженцам: «Нет большего бедствия и душевного страдания, чем быть вынужденным жить на чужбине. Белым русским выпала на долю такая тяжкая участь. Судьба их закинула в раз-

ные страны. Некоторые прибыли в нашу страну. Число их в настоящее время свелось к трем тысячам человек. Мы теперь требуем, чтобы и они покинули нашу страну. Но почему, в силу какой необходимости — этого я никак не могу понять, отказываюсь понять. Среди русских много людей науки и искусства. Среди них много специалистов и ученых по разным отраслям знаний. Кто из нас в состоянии отрицать заслуги русских ученых в области изучения турецкого языка?! Результаты последних исследований о Турции мы воспринимаем от тех же русских ученых. Сами мы никогда не бывали в этих тюркских поселениях и не исследовали этих [...] углов. Всем известно, что русская литература, русская драма, опера и музыка достигли высочайшей степени [...] совершенства. [...] Помимо сего, специалисты в области техники, инженеры, ученые, художники не прошли мимо нас. Но мы не сумели оценить их. [...] Что значит эти две-три тысячи человек? Ни в смысле материальном, ни в смысле политическом это меньшинство не может принести нам никакого вреда. Напротив того, нам могут принести величайшую пользу эти образованные и воспитанные люди, полные продуктивной силы». В заключение автор статьи призывает турецкое правительство навсегда оставить в стране «полезных ей русских эмигрантов» [3: 252].

Русские оказали огромное влияние на творческую жизнь Турции. Именно они познакомили широкие слои турецкого общества с симфонической музыкой, оперой и балетом. Естественно, и до эмигрантов в Турции существовала своя оркестровая музыка, ведь еще в XVII в., по сведениям Эвлия Челеби, в Стамбуле насчитывалось свыше 6000 музыкантов — это входили в число особого корпуса мехтеров. Со временем, в XIX в. в гаремах османской столицы особым спросом начали пользоваться итальянские оперы. В Турции также существовал свой балет, который представлял из себя своеобразный танец в исполнении мальчиков-танцоров — ченки. Однако все это было доступно лишь узкому кругу лиц. Вклад русских музыкантов, певцов, танцовщиков состоит в том, что именно они предоставили возможность близкого знакомства турецкой общественности с европейским искусством, которое смогло выйти за пределы дворца [3: 185].

Русские открыли Стамбулу новую форму культурного времяпрепровождения. Легендарный ресторан «Режанс», работавший вплоть до 2010 г., стал неким символом жизни русского Стамбула. Огромный шикарно украшенный зал, высокий уровень обслуживания и изысканные

блюда. Русские познакомили турок с культурой ресторанов. «Режанс» часто навещал М. К. Ататюрк, здесь бывали послы зарубежных стран и высшие чиновники Турции [3: 172].

Немаловажным стало влияние русских эмигрантов на культуру пляжного отдыха, которая была ранее непривычна для турецких граждан. В 1920 г. русскими был открыт пляж «Флорья» — первый совместный пляж в Стамбуле. Возможность проводить время на берегу моря стало потрясением для турецкого общества, пляжный отдых оживленно обсуждался в прессе. Впоследствии открылись ещё несколько пляжей: Бююкада (Принкипо), где продавались прохладительные напитки, были поставлены тенты и лежаки [1: 114]. Турецкий литератор Ведат Гюнюл писал об этом следующее «без русских мы бы ещё долгие годы не знали, что такое морские купания... Наслаждение пляжем — это подарок нам со стороны белых русских» [5: 183]. Немаловажным проявилось воздействие русских на спортивную сторону жизни общества, поскольку занятия военных и молодежи, среди которых отмечались такие виды спорта, как гимнастика, бокс, плавание и футбол, повлияли на заметный рост интереса к спорту среди турецкого населения [1: 114].

Исследования русской эмиграции в Стамбуле в 1920-е гг. до сих пор продолжают оставаться весьма специфическим и важным вопросом в исторической науке. Русские беженцы в силу своей культурной особенности, попав в чужой город и сложную жизненную ситуацию, пытались устроить вокруг себя тот привычный мир, к которому они хотели вернуться, тем самым, они смогли воссоздать на улицах города собственную Россию. Сошедшие с кораблей белоэмигранты увидели Турцию, живущей традициями и еще не подверженной европейской моде. Эти люди привнесли в город множество новых, до этого неизвестных турецкому народу, явлений. Однако русских в Стамбуле подвергли обвинениям в том, что из-за них город пришел в упадок, в связи с чем, к концу 1920-х гг., они были вынуждены покинуть его. Как выразился один из современников: «Они привнесли свет, цвета, комедию, красоту, музыку, страсть и надежду».

Литература:

1. Бахревский Е. В., Свистунова И. А. Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние. — М.: Институт Наследия, 2019.
2. Олджай Т. Белые русские в Стамбуле // Славистика. — 2020. — Vol. 24 (1). — С. 86–87.

3. Утургаури С. Н. Белые русские на Босфоре 1919–1929. — М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
4. Чебышев Н. Н. Близкая даль // Белое дело. — Париж, 1933. — 369 с.
5. Bakar B. Esir Şehrin Misafirleri: Beyaz Ruslar. — İstanbul, 2012.

М. С. Фомкин

К вопросу об авторских решениях переводчика (на материале поэтических переводов С. Н. Иванова)

Аннотация: В статье рассматривается конкретный пример творческого решения поэта-переводчика, которое позволило воссоздать в русском переводе скрытое от русского читателя ассоциативное содержание восточного поэтического текста.

Ключевые слова: теория перевода, поэтический перевод, метасодержание текста, С. Н. Иванов, Юсуф Баласагуни, «Кутадгу билиг», «Благодатное знание».

М. S. Fomkin

On the Issue of the Translator's Author's Decisions (Based on the Material of S. N. Ivanov's Poetic Translations)

Abstract: The article considers a concrete example of the creative solution of the poet-translator, which allowed to recreate in the Russian translation the associative content of the eastern poetic text hidden from the Russian reader.

Key words: translation theory, poetic translation, meta-content of the text, S. N. Ivanov, Yusuf Balasaguni, Kutadgu bilig.

Для теоретического осмысления вопросов художественного перевода богатый материал предоставляет творческое наследие выдающегося русского поэта-переводчика, известного ученого-востоковеда С. Н. Иванова.

Русская школа поэтического перевода давно выработала свои строгие догматы, в частности, признание того, что переводчик не может быть беспардонным хозяином оригинального текста, как-то его улучшать или украшать. Переводчик обязан оставаться в рамках авторской поэтики, в рамках художественно-стилистического единства оригинального текста.

При переводе на русский язык восточной поэзии творческим кредо Сергея Николаевича было обязательное воссоздание и формальной, и содержательной поэтики оригинала. Это позволяло ему не слепо следовать общим догматам перевода, а творчески переосмыслять поэтический текст и раскрывать его содержание со всеми его экстралингвистическими факторами. Примеры этого даёт сделанный С. Н. Ивановым перевод на русский язык поэмы XI в. «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни [4].

Здесь обращает на себя внимание применение переводчиком синонимов. Рассмотрим два показательных примера. Первый — это применение огромного синонимического ряда при передачи в русском переводе понятия о Боге. В оригинале Юсуф использует для этого два арабских слова: Allah, rab, а также — 4 тюркских: *bayat, ugan, tenri, idi*. Итого шесть синонимов. Кроме того, в этой роли выступают эпитеты Бога — причастные формы соответствующих тюркских глаголов: *törütgen* — создающий, *igidgen* — воспитывающий, *kecürgen* — прощающий (милостивый), *yaratgan* — творящий. Здесь эти причастия выступают как существительные (создатель, воспитатель, милостивец, творец), поскольку в тюркских языках форма на -ган полифункциональна и ее перевод всегда зависит от контекста (подр. см. [1: 102–104, 139, 141]). Итого в общей сложности Юсуф для передачи понятия о Боге использует около 10 синонимов. Отсюда важный вывод: очевидно стремление древнего поэта к синонимическому разнообразию своей речи, это — особенность его авторской поэтики.

Что же касается русского перевода, то здесь синонимический ряд с доминантой «Бог» поражает своим богатством и прихотливостью, включая в себя более 20 синонимов: бог, господь, всевышний, создатель, творец, всевладыка, зиждитель, предрержец главенства и др. Их сопровождают многочисленные разнообразные эпитеты: всемогущий, величавый, желанный, всеильный, вечный, бескорбный, верный, всеблагодный и множество др. Художественные достоинства такого богатства и разнообразия форм передачи понятия о Боге в переводе очевидны и бесспорны. Однако бросается в глаза разница в приведенных цифрах: около 10 синонимов в оригинале и более 20 в переводе плюс множество эпитетов. Может возникнуть сомнение в правомерности такого переводческого решения — мол, переводчик украшает, улучшает (т. е. искажает) оригинал.

И всё же более глубокое рассмотрение этого вопроса доказывает правильность и обоснованность решения переводчика умножить число синонимов понятия «Бог» в переводе. Во-первых, это решение соответствует художественно-стилистическому единству оригинала, для которого характерно синонимическое разнообразие, о чем говорилось выше. Во-вторых, главным основанием для этого решения является то, что для правоверного мусульманина (каким был и автор поэмы, и ее читатели) понятие о Боге, то есть Аллахе, неразрывно связано с его именами-эпитетами, которые постоянно присутствуют в религиозном сознании мусульманина в ассоциативной связи со словом Аллах.

Это так называемые по-арабски ал-асма ал-хусна («прекрасные имена») — имена-эпитеты, которыми Коран приказывает называть Аллаха. Имен этих — 99. Они занимают важное место в мусульманском богословии, так как наглядно описывают основные качества Аллаха. Список в 99 имен возводится к хадису от Абу Хурайры, в котором Пророк называет цифру 99 и предрекает рай тем, кто повторяет имена Аллаха в молитвах. Среди этих имен: Аллах, ар-Рахман (Милостивый), ар-Рахим (Милосердный), ал-Малик (Царь), ал-Азиз (Могучий), ал-Халик (Творец), ал-Бари (Создатель), ал-Каххар (Господствующий), ар-Раззак (Дающий блага), ал-Джалил (Великий), ал-Васи (Вездесущий) и др.

Числу имен Аллаха кратно количество бусин на стандартных мусульманских четках. Имена Аллаха являются элементом одной из наиболее распространенных моделей мусульманского имени — «раб Аллаха», например, Абд ар-Рахман, Абд ар-Рахим, Абд ал-Азиз, Абд ар-Раззак и др. [2: 22–23].

Поэтому не только можно, но и нужно отразить в русском переводе эту особенность — богатое ассоциативное, экстралингвистическое содержание мусульманского понятия о Боге. Можно сказать, что при этом происходит реконструкция метасодержания оригинального текста средствами русского языка. Творческое и научно обоснованное решение С. Н. Иванова воссоздает в русском переводе причудливое красноречие, изысканность и глубокий символизм поэтического слова Юсуфа Баласагуни.

Второй пример представляет собой не совсем обычный случай приращения переводчиком также большого синонимического ряда. Юсуф Баласагуни перед тем, как дать какую-либо обобщающую сентенцию, обычно указывает, что по этому поводу уже есть высказывания мудре-

цов или наставления старцев, и призывает их выслушать, как, например, в бейте 667:

Хранит речи мудрые тюркский язык, —
Послушай, что молвил премудрый старик.

В подобных очень частых «вводных» оборотах, предшествующих дальнейшей прямой речи, нас интересует глагол в повелительном наклонении (в приведенном примере — «послушай»), выражающий призыв выслушать следующую далее сентенцию, обращающий на неё внимание читателя. В оригинале в таких «вводных» оборотах Юсуф использует повелительную форму 2-го лица единственного числа различных тюркских глаголов: *eşit* или *eşitgil* — послушай, *okı* или *okıgil* — прочти, *tut* или *tutgil* — возьми (в дело, т. е. используй), *et (it)* — сделай (для себя другом это слово), *körse* — если посмотришь (на слова). Это одно из проявлений лексико-стилистического богатства, разнообразия склада речи Юсуфа Баласагуни. Учитывая это, переводчик в русском тексте также максимально разнообразит форму таких «призывов», используя для этого различные русские глагольные формы, в том числе составные, которые образуют целый ряд функциональных синонимов. В этой роли выступают русские глагольные формы уже не только 2-го, но и 3-го лица повелительного наклонения, причем как единственного, так и множественного числа: услышь, внемли, узнай, узри (что за смысл в этом слове), проникнись (наказом), да внемлет (слову юнец), да примут (совет) и многие другие. Такое умение уместно и обоснованно использовать синонимические богатства русского языка К. И. Чуковский справедливо считал одним из проявлений мастерства, главным отличием переводчика-мастера от переводчика-средняка [3: 60–61].

Литература:

1. Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и её производные). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
2. Ислам: Энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1991.
3. Чуковский К. И. Высокое искусство. — М., 1941.
4. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов. — М., 1983. Литературные памятники.

А. Р. Шакирова

Мифоним «бичура» и его описание в современной татарской лексикографии

Аннотация: Мифоним «бичура» рассмотрен на материале пяти словарей: Толковый словарь татарского языка, Энциклопедический словарь татарской мифологии, Словарь диалектов татарского языка, а также словари антонимов и синонимов. Также рассмотрели научные работы по поговоркам и пословицам.

Ключевые слова: миф, мифология, бичура, лексикография, лексикографическое описание.

A. R. Shakirova

Mythonym “Bichura” and His Description in Tatar Lexicography

Abstract: Mythonym “Bichura” was studied five dictionaries: Explanatory dictionary of the Tatar language, Encyclopedic dictionary of Tatar mythology, Dictionary of dialects of the Tatar language, as well as dictionaries of antonyms and synonyms. Also considered scientific work on sayings and proverbs.

Key words: myth, mythology, Bichura, lexicography, lexicographic description.

Мифы каждого народа содержат в себе много сведений о самом народе, о его мировоззрении, об их идеалах, о стремлениях, об образе жизни. Мифология — это способ осмысления мира на ранних стадиях человеческой истории в фантастических повествованиях о его сотворении. Миф — рассказ, в котором при помощи фантазии объясняются непонятные для древних людей явления окружающей действительности. Одним из компонентов мифологии тюркских народов является древнетюркская мифология. Мифология тюркоязычных народов делится на

ряд подгрупп, преимущественно по регионам расселения тюркских народов и, собственно, на древнетюркскую.

Татарская мифология занимает особое место в богатой тюркской мифологии. В данной статье мы рассмотрим мифологический персонаж бичура. У татарского народа бичура в основном представлялась в образе женщины маленького роста — около полутора аршин, а шириной — в аршин, — одетой в красную рубашку [3: 311]. По некоторым источникам бичура может принимать облик кошки или собаки, по другим приписывается совершенно чудовищный вид, либо вообще говорится о ее невидимости. Она живет на чердаке дома, в подвале, погребе или бане. Некоторые отводят для нее особую комнату, где ее поят и кормят. На ночь оставляется тарелка с пищей и несколько ложек. Наутро в тарелке бичура ничего не оставляет, всё съедает. А если рассердится за что-нибудь на хозяина, то разбивает чашку, в которой ей подается пища, и раскидает все, что попадет ей под руку. Ее главное занятие — подшучивать над хозяевами дома, она любит разбрасывать мусор или бить посуду. Бичура нередко во сне давит человека, любит внезапно пугает его и вообще озорничает над людьми. Например, кидается поленом или кирпичом. Из-за бичуры иногда бросают дома: жить бывает невыносимо, особенно одиноким. Но бичура не только давит людей во сне и занимается озорством, она иногда бывает очень полезна. Полезна она тем, что приносит хозяину дома деньги и многое другое, в чем нуждается хозяин. У кого живет бичура, тот нередко богатеет, и, наоборот, по изгнанию бичуры он становится бедным. Если человека не устраивает соседство с ней, существует два способа ее прогнать. Первый: нужно разобрать весь дом и построить его на другом месте. Второй: можно привести в дом медведя, и бичура убежит, так как не любит это животное. У некоторых этногрупп Закамья термин «бичура» относился к духам, которые представлялись в образе женщины маленького роста в старинном головном уборе, аналог банницы или кикиморы. У башкир есть аналогичный персонаж — бисура. Башкиры представляли бисуру в образе маленького человечка обоих полов в красных рубашках. Считалось, что они обитали в глухих лесах на полянках [5: 68]. Людей, которые забрели в их владения склоняют к сожительству, а потом покровительствуют им, носят деньги и помогают разбогатеть. У татар-мишарей бичура являлись разновидностью злых духов пиров. А у некоторых групп западносибирских татар бичура соответствует духу сары цац (букв. «желтоволосая»). Бичура-домовой

встречается и татарской литературе, например, в пьесе Туфана Миннуллина. Там бичура мужского пола.

В «Татарском толковом словаре» этот персонаж описывается как «Домовой, дух дома, хозяин» [2: 545]. В «Словаре синонимов, антонимов и омонимов» не приведены эквиваленты слова «бичура». В «Диалектальном словаре татарского языка» эквивалент слова Бичура отсутствует. В «Энциклопедическом словаре» Ф. Урманчеева бичура причисляется к злым духам, к персонажам «низшей мифологии».

У татар есть такие названия как «мичура», «пичура», у башкир – «писура», у удмуртов — «пичура», «писура». Также автор отмечает, что есть загадки с бичурой: «Кечкенә генә Бичура билен буып утыра. (Себерке)», что в переводе на русский: «Маленькая Бичура сидит, завязав пояс. (Метла)». Ф. Урманчиев пишет, что есть такая пословица, как «Бичура белән пәри дус» («Бичура и пери друзья») [4: 227], но в собрании пословиц мы не смогли найти данную поговорку.

Таким образом, изучая лексикографическое описание мифонима «бичура» можно прийти к выводу, что в татарской лексикографии этот мифологический персонаж достаточно изучен, но в то же время он настолько многогранен, что невозможно согласиться только с найденными в словарях данными. В связи с этим, тема описания мифологического персонажа Бичура остается актуальным, ведь подробный анализ слов-мифологем дает возможность выявить базовые оппозиции, характерные для татарской культуры и мировоззрения, культурные ценности общества, также описать наивные языковые представления носителей татарского языка, сложившиеся под воздействием национального мировидения.

Литература:

1. Исәнбәт Н. С. Татар халык мәкальләре: мәкальләр жыелмасы: 3 томда. — 2-нче басма. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. — 624 б.
2. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: I том: А–В. — Казан: ТӘҺСИ, 2015. — 712б.
3. Татар халык ижаты: 25 томда. — 1 т.: Мифология / Төз. Л. Х. Дәүләтшина.— Казан: Татар. Кит. Нәшр., 2021. — 511 б.
4. Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда: 1 т. (А–Г). — Казан: Мәгариф, 2008. – 303 б.
5. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 456 с.

Б. И. Эминли

Формы обращения к женщинам в этнокультурологии азербайджанцев

Аннотация: Формы обращения являются основным компонентом речевого общения и играют ключевую роль в процессе общения для перехода к следующему диалогу. Среди форм обращений особый интерес представляют формы, выбранные для обращения к женщинам. Они зависят от национального мышления и национально-культурных ценностей народа. В азербайджанской этнокультурологии женщины всегда высоко ценились, а слова и выражения, выбираемые для обращения к ним, использовались практически без изменений на протяжении веков. В разное время к женщинам на азербайджанском языке обращались с разными словами и выражениями. Например: *xanım* (ханым/ханум), *bəyim* (бейим), *bikə* (бике), *banı* (баны). Эти слова употреблялись наряду с женскими именами на протяжении всей истории нашего языка, выражая уважение и почтение и принадлежность к основной лексике языка.

Ключевые слова: культура, формы обращения, *xanım* (ханым/ханум), *bəyim* (бейим), *bikə* (бике), *banı* (баны)

В. I. Eminli

Forms of Appeal to Women in Ethnology of Azerbaijanians

Abstract: Forms of address are the main component of verbal communication and play a key role in the communication process for moving on to the next dialogue. Among the forms of address, the forms chosen for addressing women are of particular interest. These forms depend on the national thinking and national cultural values of the people. In Azerbaijani ethnology, women have always been highly valued, and the words and expressions chosen to address them have been used almost unchanged for centuries. At different times, women were addressed in the Azerbaijani language with different words and expressions. For example: *xanım* (xanym / khanum), *bəyim* (beyim), *bikə* (bike), *banı* (bans). These words have been used along with female names throughout the history of our language, expressing respect and reverence and belonging to the main vocabulary of the language.

Key words: culture, forms of address, *xanım* (khanim/khanum), *bəyim* (beyim), *bikə* (bike), *banı* (banı).

Культура речи составляет неразрывную, органическую часть общей культуры любого народа. Литературно-языковые проблемы образуют органическое единство с проблемами культуры речи. Это не случайно. Нормы, определяемые на основе принципов отбора и замены, отделяют литературный язык от общепотребительного разговорного языка, создается система внутри системы, которая выступает как новый этап сознательного использования языка. Конечно, этот процесс возникает на основе длительного сложного функционирования, диалектической связи стихийных и сознательных, объективных и субъективных факторов.

Язык, являющийся средством общения между людьми, возникает на основе выбора слов. В литературном языке, как и в обыденной разговорной речи, подбор и правильное употребление слов является одним из главных условий беглого, эффектного и вежливого выражения мысли. Художественное произведение имеет успех только тогда, когда наряду с умелым использованием всех литературно-художественных приемов и средств его язык также красив и подвижен, способен волновать и привлекать читателя. Во всех этих словах главное место занимает слово. Вот почему великие художники с большим уважением и осторожностью относились к слову, являющемуся драгоценной жемчужиной духовного сокровища народа — его родному языку, и пользовались им с особой заботой и умением.

Любой текст создается, когда люди разговаривают друг с другом. Этот текст основан на законах языка, где отдельные предложения и предложения грамматически и семантически связаны между собой. Текст и его элементы — высказывания многогранны в зависимости от различных причин (письменной или устной формы речи, конкретного или общего обращения к собеседнику, официального или неформального информационного назначения, тематики и т. д.). Но некоторые из них становятся устойчивыми формами общения.

Настоящее общение начинается с обращения к человеку. Поздороваться и спросить, как дела — обязательное условие при общении. Слово выполняет функции именованя, связи и обращения. Одной из древнейших функций слова является обращение. Существуют индивидуальные, семейные и коллективные формы подачи з обращений. Большинство слов в лексике нашего языка наряду со своими грамматическими функциями имеют ряд стилистических особенностей. Через метафорическое значение слов, сарказм, жалость, намек, тонкость, грубость, насмешку, угрозу, уважение, скромность, нескромность и др. выражены разные оттенки.

Среди форм обращения наиболее распространенными являются слова, обозначающие родственные отношения, иногда даже употребляемые при обращении к малознакомым людям. Иногда также используются слова и фразы с суффиксами принадлежности и ласкательными.

Культура обращения является одним из важных показателей культуры речи (и мышления) азербайджанского народа. Разнообразие форм обращения мы можем найти даже в памятнике раннего средневековья «Китаби — Деде Горгуд», в произведениях И. Насими, М. Фузули, М. П. Вагифа. В этой статье мы рассмотрим формы обращений на азербайджанском языке, адресованные в основном к женщинам.

Говоря о формах обращений к женщинам, необходимо припомнить слово «*xanım*» (*ханым/ханум*). Это слово о благородных женщинах, воплощающих в себе высокие качества и прекрасные лица настоящих азербайджанских женщин, до сих пор добавляется к их именам в знак уважения и получает все большее распространение. Верно и то, что употребление слова «*xanım*» (*ханым/ханум*) как средство обращения, в частности, препятствует использованию неуместных, вульгарных слов и выражений при обращении к женщинам в устной речи. Например: *Almaz xanım, Almaz xanım! Elə bu saatca burada idi (Алмаз ханым/ханум, Алмаз ханым/ханум.Он был здесь только что)* [7: 116]. *Mədinə xanım, doğru deyirəmmi?* (Медина ханым/ханум, правли я?) [8: 151]. *Xanım qız, adınız nədir?* (Юная ханым/ханум, как вас зовут?) [8: 50].

Этимологически слово *xanım* (ханым/ханум) образовано от сочетания комплексов *xan* (хан) и *-ım* (-им). Первым компонентом является слово хан, означающее титул во всех тюркских языках, а также в азербайджанском. Происхождение второго компонента исследователи объясняют по-разному. По мнению Б. М. Шакова компонент *-ım* в слове *xanım* (ханым/ханум) является суффиксом принадлежности [6: 56]. Такого же мнения придерживается А. М. Гурбанов [9: 21]. Кононов считает суффикс уменьшительного значения [4: 96]. По мнению М. Д. Новрузова, компонент *-ım* является пережитком суффикса женского рода [6: 22]. Об этом же позволяют говорить и следующие факты. В современном уйгурском, в отличие от азербайджанского, суффикс *-ım* (-им) часто встречается в женских именах. По мнению Г. С. Садвакасова, в языке уйгуров семи течений этот суффикс добавляется к сокращенным вариантам мужских имен для выражения иронии [6: 48].

В языке древнетюркских письменных памятников слово *тенрим* употребляется в значении *imperatrix* («императрица») [10: 97]. Следует отметить определенное сходство между индексом женского пола и уменьшительно-ласкательными суффиксами. Например, по мнению А. Н. Кононова, суффикс *-хан* (-хан), выступающий показателем женского рода в большинстве тюркских языков, является производным от общеалтайского уменьшительно-ласкательного суффикса, другими словами, он образован от сочетания суффиксов *q/k* (г/к) и *-n* (-н) [10: 96-97]. В современном осетинском языке частица *-хан* (-хан) встречается в составе сложных женских имен. Например, *Dunetxan* (Дунетхан), *Ezetxan* (Эзетхан), *Dauxan* (Даухан) и др. По мнению М. Д. Новрузова, «в осетинском языке частица *-хан* (-хан) есть уменьшительно-ласкательный суффикс тюркского происхождения» [10: 33]. Следует отметить, что в некоторых тюркских языках (например, в узбекском) суффикс *-хан* (-хан) ироничен при добавлении к мужским именам [10: 33]. В. И. Абаев считает эту частицу сокращенным вариантом слова *xanim* (ханым/ханум) [1: 24].

Слово *bəyim*, как и слово *xanim* (ханым/ханум), употребляется в азербайджанской антропонимии и как отдельное, и как составное существительное. Этимологически оно состоит из частей *bəy* и *-im*. Первая часть — заглавное слово, а вторая — уменьшительно-ласкательный и диминутивный суффикс, встречающийся в форме *xanim*.

Другое слово, эквивалентное этим словам, — *bikə* (бике). В нухинском диалекте есть вариант этого слова, которое также используется для обозначения жен дядей. Раньше в селе Бидачик люди в знак уважения так обращались к женам [2: 24].

По мнению Н. К. Дмитриева, слово *bikə* (бика) появилось от слова *bəy* (бей) в результате сочетания суффикса *-ə*, являющегося показателем женского рода в арабском языке [2: 98]. Такого же мнения придерживается Л. А. Покровская [5: 70]. По М. Д. Новрузову, слово *bikə* (бика) представляет собой сочетание двух морфем: *bikə* (бей) и *-ça* (ча). Первым компонентом является слово бей, что означает титул, а вторым компонентом является морфема *-ça* (-ча), что означает сокращение. Суффикс *-ça* (-ча) встречается и в языке болгарских тюрков. Эту морфему также следует рассматривать как показатель женского пола. Например: король — королева. Можно предположить, что слово *bikə* прошло этапы *bey+çe* ~ *biyçe* ~ *biçe* ~ *bike* (бей + че ~ бийче ~ биче ~ бике) и попало в нынешнюю форму [10: 34]. Кроме слов, упоминаемых в нашем

языке, слово *bani* (баны) употребляется как отдельно, так и в составе сложных имен. По мнению некоторых исследователей, имеет персидское происхождение. В караимском языке встречаются женские имена, такие как *Biyana* (Бияна) и *Biykenes* (Бийкенеш). Н. П. Диренкова связывает происхождение этого имени с именем *Ümay* (Умай) в орхонских памятниках [3: 231]. По нашему мнению, слово *bani* (баны) пришло к своему современному виду через развитие *Ümay ana* (Умайана), *Ubay ana* (Убайана), *Vay ana* (Байана), *Vay anı* (Байаны), *Vaynı* (Байны), *Banı* (Баны). Использование слова в значении *xanım* (ханым/ханум) также доказывает это [6: 34].

С момента создания человеческого общества человек создал культуру, постепенно развил ее и тем самым историзировал как систему материальных и духовных ценностей и отношений. Исторические исследования доказывают, что вторым фактором, защищающим, идентифицирующим, укрепляющим и укрепляющим людей и нацию, является ее язык.

Литература:

1. Абаев В. И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии // Теория и практика этимологических исследований. — М., 1985. — 262 с.
2. Дмитриев Н. К. О категории грамматического рода в азербайджанском языке // Изв. Акад. Пед. Наук РСФСР. — Вып. 40. — 1952. — 126 с.
3. Дружневская Г. В. Еще раз о «Кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник. — М., 1974. — 186 с.
4. Коммуникативный синтаксис: Сб. научн. статей. — М., 1984. — 203 с.
5. Проничев В. П. Синтаксис обращения. — Л., 1971. — 264 с.
6. *Azərbaycan dilinin etimologiya və onomastika məsələləri*. — Bakı, 1990. — 105 s.
7. *Cabbarlı C. Q. Seçilmiş əsərləri: 4 cilddə. II c.* — Bakı: Yazıçı, 1983. — 240 s.
8. *Əhmədov S. M. Seçilmiş əsərləri: 2 cilddə. II c.* — Bakı: Azər nəşr, 1990. — 352 s.
9. *Qurbanov A. M. Azərbaycan onomalogiyası məsələləri*. — Bakı, 1986. — 496 s.
10. *Novruzov M. D. Azərbaycan dilinin etimologiya və onomastikası məsələləri*. — Bakı: BDU, 1990. — 187 s.

Сведения об авторах

Ашкенази Роза Сергеевна — магистрант Восточного факультета СПбГУ, кафедра теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки, профиль «Культура народов Азии и Африки». E-mail: an_igr@mail.ru

Бегланова Айтач Геннадьевна — преподаватель Международного инженерно-технологического университета им. Огуз Хана (Туркменистан)

Бекджаев Тагандурды Бекджаевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры туркменского языка факультета туркменской филологии Туркменского государственного университета им. Магтымгулы. E-mail: taganbekje@gmail.com

Васильева Ольга Валентиновна — заведующая сектором восточных фондов отдела рукописей Российской национальной библиотеки. E-mail: manuscripts@nlr.ru

Виноградова Дарья Юрьевна — студент Восточного факультета СПбГУ. E-mail: daryvin1999@gmail.com

Гимазиева Лейсан Маратовна — студент Казанского Федерального университета, Институт международных отношений, член Экспертного совета по молодежной политике Молодежного парламента при Государственной Думе (Казань). E-mail: leisangimazieva@yandex.ru

Голубев Павел Павлович — студент Восточного факультета СПбГУ

Давыдов Сергей Александрович — студент магистратуры факультета Международных отношений МГИМО МИД России.

Деркачёва Мария Олеговна — студент Восточного факультета СПбГУ

Жуков Константин Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ. E-mail: konstantin.zhukov2011@yandex.ru

Каррыева Жанна Баймухамедовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Туркменского национального института мировых языков им. Д. Азади

Козуб Екатерина Алексеевна — аспирант Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
katya-kozub@yandex.ru

Колосова Дарья Ивановна — аспирант Восточного факультета СПбГУ. E-mail: darykolosova@yandex.ru

Копанева Дина Дмитриевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета СПбГУ. E-mail: st036379@spbu.ru

Красуцкий Станислав Андреевич — студент магистратуры кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ

Кураксина Татьяна Олеговна — студент Восточного факультета СПбГУ. E-mail: kuraxinatatyana@gmail.com

Кушхов Борис Хабижевич — сотрудник Института Востоковедения РАН

Лебедев Эдуард Евгеньевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (Чебоксары). E-mail: edlebed@gmail.com

Лученков Иван Романович — студент магистерской программы СПбГУ, ассистент преподавателя арабского языка НИУ ВШЭ СПб. E-mail: lir-529@mail.ru

Лямина Эвелина Павловна — студент Восточного факультета СПбГУ

Митряшкин Александр Сергеевич — студент Восточного факультета СПбГУ

Образцов Алексей Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ. E-mail: 0708ural@mail.ru

Первушин Алексей Михайлович — студент Восточного факультета СПбГУ. Email: alexispervushin@gmail.com

Псянчин Юлай Валиевич — доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Государственного автономного учреждения Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии (Уфа). E-mail: yulayps@yandex.ru

Репенкова Мария Михайловна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литератур народов Азии Института востоковедения РАН. E-mail: mmrepenkova@ Rambler.ru

Сагдеева Рената Ильмировна — студент Восточного факультета СПбГУ. E-mail: st087157@student.spbu.ru.

Серкина Галина Александровна — сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Turkish_art@hermitage.ru

Слипчик Кирилл Анатольевич — студент Восточного факультета СПбГУ. E-mail: kirillas8@yandex.ru

Сүлейманова Алия Сократовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ. E-mail: suleymanova2001@mail.ru

Телицин Николай Николаевич — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой тюркской филологии Восточного факультета. E-mail: n.telitsin@spbu.ru

Терешенко Софья Михайловна — студент Восточного факультета СПбГУ. E-mail: sophie.7terre@gmail.com

Токарева Мария Максимовна — студент Восточного факультета СПбГУ. E-mail:

Фомкин Михаил Семенович — кандидат филологических наук, доцент Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Шакирова Алсу Рамисовна — аспирант Казанского федерального университета (Казань). E-mail: alsusalakh@mail.ru

Эминли Бейюханум Ибрагим — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой азербайджанского языка и методики его преподавания Сумгаитского государственного университета (Сумгаит). E-mail: resadok50@gmail.com

Санкт-Петербургский центр развития
и поддержки востоковедных исследований

Научное издание

**Актуальные вопросы
тюркологических исследований**

Выпуск II

*Сборник статей на русском
и турецком языках*

Корректор Е. Л. Белкина

Подписано в печать с оригинал-макета 10.10.23.

Формат 60×84^{1/16} Бумага офсетная.

Объем 14,25 п.л.

Тираж 200 экз. Заказ 18.